МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2016 **№ 5 (43)**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал индексируется в БД Scopus и включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Редакционная коллегия журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

Editorial Board of the Tomsk State University Journal of Philology

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

Редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)
А.С. Янушкевич (Томск, Россия)

Editorial Council of the Tomsk State University Journal of Philology

J.F. Bailyn (Stony Brook, United States)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, United Kingdom)
M.N. Lipovetsky (Boulder, United States)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, United States)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)
A.S. Yanushkevch (Tomsk, Russia)

© Томский государственный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Айтенова И.К., Балобанова (Золотарева) Л.А. Речевое поведение радиоведущего в ситуациях коммуникативного дискомфорта (на примере программ информационно-развлекательного вещания) 5
Долгушина Л.В. Лакуны в древнейшем славянском переводе гомилий св. Григория Богослова 24
Иванцова Е.В., Черных З.В. Нарушение норм речевого поведения как причина конфликтов в студенческой коммуникации 31
Караваева В.Г., Андросова С.В. Аллофонное варьирование гласных /u/ и /ʊ/ в современной британской речи (на материале аналитических новостных передач BBC)
Меликян А.В. Фразеосхемы с опорным компонентом-союзом..... 46
в современном испанском языке 59
Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных 71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Авраменко И.А. Устный и письменный модусы в английском перволичном ретроспективном романе конца XVII–XIX в..... 93
Богданова О.А. Д.С. Мережковский и «консервативная революция» в Германии 108
Бутенина Е.М. Толстой и американский «моральный реализм» второй половины XX в. (момент эпифании в прозе Сола Беллоу и Джона Гарднера) 122
Седельникова О.В. Литература и живопись в художественной критике А.Н. Майкова Статья вторая. «Поэзия» живописи» и «живопись поэзии» в художественной критике А.Н. Майкова: К вопросу о поэтическом и пластическом в искусстве 132

ЖУРНАЛИСТИКА

Есипова В.А., Шевцов В.В. Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи..... 147
Кубышко О.В. Зарождение и развитие кинологической журналистики Западной Европы и Америки 161
Сидоров В.А. Ценностное понимание мира в гуманитарном знании XXI в..... 172

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 185

CONTENTS

LINGUISTICS

Aitenova I.K., Balobanova (Zolotareva) L.A. Verbal behavior of radio presenters in communicative discomfort situations (entertainment and information radio shows) 5
Dolgushina L.V. Gaps in the oldest Slavic translation of the homilies of St. Gregory of Nazianzus 24
Ivantsova E.V., Chernykh Z.V. The violation of speech behavior norms as the reason for conflicts in student communication 31
Karavaeva V.G., Androsova S.V. Allophonic variation of vowels /u/ and /ʊ/ in modern British speech (based on BBC analytical news programs) 46
Melikyan A.V. Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction in the contemporary Spanish language 59
Rezanova Z.I., Miklashevsky A.A. Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database 71

LITERATURE STUDIES

Avramenko I.A. Oral and written modes in the first-person retrospective English novel, 1700–1900 93
Bogdanova O.A. D.S. Merezhkovsky and the "Conservative Revolution" in Germany 108
Butenina E.M. Leo Tolstoy and American "moral realism" in the late 20th century (epiphany in Saul Bellow and John Gardner) 122
Sedelnikova O.V. Literature and pictorial art in A.N. Maikov's artistic criticism. *Article Two:* "Poetry of pictorial art" and "pictorial art of poetry" in A.N. Maikov's artistic criticism: on the issue of the poetic and the plastic in art 132

JOURNALISM

Esipova V.A., Shevtsov V.V. Tomsk amateur journals in the process of students' cultural identification 147
Kubyshko O.V. Origin and development of cynological journalism in Western Europe and America 161
Sidorov V.A. Value oriented understanding of the world in the journalism and humanities of the 21st century 172

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 185

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.5
DOI: 10.17223/19986645/43/1

И.К. Айтенова, Л.А. Балобанова (Золотарева)

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РАДИОВЕДУЩЕГО В СИТУАЦИЯХ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММ ИНФОРМАЦИОННО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ)

В статье анализируется речевое поведение радиоведущего в ситуациях прогнозируемого и непрогнозируемого коммуникативного дискомфорта. Объектом исследования является речь радиоведущих центральных радиостанций и их гостей в рамках информационно-развлекательных программ. Под коммуникативным дискомфортом авторы понимают ситуацию, которая характеризуется чертами, затрудняющими реализацию тех или иных коммуникативных намерений и/или ожиданий участников. Все ситуации коммуникативного дискомфорта авторы разделяют на непрогнозируемые и прогнозируемые.
Ключевые слова: *речевое поведение радиоведущего, коммуникативный дискомфорт, тактики, стратегии.*

В последние годы особую актуальность приобрели работы, посвященные исследованию речевого взаимодействия в различных сферах публичной деятельности человека, среди которых большое внимание уделяется политическому дискурсу, выявлению новых тенденций в печатных СМИ, в интернет-коммуникации, возрос интерес исследователей к анализу теле- и радиоречи. Радиокоммуникация становится объектом исследования в аспекте речевых жанров [1–4], коммуникативных способов организации радиодискурса [5]. Большой интерес представляет исследование моделей взаимодействия автора и адресата [6], в том числе с точки зрения успешности и неуспешности речевого общения [7]. Актуальность исследований радиоречи связана с происходящими изменениями в стратегиях и тактиках речевого поведения участников радиокоммуникации. По словам Л.И. Ермоленкиной, «фактором сущностного изменения структуры речевой стратегии внутри дискурса становится, прежде всего, возрастание роли интерактивной журналистики, воспринимаемой как основной способ привлечения внимания аудитории и вовлечение ее в собственное дискурсивное пространство» [6]. Среди наиболее заметных изменений в современной радиокоммуникации отмечаются возросшая спонтанность речи, уменьшение ее аргументированности, снижение официальности, возрастание субъективной оценки, влияние бытовой сферы и другие факторы. Всеми исследователями замечено увеличение доли развлекательного радиовещания. Именно установка на развлечение радиослушателей является причиной появления большого количества экспрессивной составляю-

щей в речи радиоведущего. Как пишет П.Н. Босый, «бытующее мнение о фатической речи как о разговоре «ни о чем» нельзя применить к радиоречи, поскольку любое общение в радиоэфире имеет содержательный компонент, причиной чему становится ориентация на массовую аудиторию» [7. С. 66].

Речевое поведение радиоведущего в изменившихся условиях радиокоммуникации представляет интерес в аспекте исследования коммуникативных неудач, возникающих в радиоэфире, способов их предотвращения и стратегий выхода из коммуникативного дискомфорта. В нашей работе *речевое поведение* мы вслед за В.И. Карасиком понимаем как совокупность осознанных или неосознанных поступков, которые отличают речь и речевые реакции говорящего и раскрывают его характер [8. С. 24]. Анализ речевого поведения радиоведущего в данной статье ограничен рассмотрением речевых стратегий и тактик в ситуациях коммуникативной неудачи. Материалом для наблюдения послужили записи более 20 передач радиостанции «Маяк» за последние 6 лет, что составило около 14 часов эфирного времени.

Коммуникативной неудачей мы считаем недостижение говорящим (в данном случае радиоведущим) своей коммуникативной цели. Важным понятием для нас также является *коммуникативный дискомфорт,* т.е. ситуация, в которой присутствуют черты, «затрудняющие реализацию тех или иных коммуникативных намерений и/или ожиданий участников» [9. С. 67]. Коммуникативная неудача является результатом неуспешной коммуникации, в основе которой лежат неправильно выбранные языковые средства или тактики и стратегии говорящего, отрицательное действие которых можно проследить на стадии коммуникативного дискомфорта.

По мнению Е.М. Мартыновой, коммуникативный дискомфорт может быть обусловлен личностными особенностями коммуникантов, обстоятельствами общения, вербализацией и пониманием, трудностями достижения коммуникативной и практической целей, а также может быть связан с нарушением принципа коммуникативной контактности [10]. Так как причины коммуникативного дискомфорта совпадают с причинами коммуникативных неудач, в нашей статье мы рассматриваем их в комплексе.

Попытки классифицировать коммуникативные неудачи принадлежат многим исследователям. Так, в работе О.П. Ермаковой и Е.А. Земской «К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)» авторами выделяются три основные причины коммуникативных неудач: особенности языковой системы; различия говорящих; прагматические факторы [11]. Несколько иная классификация представлена Л.Л. Славовой, которая рассматривает коммуникативные неудачи *языкового характера*, *речевого характера* (нарушение постулатов П. Грайса), лингвокогнитивного и паралингвистического характера [12].

В работе П.Н. Босого «Современная радиоречь в аспекте успешности / неуспешности речевого взаимодействия» детально анализируются коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях, а также неудачи речевого характера, к которым относятся: разное понимание форм выражения вежливости, ошибки в идентификации собеседника, нарушение принципа корректности [7].

В данной статье также приводятся языковые, речевые и когнитивные факторы, вызывающие коммуникативный дискомфорт. Все ситуации коммуникативной неудачи рассматриваются нами в аспекте прогнозируемости / непрогнозируемости.

К непрогнозируемым мы относим те коммуникативные ситуации, в которых коммуникативные сбои возникают стихийно в результате неверно выбранной тактики или ее лексико-семантических составляющих, что приводит к неожиданной реакции собеседника на реплику говорящего. Ведущий, обнаружив свою ошибку, как правило, ищет выход из сложившейся ситуации, чтобы избежать коммуникативного конфликта. Как справедливо отмечено в работе Л.П. Семененко, «дискомфортная ситуация не всегда завершается коммуникативной неудачей; наоборот, осознавая дискомфорт, коммуниканты начинают искать способы его преодоления, что приводит к выходу из коммуникативных неудач... неосознание участником коммуникации неудачи приводит к ощущению мнимого благополучия коммуникации, что влечет за собой новые коммуникативные неудачи» [9. С. 71–72].

В прогнозируемых коммуникативных ситуациях, где дискомфорт в общении провоцируется преднамеренно, радиоведущий для максимального раскрытия собеседника намеренно выбирает те тактики, которые могут, например, скомпрометировать гостя или поставить мнение ведущего в оппозицию мнению своего собеседника. Такой выбор стратегии всегда рискован, он может привести не только к коммуникативному дискомфорту собеседника, но и к конфликту, однако в последние годы он является одной из ведущих тенденций современного речевого поведения радиоведущих.

Рассмотрим наиболее типичные причины возникновения ситуаций коммуникативного дискомфорта в речевом поведении радиоведущих и способы их преодоления. Данный перечень не является конечным, однако, на наш взгляд, он отражает современные тенденции в речи радиоведущих. Следует также заметить, что способы выхода из дискомфортной ситуации могут быть различными и, как правило, не соотносятся с определенными причинами. Именно поэтому при анализе коммуникативных ситуаций применялся комплексный подход, включающий одновременное представление причин и способов их преодоления.

Непрогнозируемые коммуникативные неудачи

Коммуникативные неудачи, как было указано выше, могут быть вызваны различными факторами: языковыми, речевыми, когнитивными. В некоторых случаях они накладываются друг на друга и тем самым углубляют коммуникативный дискомфорт.

1. Среди **языковых причин**, вызывающих непрогнозируемые коммуникативные неудачи, наиболее частотными, на наш взгляд, являются внутриязыковая омонимия и употребление сниженной лексики.

1) Чаще всего коммуникативные неудачи возникают из-за непонимания собеседников, которое может быть вызвано внутриязыковой омонимией. Применительно к радиоречи по степени частотности омонимичных совпадений среди существительных П.Н. Босый выделяет *омонимичные имена собственные* [7. С. 118]. К существующим примерам мы можем добавить случай омонимии имени прилагательного. Так, в приведенном ниже отрывке имя

прилагательное *синяя* выступает в функции фамилии, что не распознается гостем программы. Причиной отчасти является возможный пропуск конструктивного компонента (*ее зовут* или *ее фамилия*). Следует отметить, что подобный эллипсис очень характерен для разговорной речи.

(14.05.2010 19:05 Шоу «По-Большому». Ведущие: Лена Батинова и Максим Ковалевский. Гость студии: актёр Александр Носик).

Носик: *Особенно в нарисованном «Аватаре» / хорошо я был бы лианой слева.*

Батинова: *Кстати / вот эта актриса / которая снималась в «Аватаре»* ***Синяя****.*

Носик: ***В каком смысле // синяя****?*

Ковалевский: *Ну это известная* ***Синяя // это фамилия****.*

Батинова: *Не та // которая пьет.*

Ковалевский: *Маргарита* ***Синяя****.*

Батинова: *Очень популярная / межу прочим / она первая в рейтингах // Люди любят ее очень // нравится всем.*

Коммуникативный дискомфорт вызывает прилагательное *синяя*, в данном контексте оно имеет три значения. Первое − это прямое значение прилагательного, обозначающего цвет: в фильме «Аватар» кожа героев, жителей планеты Пандора, была синего цвета, однако, если учесть тот факт, что такой цвет кожи имели почти все герои, у гостя возникло непонимание, кого конкретно имеют в виду. Такое непонимание отражается в интерпретационном вопросе: *В каком смысле?* Ведущий Ковалевский разъясняет информацию коллеги, добавляя необходимые конструктивные элементы: *это фамилия*, *Маргарита Синяя*. С целью контроля верного восприятия информации ведущая Лена Батинова также применяет тактику разъяснения, которая устраняет лексическую омонимию: *это не та, которая пьёт.* В таком контексте прилагательное *синий* имеет значение *пьяный*. Данное значение на сегодняшний момент зафиксировано Л.А. Захаровой, В.А. Шуваевой в «Словаре молодёжного сленга», выполненном на материале лексикона студентов Томского государственного университета 2014 г., с пометой «пренебрежительный, шутливо-ироничный» и употребляется только в разговорной речи [13. С. 98].

Ведущей тактикой устранения непонимания в таком типе коммуникативной неудачи является тактика разъяснения. Разъяснение необходимо потому, что ведущий должен учитывать отсутствие нужных фоновых знаний у слушателей и гостя программы, поэтому такая тактика может применяться не только при устранении коммуникативной неудачи в случае многозначности слова, но и в других случаях, вызывающих коммуникативные затруднения, например, при определении выбора темы передачи или в ситуации неправильного восприятия собеседником коммуникативного намерения говорящего.

2) К коммуникативной неудаче участников радиокоммуникации часто приводит неуместное использование разговорной экспрессивной лексики сниженной окраски. Несоблюдение норм речи, к сожалению, является типичной чертой современного радиовещания. Данная тенденция вызвана многими факторами, среди которых можно выделить отсутствие цензуры, установку на развлекательность радиовещания, ориентированность на массовую ауди-

торию, предполагающую общедоступность речи и отступление от языковых норм; увеличение категоричности, оценочности высказывания в ущерб информативности, а также случаи дискурсивной избыточности.

Использование экспрессивной сниженной лексики нельзя рассматривать как чисто языковые причины коммуникативной неудачи, ведь данная лексика является средством выражения оценки. Таким образом, мы наблюдаем несовпадение взглядов ведущего и гостя на определенный предмет речи, что относится уже к когнитивным факторам. В качестве примера предлагаем рассмотреть беседу радиоведущих и гостя программы о семье Л.Н. Толстого.

(30.03.2010 16:05 Шоу «Центральный комитет». Ведущие: Тутта Ларсен и Вадим Тихомиров. Гость: писатель, литературный критик, исследователь творчества Л.Н. Толстого Павел Басинский).

Тихомиров: *И когда Софья Андреевна сделала последний* ***втык*** *Льву Николаевичу?*

Басинский: *Вы знаете / здесь* ***о втыке*** *говорить не совсем правильно // Софья Андреевна в это время находилась в очень / мягко говоря / сложном психологическом и даже психическом состоянии / безусловно.*

Ларсен: *В общем / он ее тоже* ***довёл*** *в принципе.*

Басинский: *Может быть да // Действительно непростая жизнь // Она родила 13 детей…*

Тихомиров: *Она рожала-рожала / терпела от него все эти* ***измывательства.***

Басинский: ***Ну / это не совсем правильно/ ну какие измывательства?***

Тихомиров: ***Ну / я образно.***

Реплика-выявление собеседника *здесь о втыке говорить не совсем правильно* является показателем коммуникативного дискомфорта, вызванного неудачным употреблением первым ведущим экспрессивного разговорного выражения *сделать втык*. Второй ведущий, пытаясь смягчить категоричность высказывания коллеги и снять коммуникативный дискомфорт, использует тактику солидаризации с гостем. В приведенном примере для тактики солидаризации характерны рефлексивы сомнения *в общем, в принципе*: ***В общем*** *// он ее тоже довел* ***в принципе*** //, при помощи которых снижается категоричность высказывания коллеги. Предложенный ведущей вариант со словом *довел* не является таким категоричным и, судя по реакции, устраивает собеседника. Однако общая тональность разговора, перевод его из интеллектуальной беседы в бытовое русло, смена языкового кода (использование парафраза для переформулирования высказывания гостя в адрес простого радиослушателя), нарастающая категоричность оценки *сделала втык – он ее довел – терпела измывательства*, – все это служит для создания дискомфортной ситуации для гостя программы.

Неосознание первым ведущим ситуации как дискомфортной и продолжение диалога в категоричном тоне лишь усугубляют дискомфорт, это вынуждает гостя вторично указать на неуместность выражения «терпеть измывательства» по отношению к семье Льва Толстого. Второй причиной коммуникативного конфликта в данной ситуации, по нашему мнению, могло стать несовпадение представлений коммуникантов о многодетной семье, т.е. данная коммуникативная неудача обусловлена также когнитивным фактором.

Традиционно в христианской русской культуре иметь большую семью считалось нормой, и семья Л.Н. Толстого не являлась исключением. Возможно, по мнению ведущего (Тихомиров), многодетная мать представляет собой несчастную, измученную, уставшую женщину, поэтому он называет рождение такого большого количества детей *измывательством.* В толковом словаре Д.Н. Ушакова слово *измывательство* помечено как *разговорное, фамильярное* и толкуется как *издевательство, злостная насмешка* [14]. Таким образом, избыточная оценочность высказывания приводит к дискомфорту. В целях устранения коммуникативного дискомфорта ведущий применяет тактику оправдания, снимающую категоричность суждения: *Ну / я образно.* Лексико-семантическим показателем такой тактики в данном примере является частица *ну*, смягчающая категоричность.

В радиоэфире могут возникать случаи неуместного употребления экспрессивной лексики не только ведущим, но и гостем. Примером этому может служить выступление актера Ивана Охлобыстина в эфире «Маяка», в котором он рассказывает о том, что, будучи священником, он играл беса. Дав понять всем радиослушателям, что многочисленные вопросы на религиозную тему его раздражают, гость употребляет грубое, экспрессивное, бранное устойчивое выражение, ставя радиоведущего в затруднительное положение.

(22.04.2010 13:05 «Дневное шоу Антона Комолова и Ольги Шелест» – разговор о сериале «Интерны». Ведущие: Антон Комолов и Ольга Шелест. Гости программы: актер и сценарист Иван Охлобыстин и продюсер Вячеслав Дусмухаметов.)

Охлобыстин: *С позиции авторитета 44 лет из радиостанции / из студии радиостанции «Маяк» отвечаю всем / кто будет задавать мне религиозные вопросы // Не задавайте / я уже ответил // воспользуйтесь интернетом //* ***В ином случае я буду считать это личным оскорблением / и соответственно / идите в задницу.***

Шелест: ***О / как нам повезло!*** *// А представляешь / если бы это было до нас на какой-нибудь другой радиостанции.*

Охлобыстин: *Потому что это просто оскорбительно / все время отвечать / перед кем-то оправдываться.*

В случаях применения экспрессивной лексики гостем программы ведущий, ориентируясь на массовость адресата, на различный возраст слушателей, применяет тактику смягчения категоричности высказывания гостя, используя приём шутки: *О / как нам повезло!* В свою очередь, автор бранного выражения, Охлобыстин, также смягчает ситуацию, аргументируя причину своего речевого поведения и психологического состояния.

Таким образом, случаи омонимии и употребление экспрессивной сниженной лексики выходят за рамки чисто языковых причин, поэтому нуждаются в рассмотрении в комплексе с когнитивными, психологическими причинами.

2. К **речевым факторам**, вызывающим коммуникативный сбой, можно отнести нарушение принципа корректности высказывания, этикетных норм и случаи неправильной идентификации лица.

1) Рассмотрим ситуации нарушения принципа коммуникативной корректности при характеристике физических особенностей и оценке деятельности собеседника.

А) Нарушение корректности при характеристике физических особенностей человека.

(02.06.2010 19:05 Шоу «По-Большому». Ведущие: Лена Батинова и Максим Ковалевский. Гости: Александр Невский, Оксана Сидоренко − чемпионка мира по бальным танцам.)

Ковалевский: *Александр / **какой вы все-таки шкаф!** // Ну это вообще / что-то невероятное!*

Батинова: *Макс умеет делать комплименты.*

Ковалевский: *Оксана небось / **хрустела в ваших руках** / Нет?*

Александр Невский: ***Вы имеете в виду в какой момент**?*

Ковалевский: *Ну в момент танцев / разумеется.*

Оксана Сидоренко: *Я не пострадала вообще нисколько.*

Невский: *Спасибо вам огромное / А я пострадал – я похудел на 12 килограммов.*

Батинова: *Это хорошо для вас или плохо?*

Ковалевский: ***То-то вы осунулись** / я смотрю.*

Невский: *Вы только что сказали **/ что я огромный как шкаф** / одну минуточку!*

Ковалевский: ***Одно другого не исключает // Шкаф тоже может осунуться**.*

В данной ситуации использование приема шутки радиоведущими выглядит вполне оправданным, так как особенностью подобных радиопередач является направленность на развлечение. Первый ведущий, устанавливая контакт с гостем, задает дружеский тон беседе, сделав комплимент внешнему виду собеседника в виде шутки: *вы все-таки шкаф*. Шуточное восприятие достигается благодаря использованию частицы *все-таки*, подчеркивающей скрытую противоречивость. С одной стороны, ведущий делает комплимент, любуясь широкими плечами гостя, с другой – он не может подобрать другого нужного слова, способного выразить полноту восхищения, кроме слова *шкаф.* Второй ведущий, заметив некорректность высказывания, смягчает категоричность коллеги, также прибегая к приему шутки: *Макс умеет делать комплименты*. Такое высказывание дает настрой на шутливое восприятие высказывания коллеги, так как несет в себе имплицитную информацию отрицания.

Реплики-выявления *Вы имеете в виду в какой момент //* и *Вы только что сказали / что я огромный как шкаф / одну минуточку!* тем не менее показывают, что выбранная ведущим стратегия обсуждения физических качеств гостя программы является неэффективной и создает предпосылки для возникновения дискомфорта.

Б) Нарушение корректности при оценке деятельности человека.

(07.04.2008 12:05 «Дневное шоу Антона Комолова и Ольги Шелест»; разговор о новом сериале «Две сестры» на телеканале «Россия». Ведущие: Антон Комолов и Ольга Шелест. Гость программы: актер Александр Дьяченко.)

Комолов: *Александр / **одна из главных или главная роль**? // **Вообще / там есть какое-то деление?** // Я знаю / что сейчас снимают и фильмы и сериалы / когда умышленно 8 главных персонажей.*

Дьяченко: *Какой же артист **в здравом уме вам** признается / что он не самый главный?! // Конечно /самый главный.*

Комолов: *Нам тоже приятно / что у нас в гостях исполнитель **самой главной роли** в этом сериале.*

В данной ситуации ведущий, зная, что его собеседник является исполнителем главной роли, задает ему провокационный вопрос: *одна из главных или главная роль*. На некорректность указывает реплика-реакция собеседника, выражающая эмоциональное отношение к высказыванию: *какой же артист **в здравом уме признается,** что не самый главный?!*

Пытаясь исправить положение, ведущий прибегает к тактике солидаризации с собеседником: *у нас в гостях исполнитель самой главной роли в этом сериале.* В данной фразе представления гостя студии радиослушателям звучит шутливое (возможно, даже ироничное) соглашение с гостем. Таким образом, использование приема шутки помогает ведущему выйти из состояния дискомфорта и продолжить передачу.

2) К коммуникативной неудаче, вызванной речевыми факторами, относится несоблюдение правил речевого этикета, а точнее, принципа вежливости, сформулированного Г.П. Грайсом. Принцип вежливости – это принцип *взаиморасположения говорящих* в коммуникации [15. С. 208–226]. Соблюдение принципа вежливости создает среду позитивного взаимодействия, обеспечивает благоприятный фон для реализации коммуникативных стратегий. Нарушением данного принципа может являться фамильярное отношение ведущего к собеседнику. Часто, пытаясь снять коммуникативное напряжение в беседе, радиоведущие позволяют себе обращаться фамильярно не только к знакомым гостям, но и к гостям, находящимся в первый раз в студии.

(23.09.2015 9:00 Передача «В гостях у Сергея Стиллавина и его друзей». Ведущие: Сергей Стиллавин, Рустам Вахидов. Гость: директор лагеря-санатория «Артек» Алексей Анатольевич Каспржак.)

Стиллавин: *Сегодня к нам в гости приехал сквозь пробки / потому что / оказывается / в Севастополе по утрам очень сильно напряженный трафик // Алексей Анатольевич Каспржак // **Алеш / можно вот так**?*

Каспржак: *Можно / Алексей.*

Стиллавин: *Алексей / да / по-простому // Директор международного лагеря «Артек».*

В данной ситуации употребление фамильярной формы обращения *Алёш* является ничем не обусловленным. Ведущий, желая соблюсти речевой этикет, спрашивает разрешения у собеседника называть его краткой формой имени, однако собеседник (Каспржак) корректирует ведущего и предлагает ему альтернативную, более комфортную и соответствующую официальной ситуации форму имени: *Алексей*. Чтобы предупредить возможный коммуникативный дискомфорт, ведущий соглашается с поправкой собеседника, однако вскоре вновь возвращается к употреблению фамильярного обращения *Леш* и на ты:

Стиллавин: *...**Алексей** как раз заступил на свою должность полтора года тому назад // **Леш** / расскажи как начиналась эта работа?*

Вахидов: *И в каком состоянии полтора года назад сам лагерь находился?*

Каспржак: ***Ну / во-первых / добрый день.***

Стиллавин: ***Добрый день / да.***

Каспржак: *Мне кажется // что мне вообще можно было бы не приезжать // Поделившись впечатлениями / вы бы могли вполне себе спокойно на самом деле / передать точную эмоцию / потому что мои эмоции / они все-таки наполнены временем / наполнены пониманием того…*

Стиллавин: *Алексей / так нам как раз интересны внутренние процессы / задачи / желание / что сделать / потому что внешнее ощущение / оно вот такое.*

Заметив оговорку, ведущий снова возвращается к установленному собеседником имени, поэтому в данном случае коммуникативного сбоя не возникает.

Кроме фамильярного отношения, ведущими нарушен еще один пункт речевого этикета – гостю не дают возможности поприветствовать собеседников и радиослушателей. Каспржак поправляет ход беседы, возвращая ведущих в рамки речевого этикета, что приводит коммуникацию к неудаче: на конкретно заданный вопрос *И в каком состоянии полтора года назад сам лагерь находился* звучит *Ну, во-первых, добрый день*. В результате нарушения речевого этикета радиоведущим возникает ситуация эмоциональной неудовлетворенности гостя, который не только не отвечает на вопрос, но и считает ненужным своё присутствие в студии: *Мне кажется, что мне вообще можно было бы не приезжать,* аргументируя тем, что ведущие вдвоем могут сами поделиться впечатлениями.

Пытаясь снять коммуникативный дискомфорт и наладить контакт, ведущие применяют тактику солидаризации. Тактика солидаризации направлена на создание впечатления общности взглядов, интересов, устремлений: *так нам как раз интересны внутренние процессы / задачи / желание / что сделать*… Используя такую тактику, радиоведущие преследуют следующие намерения: показать собеседнику уважение, свою заинтересованность в мнении собеседника, а также выразить понимание и согласие с его мнением. Таким образом, выход из коммуникативного затруднения найден.

В тех случаях, когда гостя студии и радиоведущего связывают дружеские отношения, использование фамильярного обращения не приводит к коммуникативному сбою.

(23.09.2015 16:00 «Большое интервью Алёны Яковлевой». Ведущий: Алексей Весёлкин**.** Гость студии: актриса Алёна Яковлева.)

Весёлкин: *Алёна Яковлева / Народная артистка страны // **Привет Алён**!*

Яковлева: *Привет.*

Весёлкин: ***Мы будем говорить на «ты» / потому что** чего скрывать / бессмысленно.*

Яковлева: *Да / скрывать тут / в общем / бессмысленно абсолютно.*

Весёлкин: ***Заканчивали одно учебное заведение*** */ театральное училище имени Щукина // в тот момент когда нам казалось / такое впечатление / что мы не ошибаемся / что оно олицетворяло / ну прямо такой / некий театральный свет.*

Яковлева: *Ну / так и было.*

Для речевого поведения радиоведущих характерен так называемый «двойной стандарт»: для слушателей всегда озвучиваются имя и фамилия гостя, иногда полностью, включая отчество, а в беседе ведущий стремится перейти на более непринужденную форму общения. В данном примере ведущий в начале беседы для предупреждения возможного возникновения дискомфорта гостя дает установку на дружеский тон беседы, применяя личное местоимение второго лица, единственного числа *ты* и краткую форму имени − *Алён*, такое обращение является вполне оправданным, поскольку ведущий в дальнейшем указывает причину, позволяющую подобное обращение, − совместное обучение в вузе. Таким образом, возможный коммуникативный дискомфорт может быть предотвращен, если гость соглашается на предложенное обращение, если же нет, ведущий должен принять условия собеседника.

3) Коммуникативным сбоем может служить неверная идентификация лица, имеющего сходную фамилию.

(29.11.2011 18:05 Шоу «Центральный комитет». Ведущие: Тутта Ларсен, Ружейников. Гость: режиссер Алексей Герман-младший.)

Герман: *А это означает / что нет запроса в те же вузы готовить лучше актеров // У нас же актеры хуже / чем 20 лет назад //* ***У нас уже нет*** *Папанова /* ***Миронова*** */ Леонова и так далее //* ***Почему?***

Ружейников: ***Поздравляем Миронова / ему сегодня 45.***

Герман: *Да я* ***Андрея имел в виду.***

Ружейников: *Ну конечно.*

В данной ситуации разговор ведется о проблеме современной подготовки актеров и гость программы ставит в пример актеров старой школы, на что указывают фразы *20 лет назад* и *У нас уже нет...* Невнимательность ведущего к собеседнику и поздравление актера Евгения Миронова с юбилеем приводят к коммуникативному сбою, на что указывает ответная реплика-реакция гостя программы *Да я Андрея имел в виду*. С психолингвистической точки зрения спонтанная реплика ведущего могла быть вызвана ассоциацией с другим актером Мироновым, у которого в этот день отмечался юбилей, и ведущий решил воспользоваться случаем и поздравить его в эфире, не задумываясь о неуместности данного поздравления. Подобные факты характерны для спонтанной разговорной речи. В данной ситуации, получив указание на ошибку, ведущий незамедлительно реагирует, используя тактику единения. Лексико-семантическим показателем данной тактики является лексема *конечно*, выражающая согласие с собеседником, которое психологически воздействует на адресата (гостя) и приводит его к мысли о том, что его понимают, и беседа возвращается в прежнее русло.

3. Среди **когнитивных** причин, вызывающих коммуникативный сбой, можно назвать неправильное восприятие собеседником коммуникативного намерения говорящего, а также нежелание говорить на определенные темы.

1) Коммуникативное намерение может быть неправильно воспринято как гостем, так и ведущим передачи. Как правило, для выхода из затруднения применяются одинаковые тактики: разъяснения и уточнения.

(07.06.2014 13:00 «Воскресный папа». Ведущий: Вадим Тихомиров. Гость: актер Анатолий Белый.)

Тихомиров: *А теперь скажите мне / талантливый актер Анатолий Белый / **как** вы согласились сниматься в этом сериале про Любовь Орлову и Григория Александрова?*

Белый: ***Вопрос «как?»** / в себе что подразумевает? // **Сколько это стоило?***

Тихомиров: ***Нет / зачем / это налоговая служба // Я** к тому / что совсем недавно адвокат Добровинский сообщил всему миру / что он выкупил архивы Любови Орловой и Григория Александрова / и честный / рассказал всю правду / ну / видимо / советскому народу / которому интересно это в большей степени / как они жили и так далее // …*

*…**И я думаю / а что тебя купило в этом образе / в этой роли / в этом сериале / который еще не вышел на экраны**?*

В данном примере радиоведущий использует вопрос с вопросительным словом *как*, имеющий имплицитное значение причины *почему*, однако собеседник не распознает этого значения, в результате чего возникает коммуникативный дискомфорт. Пытаясь устранить возникшее непонимание и получить ответ на заданный вопрос, ведущий применяет сразу две тактики: тактику разъяснения и тактику конкретизации информации. Сначала радиоведущий разворачивает информацию, пускаясь в длительные разъяснения, после чего применяется вторая тактика – конкретизация информации, т.е. ведущий меняет формулировку заданного ранее вопроса: *И я думаю / а что тебя купило в этом образе / в этой роли / в этом сериале / который еще не вышел на экраны?* В результате тактики разъяснения и тактики уточнения ведущему удается снять дискомфорт и получить ответ на заданный вопрос.

В случае, если высказывание гостя программы не понимается ведущим, он (ведущий) также прибегает к тактике уточнения:

(29.11.2011 18:05 Шоу «Центральный комитет». Ведущие: Тутта Ларсен, Ружейников. Гость: режиссер Алексей Герман-младший.)

Герман: *Поэтому / собственно говоря // все мои выступления были попыткой докричаться до того / что-то что **вы** делаете / что **вы** творите с отраслью / что **вы** творите с индустрией / что **вы** творите со студентами / что **вы** творите (**я имею в виду власть**) с налогами / это неправильно / это приведет к падению…*

Ларсен: ***К падению чего?***

Ружейников: ***Меня интересует / вы – власть? // кто?** // С налогами – понятно.*

Герман: ***Что вы мне задаете странные вопросы?***

Ружейников: *Нет / не странные // **Вот с налогами / это понятно кто // Это правительство**.*

Ларсен: ***Ты имеешь в виду / кто это? //** Министерство культуры / Совет или что?*

Герман: *Послушайте / ну как там?// Дума / правительство и так далее // Это сложная система // Мы же понимаем / кто решает / то есть.*

В данной ситуации неверное восприятие имплицитного характера высказывания выражается в непонимании контекстного объема значения личного местоимения *вы*. Для Германа *вы* − это власть как орган управления, объединяющий в себе различные виды государственного управления: думу, правительство и др. Попытка ведущего Ружейникова выяснить границы власти, обозначенной анафорическим местоимением *вы* в речи собеседника, приводит к столкновению в коммуникации, свидетельством чего является реплика-выявление *Что вы мне задаете странные вопросы?*

Разрешить конфликт удается третьему собеседнику (Ларсен), который применяет тактику уточнения с помощью интерпретирующего вопроса: *Ты имеешь в виду / кто это?* Благодаря этому гость понимает причину коммуникативного затруднения и раскрывает информацию, непонятную для радиоведущего.

2) Кроме названных причин, к коммуникативному сбою может привести отказ гостя отвечать на вопросы. Односложные ответы гостя на вопросы радиоведущего заставляют последнего искать выход из создавшегося положения и применять другие тактики и приемы, чтобы *разговорить* гостя. Это подтверждает мнение В.В. Богуславской о том, что в условиях современного массово-коммуникационного дискурса основное требование к порождению текста заключается в его способности побуждать собеседника к активности [16. С. 150].

(07.04.2008 12:05 «Дневное шоу Антона Комолова и Ольги Шелест»; разговор о новом сериале «Две сестры» на телеканале «Россия». Ведущие: Антон Комолов и Ольга Шелест. Гость программы: актер Александр Дьяченко.)

Шелест: *Саш / ты потом смотришь сериалы / в которых снимаешься?*

Дьяченко: *Никогда.*

Ведущую Ольгу Шелест не устраивает односложный ответ актера Дьяченко на вопрос. С целью услышать более подробный, развернутый ответ Шелест применяет тактику уточнения, задавая ряд восполняющих вопросов, которые помогают ей *разговорить* гостя.

Шелест: ***Никогда?*** *// Ну /* ***посмотреть // Что получилось?//*** *Посмотреть /* ***какие актеры там играют / с которыми не пересекался?***

Дьяченко: *У нас есть монтажно-тренировочный период / когда мы надеваем наушники / становимся перед микрофоном и озвучиваем все то / что мы наиграли // Мне достаточно обычно бывает себя озвучить / для того / чтобы получить представление о своем творчестве //* ***В эфире я сериалы не смотрю****.*

Ведущая остается неудовлетворенной таким ответом, и, пытаясь развить тему, она применяет тактику разъяснения: использует интерпретирующий вопрос и формулирует его наиболее точно, оставив только два конкретных варианта ответа, чтобы собеседник мог выбрать один наиболее подходящий вариант. В результате гость отвечает на вопрос самостоятельно и развернуто, цель ведущей достигнута, она получила удовлетворяющий её ответ:

Шелест: *Не смотришь по причине того / что* ***не хватает времени или просто не хочешь смотреть?***

Дьяченко: *Просто сложно // Эти банальные вещи могут сказать вам многие актеры // Всегда смотришь и понимаешь/ что можно было по-другому/ и нужно было по-другому / и лучше.*

Таким образом, наличие таких способов устранения коммуникативных неудач, как шутка, уточнение, разъяснение, оправдание, применение тактики солидаризации и др., является показателем того, что все вышеперечисленные коммуникативные сбои относятся к непрогнозируемым, нежелательным для радиоведущего и требующим изменения его речевого поведения для избегания коммуникативной неудачи или коммуникативного конфликта.

Как правило, исследование коммуникативных неудач в современной лингвистике ограничивается именно рассмотрением непрогнозируемых ситуаций, а случаи преднамеренного создания коммуникативного дискомфорта относятся к речевой агрессии, которая, по мнению Т.А. Воронцовой, представляет собой целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) речевое поведение, в основе которого лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата [17. С. 29]. В качестве критерия разграничения коммуникативной неудачи и речевой агрессии выделяется преднамеренность речевого действия. Развивая данную идею, Е.В. Шелестюк приходит к следующему выводу: «В случае коммуникативной неудачи иллокутивные цели не совпадают с перлокутивным эффектом, в случае же коммуникативной (речевой) агрессии дисгармоничный дискурс создается намеренно, поэтому иллокуция соответствует перлокуции» [18. С. 362]. Тем не менее анализ речевого поведения радиоведущего в прогнозируемой ситуации коммуникативного дискомфорта позволяет нам не согласиться с данной точкой зрения и продемонстрировать примеры несоответствия иллокутивных целей перлокуции.

Прогнозируемые ситуации коммуникативного дискомфорта

Прогнозируемый коммуникативный сбой – это такой сбой в общении, в котором инициатором коммуникативного дискомфорта является сам радиоведущий. Целью ведущего в эфире является максимальное раскрытие собеседника, выявление его взглядов на важные проблемы, побуждение к незапланированной откровенности. Все это нередко заставляет ведущего выбирать те тактики, которые нарушают правила коммуникации и создают для собеседника искусственную ситуацию коммуникативного дискомфорта. Это коммуникативный дискомфорт, сознательно организованный радиоведущим в результате провокации. Рассмотрим его на примере интервью с Н. Михалковым.

Для того чтобы выявить тактики, являющиеся причиной преднамеренного дискомфорта, и проследить их влияние на собеседника с точки зрения успешности / неуспешности, целесообразно анализировать всю передачу целиком. В ситуации начала передачи важной целью радиоведущего является привлечь как можно большее количество радиослушателей. Основными задачами в этом случае будут следующие: заинтересовать гостя в разговоре, подчеркнуть для слушателей актуальность темы и показать осведомленность ведущего в данном вопросе, чтобы добиться от собеседника полного раскрытия проблемы.

Можно сказать, что добиться от гостя исчерпывающей и эксклюзивной информации − это одно из главных показателей профессионального успеха ведущего. Отсюда следует: чем выгоднее ведущий преподнесет важность обсуждаемой темы, покажет подготовленность к данному разговору и понравится гостю, тем успешнее будет достигаться его цель – расширение аудитории слушателей и заинтересованность гостей в участии в следующих программах.

Для успеха речевого воздействия радиоведущего особенно важной оказывается стратегия самопрезентации, которая занимает центральное место среди стратегий воздействия на широкие массы. Как показал анализ всех передач, стратегия самопрезентации в большей степени проявляется в ситуации начала программы, заявления темы и завершения программы.

Следует отметить, что сама по себе стратегия самопрезентации, характерная для ситуации начала передач, и сопутствующие ей тактики, такие как солидаризация, разъяснение, указание на перспективу, не являются компрометирующими и характерными для возникновения преднамеренных неудач. Из этого можно сделать вывод, что попытка дискредитировать собеседника с самого начала передачи играет в речевом поведении ведущего особую роль.

В качестве основной стратегии создания преднамеренного дискомфорта в данной коммуникативной ситуации выступает провокация. Следует отметить, что для этого ведущие выступают в функции ретранслятора, т.е. они озвучивают мнение третьей стороны (радиослушателей, пользователей Интернета). Такая стратегия может использоваться уже в ситуации начала передачи в сочетании со стратегией самопрезентации и в сопутствующей ей тактике разъяснения выбора темы с целью возбуждения в объекте воздействия определенных эмоций и с расчетом на то, что эти эмоции вызовут желаемую реакцию. Отсутствие соответствующей реакции собеседника свидетельствует о коммуникативной неудаче инициатора (ведущего) либо о том, что его партнер понял провокацию как «условие игры».

(02.04.2010 10:00 «В гостях у Сергея Стиллавина и его друзей». Ведущие: Стиллавин, Вахидов, Колосова, Пастухов. Гость: режиссер и актер Никита Михалков. Ситуация начала передачи.)

Стиллавин: *В понедельник* ***до того / как стало известно о терактах*** */ мы подняли вопрос / который на выходных был анонсирован некоторыми новостными агентствами / что* ***Никита Михалков обиделся мягко говоря*** */ на блогеров за то / что они многократно исказили официально вышедший постер к фильму «Утомленные солнцем-2. Предстояние» // Приводились слова в этих сообщениях дочери Никиты Сергеевича / там были дословно слова такие / «Папа расстроен и / в принципе / очень обиделся на то / что люди так это восприняли все // Я выступил в своем посте со своей стороны в защиту Никиты Сергеевича / пост назывался* ***«Никита Михалков наносит ответный удар»*** *// …И вдруг вчера сообщение / звонят какие-то люди и говорят // «Так / завтра после 10 утра у вас Михалков / Все!» // И мы испугались / Господи / как так!*

Михалков: *Зачем мы его звали?*

Используя тактику разъяснения выбора темы, а также с целью привлечь внимание слушателей к передаче, ведущий связывает между собой два со-

вершенно разных и не влияющих друг на друга события: произошедший теракт и искажение блогерами информации о вышедшем фильме Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2. Предстояние». Приведение цитаты типа *Папа расстроен и обиделся*, а также выражения радиоведущего *Михалков наносит ответный удар* создают неблагоприятное впечатление у радиослушателей. Не менее провокационной становится ситуация представления гостя программы: *звонят какие-то люди*, *мы испугались*. Такой прием, как апелляция к чувству страха, создает благоприятную почву для интриги начала программы и помогает держать в напряжении радиослушателей. Однако отсутствие ожидаемой реакции Михалкова и его шутливое дополнение по отношению к себе *Зачем мы его звали* ослабляет напряжение и свидетельствует о том, что гость принял провокацию как условие участия в задуманной игре.

Для создания провокационной ситуации используется такой прием, как слухи: *мы подняли вопрос / который на выходных был анонсирован* ***некоторыми*** *новостными агентствами / что Никита Михалков обиделся* ***мягко говоря*** */ на блогеров*, а также *сюда с утра вышло сообщение о том / что Никита Михалков отказался от идеи подавать в суд на оскорбивших его блогеров // То есть /* ***цитат конкретно вас*** *лично на эту тему* ***нет*** */ есть* ***как бы*** *родственников / близких и лента новостей.* Типичная размытость информации и отсутствие адресанта сообщения, характерные для слухов, вызывают отрицательную реакцию у гостя программы: *Это вообще театр для себя //...Они сами придумывают / что я собирался подавать / теперь я отказался подавать / дальше будет рассказано / что я принял такие-то меры.* Показательно, что ведущие передачи сами отрицательно относятся к распространению слухов: *А сегодня в новостных лентах напишут / Михалков не отрицает факт «черного пиара» через Интернет // Артемий Лебедев работает на Михалкова.*

Следует отметить, что несмотря на то, что ведущие выступают в качестве медиатора, посредника, между гостем программы и радиослушателями, они всегда четко высказывают свое личное мнение, которое может либо совпадать с мнением слушателей, либо противостоять ему. Так, ведущий Стиллавин в начале передачи сразу заявляет о своей позиции *Я выступил в своем посте со своей стороны в защиту Никиты Сергеевича*. Однако, выражая общественное мнение слушателей, ведущий снимает с себя ответственность за соблюдение речевого этикета и сознательно нарушает принцип вежливости, выставляя от имени блогеров претензию Никите Михалкову в пафосности и высокомерности:

Стиллавин: *Никита Сергеевич / я саккумулировал вопросы / которые были* ***подняты общественностью // Мы же с уважением относимся к общественности*** */ естественно / и пятым пунктом / самым финальным / так разговор уже пошел / вопрос* ***который обещал людям задать вам // Зашкаливают ли в реальности у Михалкова пресловутые пафосность / величие? // В интернет-сообщениях / которые касались вашей обиды якобы на блогеров / писалось, что претензия такая / мания величия у Михалкова / мнит себя царем-батюшкой и так далее // Мните?***

Найдя успешный коммуникативный ход, такой как претензия, ведущий использует его несколько раз на протяжении всей передачи. Более того, си-

туация дискомфорта усугубляется, так как ведущий акцентирует внимание на недовольстве интернетчиков, слушателей, блогеров при помощи многократного повторения слова *претензия*, так, например, в ситуации начала передачи, а затем и в ситуации контроля над темой лексема *претензия* звучит шесть раз.

Стиллавин: *Никита Сергеевич / тогда* ***переходим непосредственно к обсуждению // Одна из претензий*** */ которую вербализуют эти люди / заключается в следующем // Вышел постер «Утомленные солнцем-2 / Предстояние» / сверху надпись:* ***«Великое кино о великой войне» // Претензии именно к тому /*** *что во-первых / Никита Сергеевич* ***/ кто придумал этот слоган рекламный / это студия «ТриТЭ»*** *или прокатчики / кто автор этой фразы?*

Михалков: *Нет / вы вопрос.*

Стиллавин: ***Претензия в следующем /*** *что люди еще не видели его* ***/ сомневаются в том / что оно великое*** */ и соответственно / когда анонс идет на таком уровне что это уже великое / ну / априори / изначально то их это смущает / коробит / потому что так нельзя / потому что еще не видел никто.*

О наличии ситуации коммуникативного дискомфорта говорят реплики гостя, который не понимает, в чем состоят претензии: *Дело не в этом / так сказать / а в чем это? //* ***Походка моя или взгляд / в чем? // ...*** *Это к нему надо /* ***а я-то здесь причем?*** *// ...Я хочу ответа на вопрос –* ***в чем?*** *// Никто ответить не может?// Что я сделал плохого этим людям / никто ответить не может / конкретно каждому из них? // Ничего.*

В ситуации обвинения Михалкова в авторстве нескромного выражения «великое кино» о еще не вышедшем на экран фильме целью ведущего является предоставление гостю возможности снять с себя все обвинения, высказанные в Интернете. Для реализации такой цели ведущий, видя затруднение собеседника, использует тактику разъяснения: ***Претензия в следующем /*** *что* ***люди*** *еще* ***не видели его / сомневаются //...их это смущает / коробит*****;** а также прием наводящего вопроса: *Значит / слоган придумали пиарщики и прокатчики?* Получив ответ Н. Михалкова *Ну конечно / я-то вообще / я произвожу / я не занимаюсь пиаром*, ведущий подводит итог обсуждения данного вопроса, обращаясь к слушателям, блогерам и представителям новостных агентств: *Дорогие друзья / в эфире Стиллавина на «Маяке» / Никита Сергеевич Михалков* ***снял с себя ответственность*** *за изобретение слогана / «Великое кино о великой войне» // Так и напишите в своих новостных лентах сегодня // Вопрос снят / тогда нет вопроса.*

Рассмотрев речевые тактики и стратегии радиоведущего, мы пришли к следующему выводу: поведение ведущего в условиях предвиденного коммуникативного дискомфорта имеет определенную цель, которая раскрывается и становится ясной только в ситуации завершения обсуждаемой темы или завершения передачи. Так, применение ведущим стратегии провокации, использование претензий и слухов не имело целью дискредитировать режиссера Михалкова, главной задачей ведущего стало дать возможность режиссеру самому опровергнуть сложившееся мнение обывателей Интернета, закрыть распространяющиеся слухи читателями интернет-новостей, представить его в другом свете перед слушателями. Это становится ясно из завершения темы:

Никита Сергеевич Михалков ***снял с себя ответственность*** *за изобретение слогана «Великое кино о великой войне»,* а также в ситуации окончания эфира: *Спасибо огромное. Я не ожидал, что так быстро мы встретимся после этого шумного обсуждения в Интернете, но сам Никита Михалков плевать хотел на все это. Правильно?*

В целом, анализируя речевое поведение радиоведущего в ситуациях коммуникативного дискомфорта, следует отметить, что набор стратегий и тактик ведущего существенно отличается в зависимости от прогнозируемости и непрогнозируемости дискомфорта. Для выхода из дискомфортной ситуации используются такие тактики и приемы, как шутка, уточнение, разъяснение, оправдание, применение тактики солидаризации. Провокация, основным приемом которой является претензия, становится одной из основных тактик для создания дискомфорта и может быть довольно эффективной для раскрытия собеседника.

Литература

1. *Федосюк М.Ю.* Репертуар жанров речи радиоведущих музыкальных программ // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 196–207.

2. *Шмелева Т.В*. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Саратов; Москва, 2012. С. 26−37.

3. *Стернин И.А*. Жанр *слухи* в современных СМИ // Жанры речи. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Саратов; Москва, 2012. С. 169−179.

4. *Нестерова Н.Г*. Коммуникативно-прагматические особенности этикетных речевых жанров в радиодискурсе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 320. С. 15–20.

5. *Ермоленкина Л.И.* Диалог как дискурсообразующий фактор информационного радио // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 325. С. 18–24.

6. *Ермоленкина Л.И*. Модели взаимодействия автора и адресата в дискурсивном пространстве информационно-развлекательного радио // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2008. № 3. С. 18–26.

7. *Босый П.Н*. Современная радиоречь в аспекте успешности / неуспешности речевого взаимодействия: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2006. С. 66.

8. *Карасик В.И*. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. М., 2003. С. 24.

9. *Семененко Л.П*. Аспекты лингвистической теории монолога. М., 1996. С. 67.

10. *Мартынова Е.М*. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2000. 18 с.

11. *Ермакова О.Н., Земская Е.А*. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Т.Г. Винокур, О.Н. Ермакова, Е.А. Земская. М., 1993. 197 с.

12. *Славова Л.Л*. Типология коммуникативных неудач : (на материале современной англ. речи): автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 2000. 19 с.

13. *Захарова Л.А., Шуваева А.В*. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета) // Учеб.-метод. пособие. Томск, 2014. С. 98.

14. *Ушаков Д.Н*. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=20580

15. *Грайс Г.П*. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 208–227.

16. *Богуславская В.В*. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: Анализ журналистских текстов. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

17. *Воронцова Т.А*. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.

18. *Шелестюк Е.В*. Опыт прагмалингвистического анализа коммуникативной неудачи в коммуникативном акте-диалоге в Интернет // Актуальные проблемы современного научного знания: материалы III междунар. науч. конф. Ч. 1 / под общ. ред. Н.А. Стадульской. Пятигорск, 2010. С. 359–366.

VERBAL BEHAVIOR OF RADIO PRESENTERS IN COMMUNICATIVE DISCOMFORT SITUATIONS (ENTERTAINMENT AND INFORMATION RADIO SHOWS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 5–23. DOI: 10.17223/19986645/43/1

Irina K. Aitenova, Liubov A. Balobanova (Zolotareva), Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: irina-aytenova@mail.ru / balobanova.la@dvfu.ru

Keywords: verbal behavior of radio presenters, communicative discomfort, tactics, strategy.

This paper describes the analysis of verbal behavior of radio presenters in situations of predictable and unpredictable communicative discomfort. The object of research is the speech of radio presenters of federal stations and their guests during entertainment and information shows. The relevance of the radio speech research in modern sociolinguistics is related to actual changes in the strategies and tactics of speech behavior of radio communication participants.

The authors understand *communicative discomfort* as a situation comprising some characteristics restraining implementation of communicative intentions and/or expectations of participants. The authors divide all communicative discomfort situations into unpredictable and predictable. Unpredictable situations comprise communicative failures that emerge in a spontaneous way due to an incorrectly selected tactics or its lexical / semantic components. As the reasons causing unpredictable communicative failures, this paper studies linguistic and speech-related factors: intralingual homonymy, inappropriate use of low-attitude colloquial expressive vocabulary, violation of the principle of communicative correctness and etiquette rules, incorrect recognition of person. The authors also note cognitive factors: misunderstanding of radio presenter's communicative intention and guests' unwillingness to speak on a particular topic or to answer a question. All unpredicted communication failures are undesirable for radio presenters and require their verbal behavior to change. For the purposes of avoidance of a communication failure, radio presenters may use various tactics and techniques: tactics of solidarity with a guest, tactics that reduces categorical statements, joke, compliment, explanation, specification of information and agreement tactics. All these methods allow radio presenters to leave the situation of communicative discomfort and continue their conversation with a guest.

Situations of predicted communicative discomfort are distinct from unpredicted by the selection of tactics and techniques. Predicted communicative discomfort means a type of communication failure which is initiated by the radio presenter. The purpose of the presenter on radio air is to maximally help interlocutors to show themselves, to identify their views on significant matters, to urge to unplanned frankness, therefore radio presenters may violate the rules of communication by deliberately creating an artificial situation of communicative discomfort for conversation partners. Communicative failure would be a result of a provocation. That type of tactics may, in some cases, be dominating throughout the whole conversation with the show's guest. The provocation tactics may be used in the very beginning of the show, in the self-presentation situation and in the relevant tactics to explain the selection of the subject topic, seeking to excite certain emotions in the recipient(s), wishing those emotions to cause a desired response. The provocation tactics may be accompanied by indirect discreditation, opposition tactics, tactics of cooperation with listeners and others. Indirect discreditation means the process of discrediting anyone using a third-party opinion (for example, radio listeners). As the basic strategy of radio presenters is to find out the truth, they use those tactics to make the guest argue against the wrong opinions or representations of him / her. The basic communicative technique presenters use in a radio show in such a situation could be claim. Radio presenters often use the specification tactics, thus assisting the guest to withdraw charges and influence the opinions of the listeners in the final part of the show, with a view to leave communicative discomfort and present conclusions. So, the basic strategy of presenters and their tactics should be admitted efficient even in communicative discomfort situations.

References

1. Fedosyuk, M.Yu. (2000) Repertuar zhanrov rechi radiovedushchikh muzykal'nykh programm [The repertoire of speech genres of radio broadcasters of music programs]. In: Kupina, N.A. (ed.) *Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii* [Culture and speech situation in modern Russia]. Ekaterinburg: Ural State University.

2. Shmeleva, T.V. (2012) Zhanr v sovremennoy mediasfere [Genre in modern media sphere]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 8. Saratov; Moscow: Labirint.

3. Sternin, I.A. (2012) Zhanr *slukhi* v sovremennykh SMI [Genre "rumors" in modern media]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 8. Saratov; Moscow: Labirint.

4. Nesterova, N.G. (2009) Communicative and Pragmatic Peculiarities of Etiquette Speech Genres in Radiodiscourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 15–20. (In Russian).

5. Ermolenkina, L.I. (2009) Dialogue as a discourse-generating factor of information radio. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 325. pp. 18–24. (In Russian).

6. Ermolenkina, L.I. (2008) Models of the author and addressee interaction in the discourse space of informative-entertaining radio. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3. pp. 18–26.

7. Bosyy, P.N. (2006) *Sovremennaya radiorech' v aspekte uspeshnosti / neuspeshnosti rechevogo vzaimodeystviya* [Modern radio speech in the aspect of the success / failure of verbal interaction]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

8. Karasik, V.I. (2003) Rechevoe povedenie i tipy yazykovykh lichnostey [Speech behavior and types of linguistic personalities]. In: Sorokin, Yu.A. & Zheltukhina, M.R. (eds) *Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XXI vv.: Chelovek i ego diskurs* [Mass culture at the turn of the 21st century: Man and his discourse]. Moscow: Azbukovnik.

9. Semenenko, L.P. (1996) *Aspekty lingvisticheskoy teorii monologa* [Aspects of the linguistic theory of monologue]. Moscow.

10. Martynova, E.M. (2000) *Tipologiya yavleniy kommunikativnogo diskomforta v situatsiyakh dialoga* [Typology of communicative discomfort phenomena in situations of dialogue]. Philology Cand. Diss. Orel.

11. Ermakova, O.N. & Zemskaya, E.A. (1993) K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [On the construction of a typology of communicative failures (on the basis of natural Russian dialogue)]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka.

12. Slavova, L.L. (2000) *Tipologiya kommunikativnykh neudach: (na materiale sovrem. angl. rechi)* [Typology of communication failures: (in modern English speech)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kiev: Kiev State Linguistic University.

13. Zakharova, L.A. & Shuvaeva, A.V. (2014) *Slovar' molodezhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (based on the vocabulary of students of Tomsk State University)]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Ushakov, D.N. (ed.) (2000) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. [Online] Available from: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=20580.

15. Grice, G.P. (1985) Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E. V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress.

16. Boguslavskaya, V.V. (2008) *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov* [Modelling of text: linguistic socio-cultural concept. Analysis of journalistic texts]. Moscow: Izd-vo LKI.

17. Vorontsova, T.A. (2006) *Rechevaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoe prostranstvo* [Verbal aggression: penetration into the communicative space]. Izhevsk: Udmurt State University.

18. Shelestyuk, E.V. (2010) [Experience of pragmalinguistic analysis of communicative failures in the communicative act-dialogue in the Internet]. *Aktual'nye problemy sovremennogo nauchnogo znaniya* [Topical problems of modern scientific knowledge]. Proceedings of the III international conference. Pt. 1. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. pp. 359–366. (In Russian).

УДК 811.163.1+271.2-4
DOI: 10.17223/19986645/43/2

Л.В. Долгушина

ЛАКУНЫ В ДРЕВНЕЙШЕМ СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ГОМИЛИЙ св. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

В статье сделан вывод, что отличия объема и состава славянского сборника «XIII Слов Григория Богослова» от состава греческих коллекций могут объясняться теми задачами, которые ставили перед собой создатели сборника, предназначая его для недавно принявших христианство славян и используя его для миссионерских целей. Внимательное рассмотрение всех лакун славянского текста может пролить свет на некоторые до сих пор не решенные вопросы формирования сборника.
Ключевые слова: *сборник, лакуны, Григорий Богослов, перевод, славянская письменность, греческий язык.*

Среди произведений начального этапа существования славянской письменности значительную часть составляют переводные произведения, в первую очередь – с греческого языка. Одним из таких переводов является славянский сборник «XIII Слов Григория Богослова», дошедший до нас в рукописи XI в.

Этот сборник содержит древнейший перевод гомилий св. Григория Богослова на славянский язык. Уникальность этого сборника не только в его древности (другие дошедшие до нас рукописи с произведениями Григория Богослова относятся самое раннее к XIV в.), но также и в его составе. В рукописи XI в. находятся как так называемые «литургические» гомилии (т.е. те, которые по церковному уставу читаются на определенных богослужениях), так и гомилии, не используемые на церковных службах. Такой состав гомилий, как в сборнике «”XIII Слов Григория Богослова”», не встречается ни в греческой традиции, ни в более поздней славянской. (В славянской традиции получил распространение сборник «XVI Слов Григория Богослова», который содержит литургические гомилии и представлен рукописями XIV в. и более поздними.)

У исследователей сборника «XIII Слов Григория Богослова» до сих пор нет единодушия в определении места создания перевода, вызывает также вопросы его однородность (возможно, входящие в сборник гомилии были переведены в разное время и в разных переводческих школах).

Опубликованное в 1871 г. А.С. Будиловичем «Исследование языка древнеславянского перевода «XIII Слов Григория Богослова»» является самым значительным по объему и широте привлекаемого материала научным трудом, посвященным этой рукописи. А.С. Будилович считал, что переводчиком всех «Слов» был один человек, но отмечал «большую неопределенность и шаткость» в переводе [1. С. 28]. Также исследователь утверждал, что перевод «Слов» был выполнен, по всей видимости, в Болгарии. С последним утвер-

ждением согласны все изучавшие рукопись, однако первое утверждение подвергается значительным и обоснованным сомнениям.

Уже С.М. Кульбакин пришел к заключению, что сборник «XIII Слов Григория Богослова» неоднороден по составу и содержит переводы, выполненные в разное время разными переводчиками [2. С. 24–38]. Такое же мнение высказывала Е. Коцева, утверждая, что сборник носит следы постепенного комплектования, редакционной и стилистической обработки [3. С. 246].

Л.Я. Петрова, проанализировав тексты двух гомилий сборника («Слово на Пасху» и «Слово на Рождество») пришла к выводу, что текст «Слова на Рождество» восходит к деятельности Охридской переводческой школы, а текст «Слова на Пасху» представляет собой новый перевод, сделанный в Преславе [4. С. 74].

Греческий прототип сборника «XIII Слов Григория Богослова» до сих пор не обнаружен. Количество и последовательность гомилий в славянском сборнике не соответствуют ни одной известной греческой коллекции, что заставляет ученых строить различные предположения о том, каким принципом руководствовались переводчики при его составлении. Так, А.М. Бруни выдвинул предположение, что прототипом славянского сборника явилась какая-то рукопись «частичной греческой полной коллекции, расположенной по оригинальной или особо редкой аколуфии». [5. С. 46]. Другую точку зрения на возможный греческий прототип высказал А.М. Молдаван [6. С. 9], полагая, что прототипом для сборника «XIII Слов Григория Богослова» является греческая коллекция из 16 Слов, уже на славянской почве дополненная пятью нелитургическими гомилиями. Ученый обратил внимание на то, что пять «нелитургических» Слов не распределены по разным местам рукописи «XIII Слов Григория Богослова», а представляют собой цельный блок, находящийся в середине рукописи. Следовательно, рукопись XI в., вероятно, является копией конволюта, составленного на славянской почве. Одна из частей этого конволюта – блок из 8 гомилий, принадлежавших сборнику «XVI Слов Григория Богослова»; другая – блок из пяти гомилий, к этому сборнику не принадлежавших.

Таким образом, в истории формирования первого славянского сборника произведений Григория Богослова пока существует больше вопросов, поставленных исследователями, чем ответов.

Отличия объема и состава славянского сборника от состава греческих коллекций, как представляется, могут объясняться теми задачами, которые ставили перед собой создатели «XIII Слов Григория Богослова», а именно предназначая этот сборник гомилий для недавно принявших христианство славян и используя его для миссионерских целей.

Это предположение может быть подтверждено с помощью анализа тех разночтений, которые демонстрируют славянский и греческий текст гомилий. Например, в Слове 15 находятся вставки, сделанные в расчете на славянскую аудиторию и посвященные обличению славянских языческих верований. (Их изучению посвящена работа Г.Е. Баранковой [7. С. 20–36].) В этой же гомилии есть и вставки, отражающие реалии быта славян того времени. Например, при переводе фразы греческого текста о грешниках, поклоняющихся золоту и серебру, к «златѹ и сьребрѹ» добавлены «ризницы и обьдо»: «кла-

нѧющиесѧ златꙋ и сьребрꙋ и обьдꙋ и ризьницамь» (текст приводится по изданию А.С. Будиловича [8. С. 244]). («Обьдо», согласно словарю И. И. Срезневского, – «сокровище, богатство, одежда», «ризница» – «сокровищница») [9. С. 576, 122].

Но не только появление вставок, но также и появление некоторых лакун в гомилиях сборника «XIII Слов Григория Богослова» может быть объяснено тем, что сборник был создан с миссионерскими целями и предназначен для новообращенной славянской аудитории. Например, отрывок текста «Слова на Пасху», в котором св. Григорий Богослов объясняет происхождение слова «Пасха», в славянском переводе выпущен. Это могло быть сознательным решением переводчика, опустившего этот отрывок, поскольку для его понимания необходимо знакомство читателя с греческим языком.

О существовании лакун в сборнике «XIII Слов Григория Богослова» упоминает А.М. Бруни, полагая, что «данное явление нужно в основном отнести к невнимательной работе копиистов» [5. С. 77]. С этим утверждением едва ли можно согласиться.

При внимательном рассмотрении лакун перед нами открывается достаточно сложная и интересная картина. Лакуны сборника можно разделить на группы, в одной из которых будут те пропуски, которые можно объяснить небрежностью переписчика, а в другой – те, которые кажутся вполне рациональным решением переводчика либо редактора.

Итак, рассмотрим сначала значительные по объему пропуски текста. Это следующие большие лакуны:

Большие по размеру лакуны

1) Случайные пропуски	**2) Осознанные пропуски**
1) Слово 6 «О мире, говоренное в присутствии отца после предшествовавшего молчания» Нет последних строк слова. Последняя фраза оборвана. **2) Слово 5 «Втрое обличительное на царя Юлиана»** Нет последних глав, повествование оборвано посредине предложения. **3) Слово 27 «Против евномиан и о богословии первое или предварительное»** Пропущен текст, равный по объему одному листу рукописи, последняя фраза оборвана.	**1) Слово 15, «говоренное в присутствии отца, который безмолвствовал от скорби после того, как град опустошил поля»** Систематически опущены все места, где упоминается отец св. Григория Богослова, в том числе в заглавии гомилии. **2) Слово 28 «О богословии второе»** Опущены рассуждения о Боге и Божественной природе. (Есть только первая часть гомилии, где говорится о том, какими качествами нужно обладать, чтобы размышлять о Боге)

Перед всеми лакунами, находящимися в первой колонке таблицы, текст обрывается «на полуслове», пропуск нарушает понимание смысла произведения и не может быть объяснен осознанным решением переводчика либо редактора. Лакуны же, помещенные во второй колонке, не мешают общему пониманию текста, исключая из него лишь некоторые семантически законченные фрагменты.

Лакуны небольшого размера

Эти лакуны сборника можно разделить на три группы, в первой – те пропуски, которые можно объяснить невнимательностью переписчика, во второй – те лакуны, появление которых могло быть в равной степени случайным либо намеренным, и в третьей – те, которые кажутся обусловленными рациональным решением переводчика либо редактора.

Все эти случаи представлены ниже в таблице (после греческого текста, пропущенного в переводе на славянский язык, дан перевод этого фрагмента на русский язык с расширенным контекстом; пропущенный текст обозначен курсивом).

Случайные пропуски	**Пропуски, которые могут быть как случайными, так и осознанными**	**Осознанные пропуски**
1) Слово 40 «На Святое Крещение» «φῶς, τὸ τοῦ ποιμένας περίστραψαν ἤνικα τὸ ἄχρονον φῶς τῷ χρονικῷ ἐμίγνυτο» «Свет – и путеводивший Израиля в столпе огненном и делавший приятною пустыню Свет – восхитивший Илию на огненной колеснице и не опаливший восхищаемого. *Свет, облиставший пастырей, когда довременный свет соединился с временным.* Свет – и та красота звезды, предшествовавшей в Вифлеем…» **1) Слово 27 «Против евномиан и о богословии первое»** «Τὶ τῶν ἀνδρῶν ὅσον κοῦφον καὶ ἄνανδρον ὥσπερ τινὰ συρφετὸν εἰς μίαν χαράδραν συναγαγὼν καὶ κολακεία πλέον θηλύνας, καινὸν ἐργαστήριον ἐδημιούργησας, οὐκ ἀσόφως τὴν ἄνοιαν αὐτῶν ἐκκαρπούμενος» «Для чего опутываешь паутинными тенями тех, которые наиболее немощны?.. Для чего	**2) Слово 43 «Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской»** «ἢ τῶν ὅσοι περιττοὶ τὰ σοφιστικὰ καὶ προσαγωγοὶ τῶν λημμάτων, κανταῦθεν μάλιστα διὰ τιμῆς ἐκείνοις» «Новоприбывший вводится для жительства к одному из приехавших прежде него: другу, или родственнику, или одноземцу *или кому-либо из отличившихся в софистике и доставляющих доход учителю, за что у них находится в особой чести*»	**1) Слово 45 «На Святую Пасху»** «κατὰ τὴν τοῦ Φὶ πρὸς τὸ Πὶ καὶ τοῦ Καππα πρὸς τὸ Χὶ μεταποίησιν, Πάσχα τὴν ἡμέραν προσηγορεύκασιν» «…потом приспособив к эллинскому языку, *переменив Ф на П и К на Х, именовали сей день Пасхою».*

против веры возбуждаешь шершней? Для чего располагаешь против нас состязателей?.. *Для чего сколько есть между мужами легкомысленных и недостойных имени мужа, собрав всех, как сор в одну яму, и своим ласкательством сделав их еще женоподобнее, построил ты у себя новую рабочую, и не без разума извлекаешь для себя пользу из ихъ неразумия*?»		

В 40-м и 27-м Словах лакуны возникли в результате пропуска в ряду риторических перечислений, начинающихся с одного и того же слова. По-видимому, эти пропуски были сделаны по невнимательности.

Пропуски текста, не вошедшие в вышеприведенные таблицы, являются незначительными по размеру и не превышают 4–5 слов. Они не были предметом рассмотрения данной статьи, однако их изучение в дальнейшим представляется достаточно перспективным для определения свободы отношения переводчиков (редакторов) к оригинальному тексту.

Итак, мы видим, что перевод гомилий, вошедших в сборник «XIII Слов Григория Богослова», является не только переводом, а частично и переработкой греческого оригинала, что, вероятно, было вызвано намерением сделать текст более доступным для славянского читателя или слушателя.

Литература

1. *Будилович А.С.* Исследование языка древнеславянского перевода «XIII Слов Григория Богослова» по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI в. СПб., 1871.

2. *Кульбакин С.М.* Лексика старословенских превода хомилија // Глас Српске Краљевске Академије. Вып. II, 92. Београд, 1940.

3. *Коцева Е.* Най-ранният кирилски препис от слова на Григорий Богослов // Българско средновековие: Българо-съветски сб. в чест на 70-годишнината на проф. И. Дуйчев. София, 1980. С. 240–252.

4. *Петрова Л.Я.* К вопросу о древнеславянском переводе «Слов» Григория Богослова // Славяноведение. 1991. № 4. С. 70–75.

5. *Бруни А.М.* Теологос: Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы. // Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 6. СПб., 2004.

6. *Молдаван А.М.* О составе сборника 13 Слов Григория Богослова // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). М., 2013. С. 5–16.

7. *Баранкова Г.Е.* Антиязыческие мотивы в Словах Григория Богослова (на материале древнерусских памятников письменности) // Переводные памятники философской мысли в Древней Руси. М., 1992. С. 20–36.

8. *Будилович А.С.* XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рук. ПБ XI в. СПб., 1875.

9. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893–1912.

GAPS IN THE OLDEST SLAVIC TRANSLATION OF THE HOMILIES OF ST. GREGORY OF NAZIANZUS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 24–30. DOI: 10.17223/19986645/43/2

Lyudmila V. Dolgushina, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: l.v.dolgushina@mail.ru

Keywords: collection, gaps, Gregory of Nazianzus, translation, Slavonic language, Greek language.

The National Library of Russia in St. Petersburg stores a manuscript of the 11th century which contains the earliest translation of the homilies of St. Gregory of Nazianzus in the Slavic language. This collection is named *XIII Slov Grigoriya Bogoslova* [Thirteen Homilies of St. Gregory of Nazianzus].

This collection is unique not only for its antiquity (the other Slavic manuscripts with the works of St. Gregory of Nazianzus belong to the 14th century and later), but also because of the composition of the homilies. The Greek prototype of the collection is not found. The composition of the homilies as in the collection is found neither in the Greek tradition, nor in the later Slavic one.

The differences in the volume and composition of the Slavic collection from the Greek collections can be explained if to consider the aims of the compilers of this collection. We need to keep in mind that the Slavic collection was intended for the Slavs newly converted to Christianity, and it could be used for missionary purposes.

This assumption can be confirmed when considering the discrepancies between the Slavic and the Greek texts of the homilies. For example, Homily 15 has insertions devoted to denouncing Slavic pagan beliefs.

Not only the insertions, but also some gaps in the homilies of the collection could be explained by the fact that the collection was intended for the Slavs newly converted to Christianity. For example, the Slavic translation lacks an excerpt of the text of "Oration on Easter" in which St. Gregory of Nazianzus explains the origin of the word "Easter". It could be a decision of the translator to omit this passage because its understanding requires knowing some of the Greek language.

All the gaps of the collection can be divided into groups, one of which is omissions that can be attributed to the negligence and carelessness of the copyist or to the text damage, and the other one seem to be quite rational decisions of the translator or the editor.

So, the translation of the homilies included in the collection *Thirteen Homilies of St. Gregory of Nazianzus* is not only a translation but partly a processing of the Greek text to make it more understandable for the Slavic audience. The consideration of all the gaps of the Slavic text can probably shed light on some questions of the compilation of the collection that are still unresolved.

References

1. Budilovich, A.S. (1871) *Issledovanie yazyka drevneslavyanskogo perevoda "XIII Slov Grigoriya Bogoslova" po rukopisi Imperatorskoy Publichnoy Biblioteki XI v.* [Study of the Old Slavonic language translation of Thirteen Homilies of Gregory of Nazianzus, the manuscript of the Imperial Public Library in the 11th c.]. St. Petersburg.

2. Kul'bakin, S.M. (1940) Leksika staroslovenskikh prevoda khomilija [Lexicon of the Slavic translation of the homily]. In: *Glas Srpske Kral'evske Akademije.* II:92.

3. Kotseva, E. (1980) Nay-ranniyat kirilski prepis ot slova na Grigoriy Bogoslov [The earliest Cyrillic copy of the Homilies of Gregory of Nazianzus]. In: *B"lgarsko srednovekovie: B"lgaro-s"vetski sb. v chest na 70-godishninata na prof. I. Duychev* [Bulgarian Middle Ages: Bulgarian-Soviet collection in honor of the 70th anniversary of Prof. I. Duychev]. Sofia.

4. Petrova, L.Ya. (1991) K voprosu o drevneslavyanskom perevode "Slov" Grigoriya Bogoslova [On the question of the Old Slavonic translation of Homilies of Gregory of Nazianzus]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 70–75.

5. Bruni, A.M. (2004) Teologos. Drevneslavyanskie kodeksy Slov Grigoriya Nazianzina i ikh vizantiyskie prototipy. [Theologos. Old Slavic codes of Homilies of Gregory of Nazianzus and their Byzantine prototypes]. *Rossiya i Khristianskiy Vostok. Biblioteka*. 6.

6. Moldavan, A.M. (2013) O sostave sbornika 13 Slov Grigoriya Bogoslova [On the composition of the collection of Thirteen Homilies of Gregory of Nazianzus]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2012–2013)* [Linguistic Chronology and History of the Russian language (2012–2013)]. Moscow: Drevlekhranilishche.

7. Barankova, G.E. (1992) Antiyazycheskie motivy v Slovakh Grigoriya Bogoslova (na materiale drevnerusskikh pamyatnikov pis'mennosti) [Anti-pagan motives in the homilies of Gregory of Nazianzus (based on ancient written records)]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2012–2013)* [Linguistic Chronology and History of the Russian language (2012–2013)]. Moscow: Drevlekhranilishche.

8. Budilovich, A.S. (1875) *XIII Slov Grigoriya Bogoslova v drevneslavyanskom perevode po ruk. PB XI v.* [Thirteen Homilies of Gregory of Nazianzus in the Old Slavonic translation by PB 11th-century manuscript]. St. Petersburg.

9. Sreznevskiy, I.I. (1893–1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3-kh t.* [Materials for the dictionary of ancient language based on written monuments. In 3 vols]. St. Petersburg.

УДК 808.56
DOI: 10.17223/19986645/43/3

Е.В. Иванцова, З.В. Черных

НАРУШЕНИЕ НОРМ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ПРИЧИНА КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются речевые конфликты, возникновение которых обусловлено нарушением норм речевого поведения. Исследовались конфликтные эпизоды в спонтанной устной речи студентов г. Томска. Выявлены и типологизированы причины подобных конфликтов, их распространенность в студенческой коммуникации. Установлено, что в бытовом дискурсе равных по статусу участников общения конфликтогенным становится ненормативное речевое поведение, связанное с несоблюдением норм морали и принципа вежливости.
Ключевые слова: *нормы речевого поведения, речевой конфликт, речевой этикет, студенческая коммуникация.*

Нормы речевого поведения стали объектом специального рассмотрения лишь в конце XX в. Интерес к их изучению был стимулирован утверждением антропоцентрической парадигмы современного языкознания, формированием коммуникативного подхода к изучению языковой материи, становлением прагмалингвистики и неориторики. Актуальность проблематики этой сферы обусловлена и общественной значимостью следования правилам коммуникации, необходимостью сохранения и развития общей и речевой культуры общества.

Исследование нормативного речевого поведения развивается в двух основных направлениях: одно из них предполагает выявление общих логических правил коммуникации, регулирующих механизмы понимания смысла ее участниками (Г.П. Грайс [1], Д. Гордон, Дж. Лакофф [2], Т.В. Шмелева [3], Н.В. Муравьева [4] и др.), другое связано с анализом социально обусловленных норм речевого взаимодействия, определяемых предписаниями морали, своеобразием национальной культуры и ментальности, характером ролевых отношений между коммуникантами и другими факторами (В.Е. Гольдин [5], Дж. Лич [6], Н.И. Формановская [7], И.А. Стернин [8], В.И. Гзавава [9], А.Г. Балакай [10] и мн. др.).

При реконструкции национальных кодексов речевого поведения (в том числе русского речевого кодекса) и диагностирования распространенных нарушений его правил исследователи опираются на художественные произведения (А.И. Бирюлина [11], Т.А. Чеботникова [12]) и паремии (А.Н. Сперанская [13]), привлекают экспериментальные (А.А. Зубарева [14]) и словарные данные (М.С. Аверкиева [15]), используют материалы фильмов, киносценариев, ток-шоу (Т.А. Воронцова [16], М.Г. Кремнева [17]). Значительно реже ученые обращаются к фактам спонтанной разговорной речи (В.М. Глушак [18], Д.В. Анненкова [19]). Нормы речевого поведения в повседневной коммуникации представителей различных социальных слоев общества изучены

недостаточно; это положение дел касается и студенческого дискурса. В числе особенностей речевого поведения студентов в работах Б.Я. Шарифуллина [20], С.В. Леорда [21], М.Р. Шелховской [22], А.Ю. Ларионовой [23] называются возможность «переключения кода» в зависимости от коммуникативной среды (меняется набор речевых форм в соответствии с требованиями конкретных малых групп), широкое использование сленга, ненормативной лексики и прецедентных текстов, проявление креативного начала, в том числе игрового; стремление сделать свою речь красочной, яркой, нестандартной. Отмечены отдельные отклонения от общепринятого употребления этикетных формул, возрастающая сниженность и агрессивность речи [21], однако предметом специального рассмотрения в коммуникативном плане они не являлись.

Объект данной статьи – речевые конфликты (РК) в студенческой среде, возникновение которых связано с нарушением норм речевого поведения. Ставится задача выявления причин подобных конфликтов и их типологизации. Работа является составной частью исследования конфликтной коммуникации студентов. Материалом анализа послужили диктофонные записи 186 конфликтных эпизодов в спонтанной устной речи студенчества г. Томска.

Причины РК в зафиксированных текстах весьма разнообразны; основные из них связаны с нарушением имущественных прав, несовпадением мировоззренческих установок коммуникантов, несоблюдением этических норм. Часть эпизодов (около 16% от общего количества) свидетельствует о том, что конфликт может быть вызван также нарушением норм речевого поведения. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты позволяют выявить состав таких нарушений и их распространенность в конфликтной коммуникации.

1. Наиболее частотны РК, причиной которых является **отсутствие ожидаемых проявлений эмпатии** со стороны коммуникативных партнеров.

Конфликт данного типа может наблюдаться в тех случаях, когда позитивный эмоциональный настрой одной из общающихся сторон не находит поддержки у другой стороны:

Проезжавшие мимо С. и А. увидели прогуливающуюся по улице сокурсницу Л., вышли из автобуса и догнали ее.

А. (сбивая Л., шутливо): Девушка, можно с вами познакомиться?

Л.: О, привет. Вы откуда здесь?

С. (радостно): Мы увидели тебя на перекрёстке. Вышли из автобуса… И вот мы тут!

Л. (без эмоций): Круто.

А.: Ты что, совсем не рада нас видеть?

Л. (без эмоций): Рада. Я всегда рада вас видеть.

С.: Что-то по тебе незаметно.

Л.: А что мне нужно сделать? Попрыгать?

С.: Попрыгай.

Л.: Нет, можно я всё-таки не буду прыгать, а то я очень устала? (грустно улыбается) <…>[1]

С.: Мы, значит, увидели тебя, обрадовались, даже выбежали из автобуса, добежали до тебя, запыхались, а тебе (неценз. в значении «безразлично»). Нормально, но. <…>

Выражение искренней радости при встрече старых знакомых относится к этикетным правилам речевого поведения [8. С. 53]. Подруги, ожидавшие от Л. зеркальной реакции на собственное речевое поведение, остались разочарованы и обижены безучастностью их сокурсницы: Л. не поддержала радостно-шутливой тональности диалога, формально употребленные ею вербальные показатели проявления позитивных эмоций (*Круто; Я всегда рада вас видеть*) не соответствовали безэмоциональным интонациям и мимике.

Более сильную негативную реакцию вызывают проявления эмоциональной глухоты собеседника, когда говорящий ожидает сопереживания в трудной жизненной ситуации и не получает его. Эпизоды с такой причиной РК встречаются значительно чаще, чем приведенный выше. При этом конфликтогенными могут стать неверно выбранные собеседником тактики рациональной поддержки или критики.

Линия рационального ободрения, избранная участником диалога, невербализованность эмоциональной составляющей общения в таких случаях воспринимается как отсутствие поддержки вообще:

Телефонный разговор находящихся в дружеских отношениях девушки Е. и парня Л.

Е.: Меня кладут в больницу.

Л.: Это не страшно.

Е.: Тебе (неценз. в значении «безразлично»), да?

Л.: Мне не (неценз. в значении «безразлично»). Ничего страшного. Всех кладут в больницу.

Е.: Я в шоке.

Л.: Зато ты будешь в порядке. Чё ты в шоке?

Е.: Я тебе часов десять назад сказала, что у меня температура под сорок, ни разу за это время не спросил, улучшилось ли самочувствие, ухудшилось ли, сказала, что меня кладут в больницу, сказал «отлично», (неценз.), правду говорят, что друг познаётся в беде.

Л.: Да успокойся ты. У меня тоже была температура под сорок, и меня тоже клали в больницу до (неценз.) раз. Ничего со мной не случилось. Просто я знаю: если про это не вспоминать, то скорее пройдёт. Чё ты начинаешь сразу «друг – не друг»? <…>

Е.: Если бы ты заболел, а я об этом знала, я бы (неценз.) каждые пять минут спрашивала, как твоё самочувствие. К тому же ты знаешь, какое это (неценз.) состояние, неужели так сложно поддержать? А не отправлять в больницу. Видно, сложно. Ну что ж. Сразу видно, в чём человек искренен, а в чём нет. Вот так люди и падают в глазах. <…>

[1] Знаком <…> отмечено сокращение фрагментов некоторых анализируемых эпизодов РК, произведенное в связи с ограниченным объемом журнальной публикации.

Вместо ожидаемых девушкой слов сочувствия и утешения молодой человек использует генерализованные суждения, подчеркивая заурядность ситуации (*всех кладут в больницу; ничего страшного; у меня тоже была температура под сорок, и меня тоже клали в больницу <…>. Ничего со мной не случилось*), и привлекает рациональные аргументы (*зато ты будешь в порядке; если про это не вспоминать, то скорее пройдёт*). Собеседница воспринимает такое речевое поведение как не соответствующее статусу друга и несоблюдение «элементарной вежливости». Ее высказывание содержит и нормативный, по мнению студентки, тип реакции с проявлением повышенного внимания (*Если бы ты заболел…*), и предпочтительную тактику (*неужели так сложно поддержать?*); под поддержкой имеется в виду именно эмоциональное сопереживание. Истоки данного конфликта, возможно, отчасти связаны с гендерным фактором, хотя аналогичные РК отмечены также между девушками.

Конфликтогенной является и критика поведения собеседника, идущая вразрез с предполагаемым выражением сочувствия и ободрения:

Девушка О. и парень Т., хорошие знакомые, встречаются в коридоре общежития.

О.: Как дела?

Т.: Хорошо. Как у тебя?

О.: Тоже. Как пары?

Т.: Да вообще плохо... долгов много.

О.: Так ты ни фига не учишься, вот и много!!!

Т.: Добрая девушка, что сказать! И вообще к тебе всегда всей душой, а ты всем задом!

О.: С чего это?! Ну и хам! Я же хочу как лучше! Пинаю тебя!

Т.: Что я, ёж, чтобы меня пинали?! Не лезь ко мне вообще! <…>

Неудачно выбранная О. тактика упрека с целью побудить друга к исправлению (*Я же хочу как лучше! Пинаю тебя!*) вызывает обиду Т. (*к тебе всегда всей душой, а ты всем задом!*), его саркастические замечания способствуют эскалации конфликта.

Разновидностью речевого столкновения данного типа можно считать реакцию участника общения на *нытьё* – постоянные, надоедливые жалобы собеседника. Их систематический характер вместо сочувствия пробуждает раздражение и агрессию (*Хватит ныть. Твоё нытьё меня уже (неценз.). Каждый день это от тебя слышу. <…> И вообще это как будто я виноват, что у тебя что-то не так и ты такой неудачник по жизни!*), провоцируя развитие конфликтного взаимодействия.

2. Распространенной причиной РК в студенческой среде можно считать также **нежелание поддерживать общение.** В целом не существует этической нормы, предписывающей всегда принимать участие в инициированном кем-то разговоре; кроме того, нежелание общаться имеет, как правило, какие-то первичные причины, лежащие вне речевой сферы. Однако если эти причины неизвестны окружающим, которые вынуждены долгое время существовать на одном пространстве или заниматься совместной деятельностью, постоянное

отсутствие речевых контактов считается неприемлемым и порождает конфликт.

Недовольство инициаторов общения вызывают неохотные, односложные, формальные ответы на их вопросы, сопровождаемые раздраженной интонацией:

Комната в общежитии; три девушки – А., Б., В.

А.: Б., а завтра у нас первая пара есть?

Б.: Не знаю.

А.: Ты же сегодня стояла возле расписания.

Б.: Я не запомнила!

В.: А ты не записала?

Б.: Нет.

А.: А вторая же – словацкий?

Б. (раздражённо): Не знаю.

В.: Да, словацкий.

А.: В третьем, наверное, да?

Б. (раздражённо): Я не знаю.

А.: А что-то случилось?

Б.: Что случилось?

А.: А чё ты так отвечаешь? <…>

К аналогичной реакции приводят невербальные проявления негативных чувств с неясной для окружающих мотивировкой поведения: *Л.: Ты запарила злиться, если тебе не нравится что-то, так скажи, а то ходишь как не пришей кобыле хвост. С.: Да всё нормально. Л.: По тебе и видно. <…> Ходишь с кислым лицом. Ничего не скажи, ничего не сделай. Это неправильно. Мы не виноваты, что у тебя плохое настроение. Встаёшь – злая, уходишь – злая, приходишь – злая. Мы-то в чём виноваты? Не так всё должно быть*.

Недружественный характер носит и игнорирование собеседника, нарушение этикетного правила предпочтения речевой коммуникации всем другим видам деятельности в случае прихода гостя [7. С. 22]. В приведенном ниже эпизоде нарушение этого правила сочетается с демонстрацией нежелания общаться, вербализуемой в лаконичных отрицательных репликах Д., использовании ею декларативных тактик предпочтения собственных интересов (*налей себе сама; я занята; хочу и сижу*), вызывающего тона. Поведение подруги оценивается У. как *грубое* и *злое:*

У. и Д. – подруги, соседки по комнатам в общежитии.

У. (заходит в комнату Д.): Не хочешь попить чаю?

Д.: Я вот как раз собиралась. Уже себе налила, так что налей себе сама чай.

(садятся пить чай)

У.: Может, посмотрим какой-нибудь фильм?

Д.: Нет. Ты видишь, я занята.

У. (зло): Чем ты занята? Сидишь в контакте?

Д.: Да. А тебе какая разница? Хочу и сижу.

У.: Ты видишь, я как бы пришла к тебе. Попить с тобой чай. Ты можешь уделить мне время и оторваться от своего дебильного контакта?

Д.: Нет.

У.: Почему ты такая злая и грубая в последнее время? Можешь перестать мне грубить? Ты уже достала со своей грубостью. <…>

Нежелание поддерживать коммуникацию может перерастать и в полное прекращение вербальных контактов по инициативе одного из членов малой группы (обычно студентов, совместно проживающих в одной комнате общежития или на съемной квартире). Не мотивированное говорящим нарушение дружеского общения, предполагающего контактность и открытость [24], создает недоброжелательную, напряженную атмосферу и осознается как отклонение от нормы:

Р.: Нет, это нормально, что мы живём с тобой в одной комнате и не разговариваем?

С.: Нормально.

Р.: А мне кажется, что нет.

Во всех конфликтах данной группы причиной является и само неэтикетное речевое поведение, приводящее к коммуникативному дисбалансу (по Т.А. Воронцовой [16]), и неясность его мотивов для окружающих. Как показывает материал, разрешение подобных РК возможно только в тех случаях, когда нарушающий нормы индивид проясняет окружающим истинные причины своего поведения.

3. В ряде эпизодов студенческой коммуникации причины РК связаны с **нарушением принципа уважения партнера.** Конфликтогенными являются тактики, направленные на принижение роли участника коммуникации или его унижение.

Речевой конфликт возникает, если партнер по коммуникации становится объектом **подшучивания.** Подшучивание широко распространено в студенческой среде; при этом его инициаторы далеко не всегда способны провести границу между веселой шуткой и унижением человеческого достоинства. Речевое поведение шутников, в основе которого лежит самоутверждение за счет избранной для подтрунивания «жертвы», вызывает обиду и протест:

А. и Б. шутят, что В. похожа на бабушку А.

А.: А, да, ещё моя бабушка не пьёт!

Б.: Вахаха, видишь, В. – ты точно бабушка! (шутливо, смеётся)

В.: Угу (обиженно, не смотря на собеседников).

(Б. начинает изображать бабушку, шепелявя и т.п.).

В. (обиженно): Хватит, а, уже!? Постоянно какие-то приколы, как будто я клоун вам. Надоело уже.

А.: А чё такого? Я просто сказала, что моя бабушка не пьёт! И всё!

В. (обиженно, раздражённо): Достали уже, прикалывайтесь над кем-нибудь другим!

А. и Б. переглянулись и замолчали. Все сидят молча.

В ситуации подшучивания неодобрение выражается имплицитно, а иногда и вообще отсутствует; обиду участника общения может вызвать не только намек на его негативные качества, но и чувство отчуждения, ощущение его исключенности из группы близких людей:

О. вместо слова «сауна» послышалось в разговоре подруг-соседок А. и Б. «свадьба»; начинает расспрашивать о свадьбе.

А.: Надо реже в наушниках сидеть, ты бы в курсе всего была.

Б.: Ага. (смех девушек)

О.: Ну, серьёзно, скажите, что за свадьба? У кого?

Б.: Да вот, я замуж выхожу (шутя). А., не говори ничего, не рассказывай (заговорщицки).

О. (обиженно): Мне надоело, действительно.

А.: Ну, прости (искренне, с сожалением).

О. (возмущённо, резко бросая вещи в пакет): Вчера, сегодня, завтра – давайте каждый день!

А.: О., мы любя.

О. (угрюмо, озлобленно): Угу.

Как можно видеть из контекстов, болезненную реакцию на подшучивание усугубляет систематичность использования данной тактики (*Постоянно какие-то приколы, как будто я клоун вам. Надоело уже; Вчера, сегодня, завтра…*). Примеры показывают, что участники розыгрышей делают это без злого умысла (*мы любя*) и обида объекта шуток оказывается для них неожиданной.

Неуважительное отношение к коммуникативному партнеру может проявляться также при **нарушении ролевых ожиданий** участников общения. Поскольку бытовая коммуникация студентов в своей социальной группе представляет собой общение равных, причиной конфликта становится речевое поведение сверстника, берущего на себя роль старшего по статусу. Он начинает использовать деструктивные тактики приказа, поучения, запрета, негативной оценки, позволяет себе грубовато-покровительственный или начальственный тон. Нарушающее правила речевого этикета неправомерное перестраивание горизонтальных отношений (равный – равный) в вертикальные (старший – младший) [8. С. 7] обижает коммуниканта, чувствующего себя незаслуженно приниженным, ограниченным в своих правах:

К. и Н., соседки по комнате, занимаются уборкой.

Н.: И со стола вытри (в приказном тоне).

К.: Хорошо (вытирает).

Н.: Я с тобой, как мама с дочкой вожусь (с иронией в голосе).

К.: А кто тебя просит, (неценз.), так со мной возиться, а?

Н.: Да с тобой по-другому никак! (грубо)

К.: Да лааадно? (протяжно) Знаешь чё? Даже моя мама не позволяет себе указывать, что и как мне делать. Я взрослый человек и сама вправе решать, что и как мне делать. Ясно? А уму-разуму не тебе меня учить.

Зафиксированы, кроме того, конфликты, вызванные **злословием.** Злословие как «злая оценка» [25. Т. 1. С. 613], в отличие от подшучивания, всегда реализуется в форме открытого, вербализованного осуждения окружающих с подразумеваемой демонстрацией собственного превосходства над ними:

А.: Видела, в чем сёдня Ж. припёрлась?

Б.: Нет, не видела.

А.: Ну честное слово, из бабушкиного сундука достала, какая-то кофта не кофта. Ужас, короче!

Б.: Да ладно, какая разница, кто в чём ходит?!

А.: Ну ладно бы она поскромней была, а то претендует на роль первой модницы на факультете. <…> На неё все так смотрели!

Б.: Я так не смотрела! А., вот давай не будем обсуждать одежду людей!

А.: А чё такого? Типа ты такая вся хорошая. А я сплетница? Ты так меня выставляешь?

Б.: Ты сама себя в таком свете выставляешь! <…>

А.: А чё ты её так сильно защищаешь?

Б.: Я устала от говна, которое ты на меня льёшь про наших знакомых! Всё! Хватит!

А.: Я же не про тебя говорю!

Б.: И слава богу, я бы такой критики не выдержала и застрелилась! (уходит из комнаты).

В этом случае РК отражает тесную связь нарушений речевого поведения и несоблюдения этического правила «не осуждай других». В приведенном эпизоде А. неверно интерпретирует данную норму, считая ее обязательной только при характеристике собеседника (*Я же не про тебя говорю!*). В общепринятом понимании, разделяемом Б., запрет на негативную оценку распространяется на весь круг общения коммуникантов.

4. В студенческом дискурсе встречаются РК, причиной которых можно считать **нарушение сферы приватности.** К его проявлениям относится **вмешательство в чужой разговор:**

Комната общежития. К. занимается, С. общается тут же с Н.

К.: Н., ты про функцию природы чё писала?

С. (после паузы, недоуменно): А ничего, что мы тут разговариваем?

К.: И чё, мне теперь сказать ничё нельзя?

С.: Можно было сказать: «Извините, можно я вас перебью?»

К.: Ну я вот не извинилась, что теперь?

С.: Ну что-что, это уже не ко мне. Это проблемы твои, или твоих родителей, что элементарным правилам приличия тебя не научили. <…>

Реплики коммуникантов в подобных диалогах показывают, что вмешательство посторонних всегда вызывает резко негативную реакцию (ср. в другом эпизоде: *Но у тебя, по-моему, никто ничего не спрашивал!; Как-то не в тему вклиниваешься в чужой разговор!; Давай договоримся, что ты не лезешь в чужой разговор, когда тебя не просят*) и воспринимается как нарушение *элементарных правил приличия,* предполагающее обязательное извинение.

К этой же группе следует отнести конфликты, вызванные **разглашением интимной информации,** жалобами на близкого человека третьим лицам. Если вмешательство в чужой разговор является универсальным коммуникативным табу (по И.А. Стернину), не зависящим от степени близости партнеров по общению, то в данном случае участниками конфликта становятся студенты, находящиеся в дружеских отношениях, или молодые студенческие пары:

М. и Н. – соседки по съёмной квартире, подруги, одногруппницы.

Н. (серьёзный тон, низкий голос): Надо поговорить.

М. (откладывает вязание, смотрит в упор): Что такое?

Н. (чётко, на повышенных тонах): Знаешь, я от тебя никогда не ожидала, что ты будешь (неценз.) про меня всяким левым людям!!! <…>

М. (спокойным голосом, с опаской): Ты про К., что ли?

Н.: И про то, как тебе (неценз.) смотреть на мою кислую рожу. <…>

М. (тихим голосом): Мне надо было кому-то рассказать.

Н.: Мне. Слабо? (пауза)

М. (сквозь слёзы): Не хотела ругаться. <…>

Обе плачут. Примирение.

В основе подобных РК лежит нарушение таких неформальных правил дружбы, как уверенность в друге, сохранение доверенных тайн, отсутствие публичной критики [26]. Разглашение не подлежащих огласке сведений и жалобы на друга или подругу посторонним, как показывает эпизод, могут возникнуть в результате потребности в психологической разрядке (*Мне надо было кому-то рассказать*), однако они расцениваются в качестве недружественного речевого поведения. Предпочтительным вариантом устранения напряженных отношений, возникших между близкими, считается их открытое обсуждение без вмешательства извне.

5. Причиной РК может являться **игнорирование формул речевого этикета** – по определению Н.И. Формановской, предписываемой обществом системы устойчивых средств для установления речевого контакта и поддержания общения [27. С. 415].

Неупотребление этикетных формул приводит к РК достаточно редко. В тех эпизодах, где студенты вступают в конфликт по этому поводу, между ними наблюдаются разногласия в оценке значимости традиционных маркеров этикетного поведения. Так, благопожелание *спокойной ночи* для одного из участников общения – знак проявления заботы и нежности, а для другого – пустая формальность:

Парень и девушка, обоим по 20 лет.

П.: Почему ты вчера мне не ответила? Даже «спокойной ночи» мне не написала?

Д.: Да я с девчонками заболталась. Я думала, что я ответила. <…>

П.: То есть ты не придаёшь значения тому, что ты мне пишешь?

Д.: Нууу… «спокойной ночи» – это, в принципе, формальность!

П.: Для меня «спокойной ночи» значит, что я хочу, чтобы ты хорошо поспала, а не тупо форма вежливости!

Д.: А «спасибо» означает для тебя каждый раз «спаси тебя Бог»? Да ладно тебе!

П.: Как так да ладно? Может, ты мне скажешь, что «я тебя люблю» – это тоже формальность? <…>

Так же по-разному воспринимается наличие/отсутствие в речи формул приветствия. Один из коммуникантов придает им большое значение как показателю вежливости, отличающему воспитанного человека от *быдла,* тогда как его собеседник даже не замечает нарушения нормы, считая достаточно этикетным дружелюбный обмен репликами о делах:

Девушка В., 19 лет, молодой человек А., 17 лет – друзья. Встречаются случайно на улице.

А.: Привет, как дела?

В.: Всё хорошо! У тебя как?

А. (негодующе): А здороваться тебя сначала не учили?

В. (удивленно, не понимая): А в чём разница-то? Я сразу ответила на твой вопрос!

А. (грубо): Всё равно, ты должна была сначала поздороваться! А не как быдло какое-то вести себя! <…>

Отметим, что эллипсис многих этикетных формул вообще не рефлексируется в непринужденной бытовой коммуникации, что соотносится с наблюдением С.В. Леорда об их лаконизации в студенческом общении [21. С. 5]. Чаще других конфликтогенным становится отсутствие извинения (как знака признания вины одного и самоутверждения другого) и приветствия (как знака проявления уважения).

Анализируемый материал студенческого дискурса показывает, что в большинстве своем причины возникновения РК многоплановы. Во-первых, нарушения норм речевого поведения – частный случай нарушения общих гуманистических норм морали, подразумевающих уважение к человеческой личности, доброту, отзывчивость, сострадание, порядочность и т.д.; это подтверждают и приведенные выше эпизоды. Во-вторых, во многих ситуациях конфликтное взаимодействие обусловлено одновременным нарушением нескольких норм этикетного речевого поведения. Приведем в качестве иллюстрации этого тезиса один из лаконичных эпизодов.

Общежитие. Студенты и пришедшие в их комнату студентки играют в «мафию».

М.: Ребят, (неценз.), надо голосовать!

И.: В нашей комнате девушкам материться нельзя (с иронией в голосе).

М.: Мне (неценз.), что в вашей комнате нельзя. Хочу – матерюсь, хочу – не матерюсь.

И. (неценз.): отсюда и матерись где хочешь.

М.: Ну ок.

М. выходит из комнаты, все девушки выходят за ней.

В данной ситуации конфликт вызван употреблением обсценизма, относящегося к категории речевых табу. Насыщенность студенческого дискурса обсценной лексикой и фразеологией – как в однополых коллективах, так и между девушками и юношами, находящимися в дружеских или близких отношениях, довольно высока, и обычно как нарушение этикетной нормы осознается только употребление прямой инвективы в адрес собеседника. Вместе с тем гендерные роли – набор ожидаемых образцов поведения (или норм), соотносимых с половой принадлежностью говорящего [28. С. 60], – предписывают бо'льшие ограничения ненормативной лексики лицами женского пола в сравнении с мужчинами. Таким образом, причиной этого конфликта может быть также нарушение ролевых ожиданий. Для коллективов, члены которых недостаточно хорошо знакомы, очевидно, сохраняются и следы табуирования мата при общении представителей разных полов. Развитию РК способствует не только бесцеремонная декларация девушки-гостьи, но и переход И. от смягченной формы выражения запрета к

грубому требованию с использованием конфронтационных тактик и языковых средств из «репертуара» М.

Подобная форма конфликтного сценария вполне типична для студенческого дискурса. Она отражает третью составляющую в комплексе причин возникновения конфликта: важным фактором его генезиса является доминирование речевой агрессии участников диалога. При первичном нарушении норм речевого поведения коммуниканты предпочитают отвечать конфликтогеном на конфликтоген. Неумение сдержать свои эмоции и нейтрализовать начинающийся конфликт приводит к широкому использованию деструктивных речевых тактик (упрек, поучение, оскорбление, запрет, обвинение…) с соответствующими речевыми маркерами (повышение тона голоса, интонации раздражения, возмущения, иронии, сарказма, негативно-оценочная лексика и фразеология, обсценизмы и др.). Таким образом, зачин конфликта обычно имеет следующую схему: «нарушение норм речевого поведения со стороны Х – агрессивная реакция У»; зеркальное повторение этой реакции в последующих речевых ходах собеседников представляет собой эскалацию конфликта.

Группу рассмотренных РК следует отличать от конфликтов, сходных с ними внешне, но различных по сути. В таких эпизодах один из участников коммуникации воспринимает речевое поведение собеседника как ненормативное, в то время как его партнером нарушение речевых норм не осознается и не подразумевается:

А. и Б., соседки по комнате и подруги.

А.: Подскажи, что ты советуешь со статистикой мне сделать?

Б.: Ну, ты оставь либо по паре примеров, которые ты не будешь озвучивать, или вообще без примеров просто саму классификацию.

(Долгое молчание. А. обдумывает совет и смотрит, скривив лицо, недоверчиво, с неодобрением.)

Б.: Блин, ну *вот что ты так смотришь!? Зачем тогда вообще спрашиваешь совета, если всё равно не слушаешь и смотришь так, типа я вообще какую-то фигню несу, и ты всё равно будешь делать по-своему?.. Не спрашивай тогда, делай сама, и всё!*

А.: Прости, я просто думала, как сделать. Я не хотела тебя обидеть.

Б.: Да ничё.

Подобные ситуации «маскируются» под нарушения речевых норм, однако являются случаями коммуникативных неудач, возникающих из-за неверной интерпретации используемых партнером вербальных и/или невербальных средств.

Таким образом, в студенческой речи можно выделить группу РК, вызванных ненормативным речевым поведением коммуникантов. Своеобразие состава нарушений речевых норм, на основе анализа которых возможна реконструкция речевого кодекса участников общения, во многом обусловлено спецификой рассматриваемой дискурсивной сферы. В обыденном общении эти нормы значительно менее строги, чем в институциональном дискурсе; кроме того, в студенческой коммуникации участвуют лица близкого возраста и одного социального статуса, обычно хорошо знакомые друг с другом. В связи с

двумя обозначенными обстоятельствами многие правила речевого поведения, актуальные для условий официального общения и иерархически структурированной группы с разными социальными ролями, теряют релевантность. Можно предположить, что повседневное общение «на равных» сужает состав норм речевого поведения, но сохраняет их наиболее значимую, ядерную часть, обязательную в любой ситуации.

В имеющихся материалах почти отсутствуют РК, причиной которых можно считать несоблюдение выделенных Г.П. Грайсом логических правил эффективной речевой коммуникации – максимы количества (достаточности информации), качества (ее истинности), релевантности (следования начатой теме) и ясности выражения [1][1]. Большинство конфликтных эпизодов студенческого дискурса свидетельствует о том, что нарушение норм речевого поведения является частным случаем несоблюдения этических норм и может рассматриваться как их разновидность. Очевидно, в обыденном общении важна не столько точная передача фактуальной информации, сколько соблюдение норм морали и принципа вежливости (по Дж. Личу) [6].

Причины РК между студентами в случаях нарушения норм этикетного речевого поведения связаны прежде всего с отсутствием выражения эмпатии (около 1/3 всех эпизодов); далее по убывающей отмечены нежелание поддерживать речевое общение, нарушения принципа уважения партнера и сферы приватности, игнорирование формул речевого этикета. Неэтикетное речевое взаимодействие проявляется в сочетании с конфликтогенными речевыми тактиками и соответствующими им языковыми средствами. Развитию конфликтов способствуют недостаточность знаний коммуникантов в области этики, неразвитость способности к эмпатии, неумение сдерживать негативные эмоции и агрессивная реакция участников общения на отклонения от нормативного поведения.

Литература

1. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение / пер. с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.

2. *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения (1975); пер. с англ. И.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 276–302.

3. *Шмелева Т.В.* Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.

4. *Муравьева Н.В.* Речевые механизмы коммуникативных конфликтов: на материале текстов массовой информации: дис. … д-ра филол. наук. М., 2002. 451 с.

5. *Гольдин В.Е.* Этикет и речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 112 с.

6. *Leech G.* Principles of Pragmatics. L; N.Y.: Longman, 1983. 250 p.

7. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк., 1989. 159 с.

8. *Стернин И.А.* Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.

9. *Гзавава В.И.* Русский речевой этикет: социокультурный аспект: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 179 с.

[1] Зафиксирован единичный эпизод, в котором конфликтогенным стало несовпадение предпочтений участников общения в ситуации выбора между более эффективным, по Грайсу, принципом «не говори того, что считаешь ложным» и этически обусловленной максимой «не говори собеседнику неприятного». Анализ данного конфликта не был включен в статью, поскольку его причины связаны как с нарушением норм речевого поведения, так и с различием мировоззренческих установок коммуникантов.

10. *Балакай А.Г.* Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис. … д-ра филол. наук. Новокузнецк, 2002. 345 с.

11. *Бирюлина А.И.* Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX–XXI веков): дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 200 с.

12. *Чеботникова Т.А.* Речевое поведение личности в системе формирования социального образа (на материале художественного дискурса): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2012. 47 с.

13. *Сперанская А.Н.* Правила речевого поведения в русских паремиях: дис. … канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 210 с.

14. *Зубарева А.А.* Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.

15. *Аверкиева М.С.* Семантическое и концептуальное пространства русского этикета: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.

16. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.

17. *Кремнева М.Г.* Образ нормативного речевого поведения и вербальная коррекция дискурса (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.

18. *Глушак В.М.* Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2010. 46 с.

19. *Анненкова Д.В.* Компоненты восприятия речевого поведения (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 20 с.

20. *Шарифуллин Б.Я.* Речевой портрет современного студента: первое приближение // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2005. Вып. 7. С. 108–114.

21. *Леорда С.В.* Речевой портрет современного студента: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.

22. *Шелховская М.Р.* Языковая картина мира студента: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.

23. *Ларионова А.Ю.* Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 42 с.

24. *Русский* речевой этикет: учеб.-метод. пособие / сост. Н.С. Конищева, О.В. Гундяева. Н. Новгород, 2005. [Электронный ресурс]. http://www.studfiles.ru/preview/2592084 (дата обращения: 05.02.2016).

25. *Словарь* русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.

26. *Кон И.С.* Дружба: Этико-психологический очерк. [Электронный ресурс]. http://www. e-reading.by/bookreader.php/1042227/Kon_-_Druzhba._Etiko-psihologicheskiy_ocherk.html (дата обращения: 01.03.2016).

27. *Формановская Н.И.* Речевой этикет // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2003. С. 415–417.

28. *Словарь* гендерных терминов / Н.И. Ажгихина., С.Г. Айвазова, Т.В. Барчунова и др.; под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.

THE VIOLATION OF SPEECH BEHAVIOR NORMS AS THE REASON FOR CONFLICTS IN STUDENT COMMUNICATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 31–45. DOI: 10.17223/19986645/43/3

Ekaterina V. Ivantsova, Zoya V. Chernykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru / my-love-schumacher@yandex.ru

Keywords: speech behavior norms, speech conflict, speech etiquette, student communication.

The article is devoted to the research of speech conflicts in student communication which start because of the speech behavior norms violation. The task is to detect the reasons of such conflicts and to typify them. The material of the research is audiotapes with 186 conflict episodes in the spontaneous speech of Tomsk students. Conflicts related to the violation of speech behavior norms make up 16 % of the overall number of episodes.

Speech conflicts, the reason of which is the lack of emotional empathy from communicative partners, are most frequent. It means that the positive emotional condition of one communicative side is not supported by the other side; or the speaking person expects empathy in a hard situation in life and does not get it. We may consider the reaction on whining, which means permanent bothering and complaining from the communicative partner, as a similar kind of speech conflict.

Unwillingness to support communication is also a common reason for speech conflicts in student environment. Ignoring of the interlocutor, violation of the etiquette norm, which means that speech communication should prevail over every other kind of activities when a guest comes, are also considered as unfriendly behavior.

In some episodes of student communication the reasons for speech conflicts are connected with the violation of the partner respect principle. For example, a speech conflict might start, if the communicative partner becomes an object of jokes. Disrespect to the communicative partner can also be detected when the role expectations of communicative partners are violated. In such case, the speech behavior of people who sees themselves as senior by their status becomes the reason of the conflict.

Conflicts caused by slander have also been found. Slander is always expressed as an opened verbalized disapproval of people around with an implied demonstration of one's own superiority to them.

Student discourse has speech conflicts the reason of which is the violation of the private sphere. Examples of such conflicts include interrupting others' talk and disclosing intimate information and complaining about the closest people to non-close ones.

The ignoring of speech etiquette formulas can be the reason of speech conflict. In episodes when students have a conflict of this kind, they disagree about the estimation of the significance of the traditional markers of etiquette behavior.

The group of the represented speech conflicts should be distinguished from conflicts which are similar by appearance, but different by content. In such episodes one communicative partner perceives the interlocutor's speech behavior as deviant, though the other partner does not understand it and does not mean it.

Communicative partners' insufficient knowledge of ethics, undeveloped empathy, inability to control negative emotions and aggressive reaction to deviations from normal behavior promote the development of conflicts.

References

1. Grice, G.P. (1985) Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E. V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress.

2. Gordon, D. & Lakoff, J. (1985) Postulaty rechevogo obshcheniya [The postulates of speech communication]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E. V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress.

3. Shmeleva, T.V. (1983) Kodeks rechevogo povedeniya [Code of verbal behavior]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 72–77.

4. Murav'eva, N.V. (2002) *Rechevye mekhanizmy kommunikativnykh konfliktov: na materiale tekstov massovoy informatsii* [Speech mechanisms of communication conflicts in media texts]. Philology Dr. Diss. Moscow.

5. Gol'din, V.E. (1978) *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov: Saratov State University.

6. Leech, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.

7. Formanovskaya, N.I. (1989) *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and culture of communication]. Moscow: Vysshaya shkola.

8. Sternin, I.A. (1996) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: Voronezh State University.

9. Gzavava, V.I. (2000) *Russkiy rechevoy etiket: sotsiokul'turnyy aspekt* [Russian speech etiquette: a socio-cultural aspect]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.

10. Balakay, A.G. (2002) *Russkiy rechevoy etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniya* [Russian speech etiquette and principles of its lexicographical description]. Philology Dr. Diss. Novokuznetsk.

11. Biryulina, A.I. (2009) *Evolyutsiya russkogo rechevogo etiketa (na materiale khudozhestvennoy literatury XIX–XXI vekov)* [Evolution of Russian speech etiquette (in the fiction of the 19th–21st centuries)]. Philology Cand. Diss. Tambov.

12. Chebotnikova, T.A. (2012) *Rechevoe povedenie lichnosti v sisteme formirovaniya*

sotsial'nogo obraza (na materiale khudozhestvennogo diskursa) [Speech behavior of a person in the system of the social image formation (based on the art of discourse)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Chelyabinsk.

13. Speranskaya, A.N. (1999) *Pravila rechevogo povedeniya v russkikh paremiyakh* [Rules of verbal behavior in Russian proverbs]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

14. Zubareva, A.A. (2007) *Formuly russkogo rechevogo etiketa: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Formulas of Russian speech etiquette: a sociolinguistic study]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.

15. Averkieva, M.S. (2009) *Semanticheskoe i kontseptual'noe prostranstva russkogo etiketa* [The semantic and conceptual spaces of Russian etiquette]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

16. Vorontsova, T.A. (2006) *Rechevaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoe prostranstvo* [Verbal aggression: penetration into the communicative space]. Izhevsk: Udmurt State University.

17. Kremneva, M.G. (2009) *Obraz normativnogo rechevogo povedeniya i verbal'naya korrektsiya diskursa (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [The image of the normative verbal behavior and verbal discourse correction (in the English and Russian languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

18. Glushak, V.M. (2010) *Lingvopragmaticheskiy aspekt rechevogo povedeniya kommunikantov v situatsiyakh povsednevnogo obshcheniya (na materiale nemetskogo yazyka)* [A linguistic-pragmatic aspect of verbal behavior of communicants in everyday communication (in the German language)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Annenkova, D.V. (2011) *Komponenty vospriyatiya rechevogo povedeniya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [The components of the perception of verbal behavior (in the Russian and German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

20. Sharifullin, B.Ya. (2005) Rechevoy portret sovremennogo studenta: pervoe priblizhenie [Speech portrait of the modern student: the first glance]. In: Kim, I.E. (ed.) *Lingvisticheskiy ezhegodnik Sibiri* [Linguistic Yearbook of Siberia]. Vol. 7. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

21. Leorda, S.V. (2006) *Rechevoy portret sovremennogo studenta* [Speech portrait of the modern student]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

22. Shelkhovskaya, M.R. (2008) *Yazykovaya kartina mira studenta* [The language picture of the world of the student]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

23. Larionova, A.Yu. (2011) *Neformal'nyy studencheskiy diskurs: sotsiolingvisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [The informal student discourse: a sociolinguistic and cultural linguistic aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.

24. Konishcheva, N.S. & Gundyaeva, O.V. (2005) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Nizhniy Novgorod. [Online] Available from: http://www.studfiles.ru/preview/2592084. (Accessed: 05th February 2016).

25. Evgen'eva, A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Kon, I.S. (1980) *Druzhba: Etiko-psikhologicheskiy ocherk* [Friendship: an ethical and psychological essay]. [Online] Available from: http://www.e-reading.by/bookreader.php/ 1042227/ Kon_-_Druzhba._Etiko-psihologicheskiy_ocherk.html. (Accessed: 01st March 2016).

27. Formanovskaya, N.I. (2003) Rechevoy etiket [Speech etiquette]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

28. Denisova, A.A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Moscow: Informatsiya XXI vek.

УДК 81’342.1
DOI: 10.17223/19986645/43/4

В.Г. Караваева, С.В. Андросова

АЛЛОФОННОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ГЛАСНЫХ /U/ И /ʊ̈/ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТНЫХ ПЕРЕДАЧ BBC)

Неустойчивые точки фонологической системы современного RP касаются именно гласных. Ярким изменением является продвижение вперед и делабиализация гласных /u/ и /ʊ/. В статье изучается их аллофонное варьирование с учётом контекстных влияний. Результаты позволяют заключить, что они по-прежнему относятся к нестабильным точкам системы, реализуясь как центрированные, передние и задние гласные. Для гласного /ʊ/ отмечено значительно больше реализаций заднего ряда, чем для /u/.

Ключевые слова: *RP, гласный, аллофонное варьирование, продвижение вперёд, F1, F2, переходные участки.*

1. Введение

На сегодняшний день интерес исследователей вызывает проблема изменения качества гласных фонем в британском варианте английского языка. Это связано с тем, что современный британский стандарт RP претерпевает заметные изменения, о которых не раз упоминали как зарубежные, так и отечественные ученые (Дж. Уэллс, А. Круттенден, Т. В. Медведева, Т. И. Шевченко, М. В. Безбородова), а неустойчивые точки современной британской фонологической системы касаются именно гласных [1, 2. С. 30]. О высокой вариативности британских акцентов пишут Е. Феран и Ф. Пеллегрино, особенно выделяя речь жителей Лондона, которой присуща наибольшая нестабильность, что вызывает определенные трудности при исследовании [3, 4].

Так было и в диахронии: система гласных в английском подвергалась наиболее серьезным изменениям в процессе развития языка [5. С. 56–58, 64–97]. На данный момент варианты английского языка различаются в первую очередь системой гласных, также как и особенностями реализации данных фонем [6. С. 43, 7. С. 36–37].

Одним из ярких изменений является продвижение вперед гласных /u/ и /ʊ/, а также дифтонгов, в состав которых они входят. Это изменение происходит под влиянием территориальных и социальных факторов, в том числе собственно британских диалектов. Так, слово *mouth* может быть произнесено с гласными [eɪ], [ɛʊ], [æ:] и [aʏ] и с [aʊ] и [ɑʊ], как и слова *out, house, loud, now* и фактически все слова, которые имеют в RP дифтонг /aʊ/ [8. С. 60].

Характерным является влияние шотландского английского, на который указывает А. Круттенден [9. С. 79]. Согласно данным Дж. Уэлза [10. С. 399–404] шотландский гласный /u/ реализуется как высокий лабиализованный гласный центрального или переднего ряда, который транскрибируется как

[ʉ]; данный гласный может быть делабиализован, что делает его схожим с [ɪ], таким образом, *boot* и *bit* становятся омофонами; данное явление прогрессирует. А. Гимсон [11] указывает на аналогичную делабиализацию для /ʊ/, при этом рассматривая полученный результат как ударный нейтральный гласный /ə/ (делабиализация также свойственна ʊ-элементу соответствующих дифтонгов).

Схожая тенденция продвижения вперед и делабиализации указанных гласных характерна для Estuary English (далее – EE). Под влиянием EE данная тенденция закрепилась в современной речи [12. С. 27, 13, 14, 15. С. 39,]. В настоящем исследовании изучается аллофонное варьирование /u/ и /ʊ/ именно с учётом контекстных влияний.

Анализ соответствующих работ по экспериментальной фонетике на материале английского языка [2. С. 37; 16; 17; 18] позволил разделить все найденные примеры слов и сочетаний, содержащие искомый гласный, на три группы: 1) контекст, препятствующий продвижению гласного вперед (= невыгодный, например в окружении губных согласных и переднеязычных /r/, /n/ и последующего /l/); 2) нейтральный контекст (после /h/ либо при отсутствии предыдущего согласного); 3) контекст, способствующий продвижению гласного вперед (= выгодный, например в окружении переднеязычных согласных, кроме /r/, /l/, /n/, а также в соседстве со среднеязычным /j/). Данный подход отличается от того, что предложил Д. Деттеринг [19, 20], исключивший из рассмотрения /w/, /r/, /l/, /j/ контекст из-за радикальных коартикуляциооных изменений, которые он вызывает. Однако учитывая невысокую частотность /u/ и /ʊ/ и особенности их сочетаемости с согласными, исключение контекста после /j/, /w/, /r/ и перед /l/ не позволяло найти достаточно образцов для анализа. Кроме того, принимая во внимание каноническую заднерядность указанных гласных, в нашем случае имело бы смысл только исключение /j/ контекста. Вместе с тем отказ от анализа коартикуляционных эффектов делает картину описания аллофонного варьирования фонемы неполной, поэтому нами ни один контекст не был исключён.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Корпус исследования составила квазиспонтанная речь четырех коренных британцев-мужчин, ведущих и участников радиопередач, в возрасте 50–60 лет. Все четыре информанта, по единодушной оценке трех задействованных экспертов в области RP, демонстрировали стандарт RP, о чём свидетельствует отсутствие в их речи выраженных диалектных особенностей. Речевые образцы были отобраны из аналитических новостных передач Hardtalk, Outlook и Last Word, взятых с официального сайта BBC [21, 22, 23]. Общая длительность звучания проанализированной речи составила 1 час 30 минут. В качестве объекта исследования были взяты гласные, традиционно относимые к заднему ряду: /u/ и /ʊ/, парадигматические и синтагматические характеристики которых можно отнести к нестабильным точкам системы и её реализации. Из речевого массива методом сплошной выборки были сегментированы участки, содержащие указанные гласные. Гласные были взяты как в ударной, так и в безударной позициях во фразах. В силу специфики материала у дик-

торов было взято неодинаковое количество реализаций. Общее количество реализаций интересующих гласных составило 260, из которых 184 приходятся на /u/ (96 ударных и 88 безударных) и 76 – на /ʊ/ (55 ударных и 21 безударный).

Предметом исследования являлись акустические характеристики реализаций данных гласных, а именно значения первой и второй формант (F1, F2). Замеры производились в программе Praat по динамической спектрограмме на стационарных участках. При наличии выраженных переходных участков замерялись начальные и конечные значения. Результаты замеров заносились в электронные таблицы в табличном процессоре Microsoft Excel и подвергались дальнейшей количественной обработке: производилось вычисление средних значений (общее среднее), средних минимальных (по пяти минимальным значениям) и максимальных значений (по пяти максимальным значениям). Аналогичную методику использовали Г. де Джонг et al. [1. С. 1814].

2.2. Обсуждение результатов исследования

2.2.1. Гласный /u/ в ударной позиции

Значения F1 в изученных реализациях ударного /u/ варьировали в пределах 256–516 Гц, среднее значение составило 367 Гц, среднее максимальное – 464 Гц, среднее минимальное – 281 Гц. Разница между минимальным и максимальным значениями составила 183 Гц.

Значения F2 в тех же реализациях ударного /u/ варьировали в пределах 1000–2436 Гц, среднее значение составило 1505 Гц (что полностью соответствует среднему значению, выделенному Д. Детердингом [19. С. 192, 194]). В 32 случаях из 96 наблюдались явно выраженные переходные участки. На начальном переходном участке общее среднее значение F2 составило 1761 Гц, среднее максимальное и минимальное значения составили 1919 Гц и 1485 Гц соответственно. На конечном переходном участке общее среднее значение F2 составило 1343 Гц, среднее максимальное и минимальное значения – 1652 Гц и 1070 Гц соответственно. В остальных случаях, где выраженных переходных участков не было обнаружено, среднее значение F2 составило 1479 Гц, средний минимум и средний максимум составили 1147 Гц и 1968 Гц соответственно. Разница между минимальным и максимальным значениями составила 821 Гц.

Полученная разница по обеим формантам довольно значительная, особенно по F2, и соответствует акустическому расстоянию между разными фонемами.

В невыгодном для продвижения вперед контексте встретились слова *move* и его производные, *roof*, *truly* в нейтральном – *who, who was, who do, who demonstrated*, в выгодном – *doing, ninety-two*. В первой группе контекстов, где ожидалась реализация основного аллофона, т.е. аллофона гласного заднего ряда, отмечалась явная нестабильность признака «ряд гласного». Значения F2 колебались в пределах 848–1664 Гц. В одних случаях он был реализован как гласный заднего ряда (*truly*, *roof*, *through, cool*), где F2 варьировала в пределах 848–1185 Гц, в других – как центрированный (*move* и его производные, *groom*, *grew, groups, prove*, *recruited*, *true*) с F2 1302–1594 Гц и в отдельных случаях – как продвинутый вперёд (*moved*) с F2 1664 Гц. Подобные противо-

положности в невыгодном для продвижения контексте – то наличие продвижения, то его отсутствие – могли встречаться у одного и того же диктора.

Гласный, реализованный в нейтральном контексте – в слове *who*, где также ожидался основной аллофон высокого подъема заднего ряда, характеризовался повышением F1, среднее значение которой составило 357 Гц. Это говорит о расширении гласного, хотя он по-прежнему остается гласным высокого подъёма (на реализацию более открытого гласного указывает также М.В. Безбородова [15. С. 45]). Среднее значение F2 составило 1423 Гц, что существенно превышает норму, указанную А. Круттенденом для мужского голоса [9. С. 98–99] и свидетельствует о центрировании гласного. Стоит заметить, что слово *who* встретилось несколько раз у одного и того же диктора и при этом было реализовано совершенно по-разному. В одних случаях было зафиксировано наличие переходных участков F2 с перепадами от 1924 Гц до 1118 Гц, что мы связываем с возрастанием длительности (109–269 мс по сравнению с теми случаями, где длительность составила 45–70 мс). В других случаях с малой длительностью не было обнаружено переходных участков, а гласный мог принадлежать и к заднему продвинутому вперед (F2 = 1221–1238 Гц), и к центральному (F2 = 1324 Гц), и к переднему ряду (F2 = 1736 Гц).

Особенность реализации ударного гласного /u/ в выгодном для продвижения контексте также состоит в разнообразии формантных значений. Нестабильность формантной структуры на участках с большой длительностью (102–301 мс) обусловила трудности поиска квазистационарного участка и определения средних значений F2, начальное и конечное значение которой колебалось в пределах 2403–1046 Гц. Встретились единичные случаи реализации гласного с переходными участками при небольшой длительности в словах *humans, huge, do it* и некоторых других (46–78 мс), отмечено также отсутствие переходного участка при большой длительности гласного в словах *do that, too, you* (112, 163, 191 мс соответственно).

Отдельное внимание следует уделить словам *music, humans, Hugh*. В этих примерах значение F1 варьировало в пределах 256–427 Гц; F2 на начальном участке превышала 1800 Гц, а на конечном участке не опускалась ниже 1399 Гц даже при следующем губном согласном, вызывающем существенное понижение F2; среднее значение при этом составило 1783 Гц. Всё это даёт основания назвать гласный в указанных словах закрытым и передним, имеющим на спектрограмме схожесть с гласными [i], [ɪ] (о схожести значений F2 у гласных /i/ и /u/, а в некоторых случаях – их пересечении см. [24]).

Из 96 реализаций ударного гласного /u/ 27 имели явно выраженный передний характер (F2 > 1600 Гц), что составило 28% от общего количества реализаций. К центральному ряду принадлежали 55 реализаций (F2 колебалась в пределах 1300–1600 Гц) из 96 (57% от общего количества реализаций). К заднему ряду (F2 < 1300 Гц) было отнесено всего 14 реализаций (15%). Примечательно, что в одних и тех же словах, например *music, you,* были найдены образцы как с переходными участками, так и без них, при этом разница длительности в пределах одной группы слов составила 18 и 15 мс соответственно, что не является существенным различием.

Несмотря на выявленные противоречия и нестабильность в значениях F2 в каждой из трёх групп контекстов, можно говорить о тенденции заметно большего продвижения гласного /u/ вперед, что соответствует принципу III У. Лабова [25. С. 116]. В нейтральном контексте гласный заднего ряда становится центрированным и даже передним, а в выгодном контексте продвинутым вперед и даже сходным с [ɪ] / [i]. Что касается невыгодного контекста, то и в нем фиксируется наличие случаев продвижения вперед наряду с его отсутствием. Эта особенность в определённой степени напоминает ситуацию с разделением на два подвида аллофонов французского /u/ (as split of allophones of /u/) – продвинутого вперед и заднего, где первый тесно привязан к переднеязычному согласному контексту, а второй к губному и заднеязычному [25. С. 139]. Т.И. Шевченко также указывает на продвижение гласного /u/ вперед, в средний ряд, и сравнивает его с немецким звуком в слове *b**ü**cher* [26. С. 57].

2.2.2. Гласный /ʊ/ в ударной позиции

Значения F1 в изученных реализациях /ʊ/ варьировали в большей степени по сравнению с /u/, а именно в пределах 278–569 Гц, общее среднее значение составило 423 Гц, средний минимум был равен 325 Гц, средний максимум – 532 Гц. Разница между минимальным и максимальным значениями составила 207 Гц.

Значения F2 колебались в гораздо менее широких пределах по сравнению с /u/, а именно 850–1561 Гц, общее среднее значение составило 1206 Гц, что также заметно ниже, чем у /u/. Переходные участки по F2 встретились в 4 случаях из 55, что существенно меньше по сравнению с аналогичными случаями реализации /u/. Примерами могут послужить слова *could be, could because, put, would be.* Вместе с тем в этих же словах гласный мог быть реализован без переходных участков, в том числе в речи одного и того же диктора. Начальное значение F2 для переходных участков составило 1024 Гц, а конечное – 1424 Гц. В указанных случаях переход осуществлялся от меньшего значения к большему, даже переднеязычный контекст, как, например, в слове *took* не способствовал переходу от большего значения к меньшему. В остальных случаях, где переходных участков не было обнаружено, среднее значение F2 было равно 1212 Гц. Средний минимум и средний максимум составили 867 и 1533 Гц соответственно. Разница между ними – 666 Гц. Совершенно очевидно, что контраст по локусу у гласных /u/ и /ʊ/ выражен по-разному: у первого – с отрицательным знаком и большим значением, а у второго – с положительным знаком и меньшим значением (подробнее о слоговых контрастах см. в работах Л.В. Бондарко [27, 28]). Следует особо подчеркнуть, что среди ударных реализаций /ʊ/ не встретилось ни одного гласного переднего ряда, реализации центрального ряда составили 40% от общего количества ударных /ʊ/ (22 примера из 55), реализации заднего ряда – 60% (33 примера из 55), что в 4 раза превышает аналогичный показатель по реализациям /u/.

2.2.3. Гласный /u/ в безударной позиции

Значения F1 гласного /u/ в безударной позиции колебались в пределах 285–493 Гц. Общее среднее значение F1 составило 367 Гц. Средний минимум

и средний максимум составили 304 и 447 Гц соответственно, разница между ними равна 143 Гц.

Минимальное значение F2 в тех же реализациях составило 1108 Гц (средний минимум был равен 1173 Гц), а максимальное – 2047 Гц (средний максимум составил 1973 Гц), общее среднее – 1531 Гц. Присутствовали образцы с переходными участками (15 из 88), что в два раза меньше, чем в выборке с ударными /u/. Такое сокращение связано с меньшей длительностью безударного гласного по сравнению с ударным. На начальном участке общее среднее F2 составило 1773 Гц, средний минимум – 1523 Гц, средний максимум – 1982 Гц. На конечном участке общее среднее составило 1328 Гц, средний минимум – 1113 Гц, средний максимум – 1670 Гц. В нейтральном контексте реализации данного гласного встретились в таких словах, как *who, whose*. В них лишь однажды был реализован гласный заднего ряда, более половины (54%) – гласный центрального ряда и 38% – гласный переднего ряда. В контексте, способствующем продвижению гласного, в таких примерах, как *doing other, in to, into, Sudan, musician, today* и др., среднее значение F2 составило 1670 Гц.

Безударный /u/ не встретился в предшествующем невыгодном для продвижения контексте, однако последующий невыгодный контекст также вызывал понижение F2 в среднем до 1422 Гц *(to move, tomorrow, to be, to run*). Примечательно, что такой же эффект, но в большей степени – понижение до 1265 Гц – вызывал последующий гласный независимо от его качества (*to arrange, to offer, do exactly, to enter, to escape, to obtain*). Такой результат не был ожидаем на момент формулировки гипотезы настоящего исследования.

Из 88 реализаций безударного /u/ 36 (41%) имели явно выраженный передний характер (F2 > 1600 Гц), что незначительно превышает количество таких реализаций ударного /u/. Количество реализаций гласного центрального ряда составило 42 из 88 (48%), и 10 реализаций имели задний характер (11%).

2.2.4. Гласный /ʊ/ в безударной позиции

Значения F1 в изученных образцах колебались в пределах 330–529 Гц, средний минимум составил 355 Гц, средний максимум – 482 Гц, общее среднее – 406 Гц.

Общее среднее значение F2 составило 1308 Гц, при этом её значения колебались в пределах 914–1751 Гц, средний минимум составил 1067 Гц, средний максимум – 1570 Гц. Переходных участков выявлено не было. Одной из особенностей реализаций безударного /ʊ/ было практическое отсутствие продвинутых вперед реализаций (1 пример из 21), а также преобладание реализаций центрального ряда над реализациями заднего ряда (62 и 33% соответственно) в отличие от реализации этого же гласного в ударной позиции, где преобладали фоны заднего ряда.

Часть центральных реализаций безударных гласных /u/ и /ʊ/ следует интерпретировать как нейтральный гласный /ə/. Согласно А. Круттендену форманты гласного /ə/ довольно схожи с /ɜ:/ или /ʌ/ в зависимости от ситуации, в которой они встречаются (конец слова, не конец слова) [9. С. 127]. Следовательно, значения F1 для /ə/ могут колебаться в пределах 478–644 Гц, а значе-

ния F2 могут быть 1259–1436 Гц. Поскольку мы имеем дело со связной речью, возможно более подходящими значениями будут формантные значения гласного /з:/ [29. С. 218]. Вместе с тем другая часть фонов была существенно у́же по подъёму (F1 менее 400 Гц).

Сводные данные по ударным и безударным аллофонам /u/ и /ʊ/ представлены в таблице.

Аллофоны ударных и безударных /u/ и /ʊ/, %

Фонема Тип аллофона	Ударная		Безударная	
	u	ʊ	u	ʊ
Передние	28	0	41	5
Центральные	57	40	48	62
Задние	15	60	11	33

Более наглядно данные можно представить на гистограммах (рис. 1, 2).

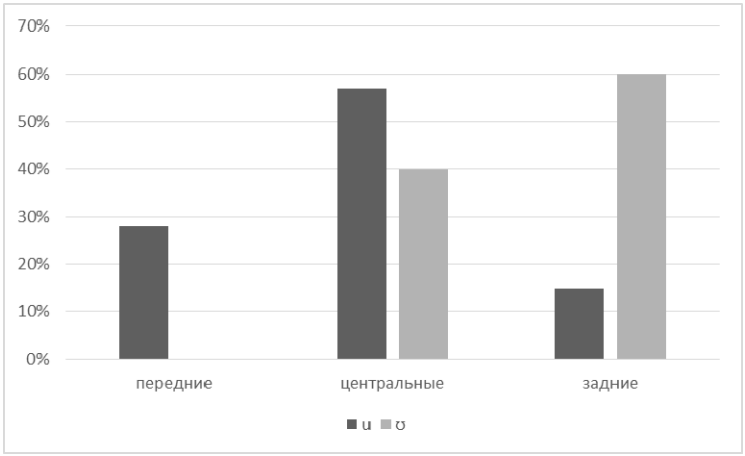


Рис. 1. Гистограмма ударных аллофонов /u/ и /ʊ/

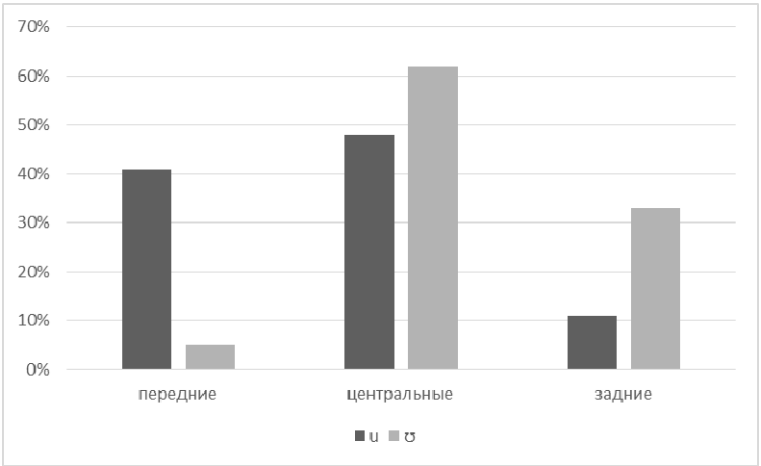


Рис. 2. Гистограмма безударных аллофонов /u/ и /ʊ/

Полученные на нашем материале результаты по безударным /u/ и /ʊ/, с одной стороны, согласуются с данными Т.В. Медведевой о большом количестве реализаций нейтрального гласного в британском безударном вокализме [30], а с другой – схожи с выявленными ранее Ю.С. Луганцевой и С.В. Андросовой на материале американского варианта английского языка тенденциями реализации i/ɪ-образных и ʊ-образных безударных редуцированных гласных на месте канонического нейтрального гласного [31–34].

3. Заключение

Описанный в настоящей статье эксперимент, разумеется, не относится к разряду «чистых» экспериментов, однако его результаты, с одной стороны, способны продемонстрировать наличие тенденций определенной силы, а с другой – позволяют произвести более полную оценку аллофонного варьирования фонем, невозможную без учёта контекстных влияний.

Проведенное исследование акустических характеристик гласных /u/ и /ʊ/ позволяет сделать вывод, что они по-прежнему относятся к нестабильным точкам системы. Несмотря на наличие большого количества центрированных реализаций и реализаций переднего ряда гласного /u/, встречаются и задние его реализации, хотя последних зафиксировано незначительное количество. В отличие от этого для гласного /ʊ/ отмечено значительно больше реализаций, относящихся к заднему ряду. Кроме того, зафиксировано немало реализаций /u/ с переходными участками по F2 от большего значения к меньшему. Количество реализаций с переходными участками для /ʊ/ сведено к минимуму, а переход фиксируется с положительным знаком (от меньшего значения к большему). Возможно, характер перехода по F2 относится к важным акустическим признакам, отличающим /u/ от /ʊ/.

Совершенно очевидно, что в данной точке парадигматики британского вокализма происходит сдвиг, однако этот процесс, по-нашему мнению, ещё не завершен. В целом при том, что оба гласных продвинулись вперёд, на данный момент гласный /u/ имеет более продвинутый характер по сравнению с /ʊ/. Сравнивая F2 по нашему эксперименту (2014 г.) с формантными значениями, приведёнными ранее А. Круттенденом (2001 г.) [9. С. 98–99] и позже Ю.П. Иванашко (речевые образцы 2006–2011 гг.) [35. С. 42, 89–98], можно сказать, что оба гласных продолжают продвижение вперёд, но для /u/ это движение быстрее, поэтому акустическое расстояние по F2 между /u/ и /ʊ/ увеличивается. Кроме того, похожая тенденция, но ещё в более выраженной степени, характерна для /u/ (но не /ʊ/) в американском и австралийском вариантах английского языка (см. работы: [36. С. 33–34], [37. С. 106, 113–117], [38. С. 87, 95–96]). В перспективе следует выяснить универсальные и специфические проявления указанной тенденции в британском, американском, австралийском и канадском вариантах английского языка, изучив соответствующие речевые образцы на сопоставимом материале аналитических передач на схожем временном срезе.

В связи с продвижением /u/ и /ʊ/ вперед необходима также серия перцептивных экспериментов для определения возможного пересечения с /i/ и /ɪ/. Хотя в более ранних исследованиях (см. [24]) указывается отсутствие такого пересечения на материале изолированных слов (полезными для восприятия

признаками, различающими /i/ и /ʉ/, /ɪ/ и /ʊ/, являются переходные участки по F2), оно может возникнуть в спонтанной речи, например при появлении квазистационарного участка, что неоднократно имело место на нашем материале.

Литература

1. *Jong G. de, McDougall K., Hudson T., Nolan F.* The speaker discriminating power of sounds undergoing historical change: a formant-based study // ICPhS XVI, ID 1542, Saarbrücken, 6–10 August 2007. P. 1813–1816.

2. *Шевченко Т.И.* Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М., 2016. 240 с.

3. *Ferragne E., Pellegrino F.* Formant Frequencies of vowels in 13 accents of the British Isles // Journal of the International Phonetic Association, 2010, № 40/1. P. 1–34.

4. *Ferragne E., Pellegrino F.* Vowel systems and accent similarity in the British Isles: Exploiting multidimentional acoustic distances in phonetics // Journal of Phonetics, 2010. № 38. P. 526–539.

5. *Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М.* История английского языка: учеб. 4-е изд., испр. СПб., 2010. 560 с.

6. *Heinz J.* Gienich English Phonology: An Introduction. Cambridge, 1992, 378 p.

7. *Fabricius A.H.* T-glottaling. Between Stigma and Prestige: A Sociolinguistic Study of Modern RP. Copenhagen, 2000. 180 p. URL http://www.akira.ruc.dk/~fabri/fabricius-2000-phd-thesis.pdf

8. *Wells J.*C. English Accents in England // Language in the British Isles / ed. by P. Trudgill, 1984, P. 55–69.

9. *Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English. Beijin, 2001. 348 p.

10. *Wells J.C.* Accents of English 2. The British Isles. Cambridge, 1986. 470 p.

11. *Gimson A.* The RP accent // Language in the British Isles. Cambridge : Cambridge University Press, 1984, P. 45–54.

12. *Parson G.* From RP to Estuary English: The concept "received" and the debate about British pronunciation standards. Hamburg, 1998. URL: https://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/parsons_ma.pdf.

13. *Медведева Т.В.* Самая популярная разновидность произношения?: (К вопросу о путях развития произносительной нормы в британском варианте английского языка) // Филологические науки. 2001. № 1. С. 78–83.

14. *Безбородова М.В.* Estuary English в речи молодых образованных носителей британского варианта английского языка // Вестн. МГЛУ. 2015. Вып. 1 (712). С. 9–17.

15. *Безбородова М.В.* Особенности вокалической составляющей речи молодых британцев // Вестн. МГЛУ. 2011. Вып. 1 (607). С. 37–53.

16. *Stevens K.N.* Perturbation of Vowel Articulations by Consonantal Context: an Acoustic Study / K.N. Stevens, A.S. House // Speech Hearing Research. 1960. N 6. P. 111–128.

17. *Hillebrand J.M.* Effects of Consonantal Environment on Vowel Formant Patterns / J.M. Hillebrand, M.J. Clark, T.M. Neary // JASA. 2001. Vol. 109. P. 748–763.

18. *Perceptual* Invariance of Co-articulated Vowels over Variations in Speaking Rate / J.W. Stack, W. Strange, J.J. Jenking et al. // JASA. 2006. Vol. 119, N 4. P. 2394–2405.

19. *Deterding D.* The North Wind a Wolf: short text for description and measurement of English pronunciation // Journal of the International association. 2006. № 36 (2). P. 187–196.

20. *Dettering D.* The formants of monophthongs of vowels in Standard Southern British English pronunciation // Journal of the International Phonetic Association. 2007. № 27. P. 47–55.

21. *Hardtalk* 2014. BBC Podcasts and downloads. URL: http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht.

22. *Last* Word. BBC Radio 4. URL: http://www.bbc.co.uk/ programmes/ b006qpmv/ broadcasts/2015

23. *Outlook* 2014. BBC Podcasts and downloads. URL.: http://www.bbc.co.uk/podcasts/ series/outlook.

24. *Chaldakova K., Hamann S.* High vowels in Southern British English: /u/ - fronting does not result in merger. ICPhC Regular Session. Hong Kong, 17–21 August, 2011. P. 476–479.

25. *Labov W.* Principles of Linguistic Change: Internal Factors. Peking, 1994. 641 p.

26. *Шевченко Т.И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. Дубна, 2011. 256 с.

27. *Бондарко Л.В.* Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969.

28. *Бондарко Л.В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. 200 с.

29. *Fabricius A* Week vowels in modern RP: an acoustic study of happy-tensing and KIT/schwa shift // Language variation and change, 14 (2002), P. 211–237.

30. *Медведева Т.В.* Вариативность безударного вокализма в британском и американском вариантах английского языка // Филол. науки. 1998. № 2. С. 74–77.

31. *Луганцева Ю.С.* Перцептивные характеристики безударных редуцированных гласных // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 34. С. 60–64.

32. *Луганцева Ю.С.* Фонетический сингармонизм в американской спонтанной речи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 64–73.

33. *Луганцева Ю.С., Андросова С.В.* Акустические характеристики безударных редуцированных гласных в американской спонтанной речи. 2009. № 3. С. 209–215.

34. *Луганцева Ю.С., Андросова С.В.* Ударение и согласный контекст как факторы, определяющие качественные характеристики безударных редуцированных гласных (на материале американского варианта английского языка) // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 62 (36). С. 128–133.

35. *Иванашко Ю.П.* Фонетическая организация политического дискурса (экспериментально-фонетическое исследование на материале речей британских политиков): дис. ... канд. филол. наук, 2014. 251 с.

36. *Thomas E.R.* An Acoustic Analysis of Vowel Variation in New World English // Publication of American Dialect Society. 2001. N 85. 231 p.

37. *Деркач С.В.* Фонетические свойства гласных в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 208 с.

38. *Шуйская Т.В.* Аллофонное варьирование гласных на участках разной информативной нагруженности (экспериментально-фонетическое исследование на материале спонтанной речи носителей австралийского варианта английского языка). СПб., 2008. 208 с.

ALLOPHONIC VARIATION OF VOWELS /U/ AND /ʊ/ IN MODERN BRITISH SPEECH (BASED ON BBC ANALYTICAL NEWS PROGRAMS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 46–58. DOI: 10.17223/19986645/43/4

Veronika G. Karavaeva, Svetlana V. Androsova, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: Berenices1988@gmail.com / androcova_s@mail.ru

Keywords: RP, vowel, allophonic variation, fronting, F1, F2, formant transition.

The current paper presents an acoustic analysis of the allophonic variation of the phonemes /u/ and /ʊ/ in stressed and unstressed position in the utterance in modern British speech. These phonemes are often said to have undergone noticeable fronting and unrounding as a result of the influence of national accents, such as Scottish and Estuary English. This paper explores the variety of contexts. The subjects were four male native speakers of British English, in their late-forties or early-fifties, who obtained higher education in England. The material of BBC analytical news programs was used for the acoustic study (total duration: 1 hour 30 minutes). The total of 260 uses of /u/ and /ʊ/ was studied: 96 stressed /u/, 55 stressed /ʊ/, 88 unstressed /u/, 21 unstressed /ʊ/. The contexts where these vowels occurred were divided into three types 1) the ones that discouraged fronting (e.g. in labial consonant surrounding), 2) the ones that were neutral (e.g. after /h/), and 3) the ones that encouraged fronting (in fore-lingual and mid-lingual consonant surrounding).

Three types of context-dependent allophones were observed for stressed /u/: front, central, and back with 28 %, 57 % and 15 % correspondingly. In unstressed position the same types of allophones were noticed; a significant increase of front allophones (to 41 %) was observed together with a notable decrease of the central type (to 48 %) and a little decrease of the back type (to 11 %). Two types of context-dependent allophones were found for stressed /ʊ/: central and back with 40 % and 60 % correspondingly. In unstressed position the same types of allophones were noticed with a significant increase of central allophones (to 62 %) and decrease of back ones (to 33 %) compared to stressed posi-

tion. No front-type allophones of /ʊ/ occurred in the material except for one case in the unstressed position. Although fronting was characteristic for both /u/ and /ʊ/ in general, F2 values show that /u/ was much more sensitive to that process. In all the three context types F2 of /u/ demonstrated high variability: central, front, and back realizations could occur in all the three types.

F2 transition pattern was another factor that made /u/ and /ʊ/ more distinct acoustically. In the former, F2 moved from higher values to lower ones while in the latter it was vice versa even after forelingual consonants that generally encourage higher F2 values.

The same tendency of fronting can be observed for /u/ (but not /ʊ/) in American and Australian English where it is expressed even stronger.

References

1. Jong, G. de et al. (2007) The speaker discriminating power of sounds undergoing historical change: a formant-based study. *ICPhS* XVI, ID 1542. Saarbrücken. 6–10 August 2007. Saarbrücken. pp. 1813–1816.

2. Shevchenko, T.I. (2016) *Sotsiofonetika: Natsional'naya i sotsial'naya identichnost' v angliyskom proiznoshenii* [Sociophonetics: national and social identity in English pronunciation]. 2nd ed. Moscow: URSS.

3. Ferragne, E. & Pellegrino, F. (2010a) Formant Frequencies of vowels in 13 accents of the British Isles. *Journal of the International Phonetic Association.* 40/1. pp. 1–34. DOI: 10.1017/S0025100309990247

4. Ferragne, E. & Pellegrino, F. (2010b) Vowel systems and accent similarity in the British Isles: Exploiting multidimentional acoustic distances in phonetics. *Journal of Phonetics*. 38. pp. 526–539. DOI: 10.1016/j.wocn.2010.07.002

5. Ivanova, I.P., Chakhoyan, L.P. & Belyaeva, T.M. (2010) *Istoriya angliyskogo yazyka* [History of the English language]. St. Petersburg: Avalon, Azbuka.

6. Heinz, J. (1992) *Gienich English Phonology: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

7. Fabricius, A.H. (2000) *T-glottaling. Between Stigma and Prestige: A Sociolinguistic Study of Modern RP*. Copenhagen. [Online] Available from: http://www.akira.ruc.dk/~fabri/fabricius-2000-phd-thesis.pdf.

8. Wells, J.C. (1984) English Accents in England. In: Trudgill, P. (ed.) *Language in the British Isles.* Cambridge: Cambridge University Press.

9. Cruttenden, A. (2001) *Gimson's Pronunciation of English.* Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.

10. Wells, J.C. (1986) *Accents of English 2. The British Isles*. Cambridge: Cambridge University Press.

11. Gimson, A. (1984) The RP accent. In: Trudgill, P. (ed.) *Language in the British Isles.* Cambridge: Cambridge University Press.

12. Parson, G. (1989) *From RP to Estuary English: The concept "received" and the debate about British pronunciation standards*. Hamburg. [Online] Available from: https://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/parsons_ma.pdf.

13. Medvedeva, T.V. (2001) Samaya populyarnaya raznovidnost' proiznosheniya? (K voprosu o putyakh razvitiya proiznositel'noy normy v britanskom variante angliyskogo yazyka) [The most popular form of pronunciation? (To the question on the development of pronunciation norm in British English)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1. pp. 78–83.

14. Bezborodova, M.V. (2015) Estuary English features in the speech of young educated Britons. *Vestnik MGLU*. 1 (712). pp. 9–17. (In Russian).

15. Bezborodova, M.V. (2011) Specific vowel features in young Britons' speech. *Vestnik MGLU*. 1 (607). pp. 37–53. (In Russian).

16. Stevens, K.N. & House, A.S. (1960) Perturbation of Vowel Articulations by Consonantal Context: an Acoustic Study. *Speech Hearing Research*. 6. pp. 111–128.

17. Hillebrand, J.M., Clark, M.J. & Neary, T.M. (2001) Effects of Consonant Environment on Vowel Formant Patterns. *JASA*. 109. pp. 748–763. DOI: 10.1121/1.1337959

18. Stack, J.W. et al. (2006) Perceptual Invariance of Co-articulated Vowels over Variations in Speaking Rate. *JASA*. 119:4. pp. 2394–2405.

19. Deterding, D. (2006) The North Wind a Wolf: short text for description and measurement of English pronunciation. *Journal of the International association*. 36 (2). pp. 187–196. DOI: 10.1017/S0025100306002544

20. Deterding, D. (2007) The formants of monophthongs of vowels in Standard Southern British English pronunciation. Journal of the International Phonetic Association. 27. pp. 47–55. DOI: 10.1017/S0025100300005417

21. BBC. (2014) *Hardtalk 2014. BBC Podcasts and downloads*. [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht.

22. BBC. (2015) *Last Word. BBC Radio 4*. [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/programmes/b006qpmv/broadcasts/2015.

23. BBC. (2014) *Outlook 2014. BBC Podcasts and downloads*. [Online] Available from.: http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook.

24. Chaldakova, K. & Hamann, S. (2011) High vowels in Southern British English: /u/ - fronting does not result in merger. *ICPhC Regular Session*. Hong Kong. 17–21 August 2011. Hong Kong. pp. 476–479.

25. Labov, W. (1994) *Principles of Linguistic Change: Internal Factors*. Wiley.

26. Shevchenko, T.I. (2011) *Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka: Kurs teoreticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka dlya bakalavrov* [Phonetics and phonology of English: The course of theoretical phonetics of the English language for undergraduates]. Dubna: Feniks+.

27. Bondarko, L.V. (1969) *Slogovaya struktura rechi i differentsial'nye priznaki fonem (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale russkogo yazyka)* [The syllabic structure of speech and the distinctive features of phonemes (experimental-phonetic research in the Russian language)]. Philology Dr. Diss. Leningrad.

28. Bondarko, L.V. (1981) *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of language and phonological description of the speech]. Leningrad: Leningrad State University.

29. Fabricius, A. (2002) Weak vowels in modern RP: an acoustic study of happy-tensing and KIT/schwa shift. *Language variation and change.* 14. pp. 211–237. DOI: 10.1017/S0954394502142037

30. Medvedeva, T.V. (1998) Variativnost' bezudarnogo vokalizma v britanskom i amerikanskom variantakh angliyskogo yazyka [Variability of unstressed vowels in British and American English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2. pp. 74–77.

31. Lugantseva, Yu.S. (2010) Pertseptivnye kharakteristiki bezudarnykh redutsirovannykh glasnykh [Perceptual characteristics of unstressed reduced vowels]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 34. pp. 60–64.

32. Lugantseva, Yu.S. (2015) Phonetic vowel harmony in American spontaneous speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 1. pp. 64–73. (In Russian).

33. Lugantseva, Yu.S. & Androsova, S.V. (2009) Acoustic analysis of unstressed vowels in American spontaneous speech. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism.* 3. pp. 209–215. (In Russian).

34. Lugantseva, Yu.S. & Androsova, S.V. (2014) Accent and consonant context as factors determining the qualitative characteristics of unaccented reduced vowels (by the material of the American variant of the English language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 6:2 (36). pp. 128–133. (In Russian).

35. Ivanashko, Yu.P. (2014) *Foneticheskaya organizatsiya politicheskogo diskursa (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale rechey britanskikh politikov)* [Phonetic organization of political discourse (experimental-phonetic research of speeches of British politicians)]. Philology Cand. Diss. Blagoveshchensk.

36. Thomas, E.R. (2001) *An Acoustic Analysis of Vowel Variation in New World English*. Publication of American Dialect Society 85. Durham, NC: Duke University Press.

37. Derkach, S.V. (2003) *Foneticheskie svoystva glasnykh v spontannoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [Phonetic properties of vowels in spontaneous speech (experimental-phonetic research of the American variant of the English language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

38. Shuyskaya, T.V. (2008) *Allofonnoe var'irovanie glasnykh na uchastkakh raznoy informativnoy nagruzhennosti (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale spontannoy rechi nositeley avstraliyskogo varianta angliyskogo yazyka)* [Allophonic variation of vowels in the areas of different information load (experimental-phonetic research of spontaneous speech of Australian English speakers)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

УДК 811.111.81’373.72
DOI: 10.17223/19986645/43/5

А.В. Меликян

ФРАЗЕОСХЕМЫ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ-СОЮЗОМ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию одного из классов синтаксических фразеологических единиц – фразеосинтаксических схем современного испанского языка. Анализу подвергаются структурные, семантические и этимологические свойства фразеосинтаксических схем с опорным компонентом-союзом. Данные синтаксические фразеологические единицы характеризуются признаками воспроизводимости, идиоматичности, структурно-семантической целостности, экспрессивности и стилистической маркированности.

Ключевые слова: *синтаксическая фразеологическая единица, фразеосхема, союз, опорный компонент, структурно-семантическая целостность, идиоматичность, экспрессивность, полисемичность, испанский язык.*

Фразеологический фонд современного испанского языка включает в себя единицы различных уровней, в том числе синтаксические фразеологические единицы. Основной причиной появления более экономных средств и единиц выражения человеческой мысли выступает противоречие между потребностями человека в эффективных средствах коммуникации и его ограниченными возможностями в сфере языка.

Лексические фразеологические единицы испанского языка исследуются лингвистами уже довольно долгое время, однако описание фразеологических единиц синтаксического уровня носит фрагментарный характер, что обусловлено общей методологической ориентацией испанских и латиноамериканских лингвистов. Данное направление языкознания получило наибольшее развитие в отечественной лингвистике. В испанистике же синтаксическая фразеология рассматривается в качестве составляющей других разделов языкознания: стилистики, грамматики, риторики, культуры речи, лексикологии и т.п. Следует отметить, что работы теоретического характера по испанской фразеологии немногочисленны. Более того, многие испанские и латиноамериканские ученые в своих исследованиях опираются на концепции таких выдающихся русских лингвистов-фразеологов, как В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, Н.Ю. Шведова, В.Н. Телия, В.Л. Архангельский, Н.Н. Амосова и др. Среди исследований фразеологии в испанистике, проведенных русскими учеными, можно выделить работы А.В. Супрун и Н.Н. Курчаткиной [1]; Э.И. Левинтовой [2]; В.С. Виноградова [3], Э.А. Мальцевой [4], И.В. Ямушкиной [5]. Данные труды внесли значительный вклад в исследование теории общей и частной фразеологии испанского языка.

В современных лингвистических исследованиях по испанскому языку пока не выявлены единые критерии для определения природы и статуса фразеологических единиц. В качестве ведущего признака фразеологических единиц называлось, например, такое их свойство, как отклонение от языковой нормы («грамма-

тическая аномалия») [6. С. 1171–1176; 7. С. 60]. Однако следует отметить неправомерность применения данного критерия ко многим фразеологическим единицам ввиду отсутствия у них аграмматичности: *tomar el olivo – удрать, levantar el codo – пить запоем* и т.д. Некоторые испанские ученые высказывают мнение, что фразеологические единицы тесно связаны со спецификой определенного языка, вследствие чего выделяют критерий непереводимости на другие языки, специфичности того или иного языка в качестве основного или дополнительного признака данных языковых единиц [7. С. 60].

Однако испанистами все же называются некоторые категориальные свойства фразеологических единиц. К ним можно отнести такие признаки, как воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность и идиоматичность. Опираясь на эти и другие критерии, испанские ученые описывают природу фразеологизмов, а также дают различные классификации данных языковых единиц. Среди наиболее значимых работ испанских и латиноамериканских лингвистов по фразеологии можно выделить труды Х. Касареса [8], Э. Косериу [9], А.О. Сулуаги [10], С.В. Карнеадо Морей, А.М. Триста Перес [11] и некоторых других.

Фразеологизация на лексическом и синтаксическом уровнях различна. «Во фразеологических единицах фразеологизация идет от содержания к форме: лексический состав всегда соотносится с определенным значением, во фразеосхемах (синтаксических фразеологических единицах) фразеологизация идет от формы к содержанию: схема постоянно соотносится с определенным значением. Таким образом, фразеологизация идет в двух направлениях» [12. С. 67]. На уровне синтаксической фразеологии фразеологизация идет по пути обобщения означаемого и идиоматизации означающего мотивирующей синтаксической конструкции. Синтаксическая фразеологизация – это «сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в асимметрическом сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» [13. С. 30–31]. Иными словами, «выделение фразеосинтаксического значения у СФЕ обусловлено тем, что оно присуще предложению как единице синтаксиса, выражается конструкцией в целом, является устойчивым и инвариантным, не вытекает непосредственно из структуры модели, не мотивировано грамматической связью, существующей между компонентами модели» [14. С. 57].

К единицам синтаксической фразеологии относятся коммуникемы, фразеосхемы, устойчивые модели, устойчивые обороты [15. С. 29]. В данной статье мы остановимся на описании фразеосинтаксических схем испанского языка, которые активно используются в разговорной коммуникации.

Материалом для исследования послужили фразеосхемы, извлеченные методом сплошной выборки из оригинальных произведений испанской и латиноамериканской художественной литературы XIX и XX вв., их переводов на русский язык, выполненных Н. Бутыриной, В. Столбовым, Л. Синянской, Н. Кирилловым, А. Грибановым и др., а также грамматик, толковых и фразеологических словарей испанского языка.

Исследуемые в настоящей работе языковые единицы являются порождением разговорной речи, чаще всего – её устной формы: «...разговорной речи в наибольшей по сравнению с другими стилями степени свойственна фразео-

логичность, понимая под последней “живописный способ выражаться”, реализованный в устойчивых языковых единицах и их речевых вариантах» [16. С. 180].

Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая логически и семантически членимое смысловое содержание (т.е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию [17. С. 161–162].

Фразеосхемы характеризуются набором обязательных системных признаков: воспроизводимостью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью, идиоматичностью и экспрессивностью. Рассмотрим языковую природу каждого из этих признаков.

Воспроизводимость квалифицируется некоторыми учеными как основное свойство фразеологических единиц (Н.М. Шанский, С.Г. Гаврин, Л.И. Ройзензон). Данный признак определяет существование в языке «различного рода комбинаторных аномалий, к которым, в частности, и относится большинство устойчиво воспроизводимых сочетаний фразеологического типа» [18. С. 675]. Однако данный признак является интегральным для всех синтаксических фразеологических единиц, поэтому не может использоваться для их дифференциации: «…свойство воспроизводимости является наиболее общим для фразеологических единиц, различающихся степенью идиоматичности, грамматической структурой и т.д. Оно как бы объединяет в одну массу все фразеологизмы, рассыпающиеся при подходе к ним с какими-либо иными критериями, верными для отдельных групп фразеологизмов, но недостаточными для всей фразеологии» [19. С. 61]. Воспроизводимость – это качество, которое всегда характеризует фразеологические единицы речи как заранее заготовленные [20. С. 230]. Под воспроизводимостью мы понимаем регулярную повторяемость языковых единиц в речи в их стабильном составе.

Признак устойчивости также трактуется по-разному: предсказуемость компонентов [21. С. 58], стабильность употребления [22. С. 122; 23. С. 7], совокупность ограничений в выборе переменных фразеологической единицы на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [24. С. 24], предсказуемость элементов с взглядом на нее как степень идиоматичности фразеологической единицы и как меру ее семантической сплоченности и неразложимости компонентов, т.е. семантической целостности [25. С. 109; 26. С. 40]. Мы придерживаемся последней точки зрения. Таким образом, устойчивость идиомы проявляется в том, что слова, становясь компонентами идиомы, теряют многие свойства, вследствие чего наблюдаются ограничения парадигматических и синтагматических изменений, свойственных идиоме по сравнению с изменениями, которые возможны для соответствующего свободного построения [27. С. 14].

Семантическая целостность фразеосхем проявляется в наличии «общей семантической идеи» [28. С. 107]. Структурная целостность заключается в

фиксированном расположении компонентов (порядок следования не может быть изменен без изменения семантики всей конструкции), в ограничении возможности варьирования опорных компонентов и распространения структуры синтаксической конструкции. По мнению A.O. Zuluaga [10], структурная организация фразеологических единиц составляет особый тип воспроизводимости, который заключается в фиксации определенной формы и невозможности ее изменения.

Идиоматичность представляет собой смысловую неразложимость фразеологизма на отдельные компоненты, соответствующие его отдельным структурным элементам [29. С. 145]. Иными словами, идиоматичность – это невыводимость смысла фразеологизма из значений его отдельных компонентов.

Одним их категориальных признаков данных синтаксических фразеологических единиц также является синтаксическая экспрессивность, которая представляет собой более абстрактную категорию по сравнению с лексической экспрессивностью. Она предстает как усилительная (сенсибилизирующая) функция синтаксической конструкции. Экспрессивность – это то в сфере прагматической семантики языковой единицы, что свидетельствует об интересе говорящего (пишущего) к впечатлению от высказывания (см. работы Кайгородовой). «Чем больше внимание исследователей синтаксиса привлекают к себе явления экспрессивной речи, тем чаще приходится сталкиваться с такими предложениями, которые не могут быть описаны в обычных терминах “членов предложения”. Получает признание и распространение то мнение, что в языке существуют типы предложений, к которым “вообще неприменимо понятие членов предложения”» [30. С. 6].

Семантика фразеосхем специфична. Фиксированный набор обязательных элементов структуры, строго определённая позиция опорных компонентов в составе таких фразеологизированных структур обусловливают закрепление за ними и за подобными моделями предложений обобщённого значения «утверждения», «отрицания», «высокой степени проявления предмета речи» и т.п. Означаемое фразеосхемы формируется двумя основными компонентами: диктумной пропозицией, а также фразеосинтаксическим значением, в структуру которого входит и содержание модусной пропозиции. К последнему также относится «экспрессема» и «стилема», т.е. сема сниженной (разговорной) стилистической маркированности.

Рассмотрим все эти признаки на примере фразеосхемы с опорным компонентом *si*: ***¡Si + V pret imp subj!.*** Данная фразеосхема полисемична и способна выражать следующие значения:

1) «целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками значения»: Recordaba la borrachera como una aventura infantil, y le parecía tan divertida que se la contó a Aureliano Segundo, y a este le pareció más divertida que a ella. “***Si tu madre lo supiera***”, le dijo, ahogándose de risa, como le decía siempre que ella le hacía una confidencia. (G.G. Márquez. Cien años de soledad). ● О своем опьянении она вспоминала теперь как о детской шалости, которая казалась такой забавной, что она рассказала о ней Аурелиано Второму. Ему эта история показалась еще более смешной.

«***Если бы твоя мать узнала!***» – повторял он, задыхаясь от смеха, так он говорил всегда, когда дочь признавалась ему в чем-нибудь. (“Твоя мать не знает + сожаление, удивление, ирония и т.д.”);

2) «нецелесообразности, нежелательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с сожалением, досадой, разочарованием по поводу отсутствия предмета речи»: – ***¡Si mamá lo supiera!*** En fin, que el muy tunante se divirtió todo lo que quiso, y después la del humo. (B. Pérez Galdós. Fortunata y Jacinta). ● – ***Не дай бог, если мама узнает!***.. Короче, этот негодяй получил все, что хотел – и был таков. (“Мама не знает об этом + одобрение, досада, негативное отношение к предмету речи и т.д.”);

3) «утверждение в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: – Hombre, qué ganas tengo yo de hacer un viaje por Italia. – Pues a ello. – ¡***Si no se gastase tanto***! (A. Palacio Valdés. Riverita). ● – Ах, как мне хочется побывать в Италии! – Так за чем же дело стало? – ***Если бы только не было так дорого!*** (“Это дорого + неодобрение, досада и т.д.”).

Как видно из данных примеров, выражение значения «какого-либо действия» опирается на знание ситуации, переданной контекстом. При этом контекст, в окружении которого функционирует данное предложение, гасит все другие смысловые и функциональные значения (побуждения, условности, возможности), заложенные в определенном типе синтаксической конструкции, оставляя лишь значение целесообразности/нецелесообразности факта в реальной действительности, а также его положительной или негативной оценки [31. С. 84]. В первом примере фразеосхема, помимо целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, выражает сожаление, удивление, иронию по отношению к действиям собеседника. Однако это становится понятно лишь благодаря последующему контексту: *…le dijo, ahogándose de risa, como le decía siempre que ella le hacía una confidencia*. ● *…повторял он, задыхаясь от смеха, так он говорил всегда, когда дочь признавалась ему в чем-нибудь*. Во втором случае контекст также помогает выявить негативное отношение к предмету речи: *…En fin, que el muy tunante se divirtió todo lo que quiso, y después la del humo.* ● *–… Короче, этот негодяй получил все, что хотел – и был таков…* Кроме того, предложение *¡Si no se gastase tanto!* ● *Если бы только не было так дорого!* в соответствующем контексте может выражать прямое значение условности и относиться к нейтральному стилю, а может, как в анализируемом примере, реализовывать вторичное значение утверждения, неодобрения, досады и приобретать разговорную окраску. При этом формально оно не меняется, однако может иметь различное пунктуационное оформление, которое будет соответствовать утверждению.

Данная фразеосхема является мотивированной. Мотивирующей основой данной фразеосхемы выступает придаточное предложение со значением «условия» в составе сложноподчиненного_предложения, например: – ***Si le viera uté trabajá,*** ¡una gloria de Dios! Tiene unas mano de plata... (A. Palacio Valdés. La hermana San Sulpicio). ● – ***Видели бы вы, как она работает***, любо-дорого смотреть! У нее золотые руки… (“Вы не видели, как она работает + одобрение, положительная оценка предмета речи и т.д.”). Ср.: – *Si le viera uté trabajá,* estaría muy contento. ● – ¡*Если бы вы видели, как она работает,* вы

были бы довольны! Таким образом, данная фразеосхема формально совпадает с придаточным условным сложноподчиненного предложения.

Обязательный неизменяемый компонент в данной фразеосхеме выражен словом *si*, которое в системе испанского языка выступает в качестве союза и трактуется следующим образом: «(в случае) если; раз, ли, ведь, же» [32. С. 650]. Данный опорный компонент частично десемантизирован, так как в нем частично утеряна связь с прямым значением «условности», что проявляется в отнесенности значения фразеосхемы в целом к реальной модальности.

Обязательный изменяемый компонент конструкции является лексико-грамматически и морфологически устойчивым (не допускает варьирования). Он может быть выражен лишь глаголом в форме претерита имперфекта сослагательного наклонения (***V pret imp subj***), например: – ¿Por qué quería mi amo que jiciera? – No hacerle aprecio. – ***¡Si su mercé lo hubiera visto!*** No era cosa de podelo aguantar. Parecía que había comido yerba. (J. López. Portillo y Rojas. La Parcela). ● – Так что же мне было делать, сударь? – Не обращать на него внимания. – ***Видели бы вы его, ваша милость!*** Невмоготу было терпеть. Он словно белены объелся. (“Вы не видели его + сожаление, неодобрение, негативная оценка предмета речи и т.д.”).

Синтаксические отношения в данной фразеосинтаксической схеме неактуальны, поэтому порядок следования компонентов неизменяем.

Данная фразеосинтаксическая схема обладает признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности и идиоматичности. Рассмотрим каждый из них.

Свойство воспроизводимости описываемой фразеосхемы связано с тем, что она используется в качестве готовой модели и допускает варьирование лишь изменяемого компонента в заданных лексических рамках.

Структурная устойчивость данной синтаксической конструкции проявляется в наличии двух обязательных компонентов – неизменяемого и изменяемого, в невозможности изменения порядка их следования, лексико-грамматического варьирования опорного компонента и морфологического варьирования изменяемого компонента. Семантическая устойчивость – в наличии определенного фразеосинтаксического значения: 1) «целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками значения»; 2) «нецелесообразности, нежелательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с сожалением, досадой, разочарованием по поводу отсутствия предмета речи»; 3) «утверждения в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками».

Структурная целостность фразеосхемы проявляется в ограничении ее трансформации и вставки лексико-грамматических компонентов без изменения значения синтаксической конструкции. Изъятие какого-либо компонента из состава фразеосхемы невозможно без потери ее фразеосинтаксического значения. Семантическая целостность заключается в наличии общего фразеосинтаксического значения, которое присуще самой фразеосхеме, а не отдельным ее компонентам.

Данная фразеосхема обладает также признаком идиоматичности, который подразумевает невыводимость категориального (фразеосинтаксического)

значения фразеосхемы из значений компонентов, входящих в ее структуру. Например: Doña Matilde... ***si tú pudieras discernir bien y avalorar las sensaciones de diferente naturaleza*** que semejante palabra excita, fomenta, inflama... Bruno. No, en efecto, todo eso para mi es griego (M. Gorostiza. Contigo, pan y cebolla). ● Донья Матильда. ...***если бы ты мог различать и оценивать чувства другого рода,*** те, что возбуждают, питаются и различаются подобными словами. Бруно. Нет, право же, все это для меня китайская грамота. ("Ты не можешь различать и оценивать чувства другого рода…+ сожаление, неодобрение, негативная оценка предмета речи и т.д.").

В данном случае невыводимыми являются следующие структурно-семантические, функциональные и стилистические компоненты плана содержания фразеосхемы:

– синтаксическое значение (фразеосхема формально построена по модели придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения, а функционирует в качестве простого повествовательного или восклицательного предложения, что свидетельствует о грамматической транспозиции);

– фразеосинтаксическое значение, например, «целесообразности, желательности» не выводится из значения придаточного предложения со значением условия;

– эмоционально-экспрессивное значение (семы «сожаления», «неодобрения» и т.д.);

– стилистическое значение (фразеосхема характеризуется разговорной окраской, а ее производящая синтаксическая конструкция – нейтральной).

Рассмотрим еще одну фразеосхему с опорным компонентом-союзом, которая является менее продуктивной в системе испанского языка, чем предыдущая: ***¡<No [y]> que [sino] no + Vinf, subj!.*** Фразеосхема моносемична, выражает значение «утверждения в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками», например: – *Ya no me queda ningún género de duda – exclama – Schiven desea mi muerte; reconozco en ese reptil al ministro de su cólera. ¡Oh!* ***¡Que no fuera yo un dios para luchar con los dioses!***.. (Becquer G.A. Leyendas) ● Теперь у меня не осталось ни малейших сомнений, – восклицает он. – Скивен желает моей смерти. Узнаю в этом пресмыкающемся посланника своей смерти. О! ***Как бы мне не быть богом, чтобы бороться с богами!*** ("Не могу не быть богом + высокая степень уверенности, негодование, возмущение и т.п.").

Данная фразеосинтаксическая схема является немотивированной, т.е. этимологическая связь с его прямым значением не прослеживается. Подобные синтаксические построения составляют собственно фразеологизированные синтаксические конструкции, отношения между компонентами которых не отражают существующих типов синтаксических связей и являются в современном языке немотивированными (см. работы Н.Ю. Шведовой).

Обязательный неизменяемый компонент выражен союзами *que* или *sino*, а также отрицательным местоимением *no*, которое стоит после *que [sino]*. Опорный компонент полностью десемантизирован. Его значение никак не представлено в значении фразеосхемы: наречие *no* в испанском языке трактуется как «нет, не, разве не, так бы не» [31. С. 502]; *que* «то, что; чтобы» [31. С. 595] и *sino* означает «только, исключительно, кроме, за исключением» [31.

С. 653]. Обязательный неизменяемый компонент данной фразеосхемы может осложняться препозитивным факультативным элементом, выраженным отрицательным местоимением *no* или союзом *y*. Этимологическая связь обязательного опорного компонента с его прямым значением неактуальна. Установить истоки аграмматичности организации данной фразеосхемы не представляется возможным, что является доказательством ее непроизводности.

Следует отметить некоторые отличия этих двух вариантов фразеосхемы. Во-первых, союз *sino* не используется изолированно в предложении, он всегда «употребляется после отрицания, вводит слово или предложение, полностью исключающее предыдущее понятие или суждение» [33. С. 264]. Слово *que* может употребляться как с отрицательными словами, так и без них. И *que*, и *sino* в сочетании с *no* усиливают фразеосинтаксическое значение. Однако фразеосхема с союзом *que* обладает большей усилительной способностью и экспрессивностью. Факультативные компоненты структуры у данной фразеосхемы отсутствуют.

Обязательный изменяемый компонент является лексико-грамматически и морфологически устойчивым (нулевая парадигма). Он может быть представлен только глаголом в форме инфинитива или сослагательного наклонения и является лексически варьируемым, например: 1) – …yo tampoco he hecho todo el trabajo, ***no sino que hacer una tarea y medio castigo de Achondo*** (Paz M. Papelucho). ● – … Я также сделал всю работу, и как не сделать задание и половину наказания Ачондо! (“Нельзя не сделать + высокая степень уверенности, удивление и т.п.”); 2) – ***¡No que no hablar de esto!*** [33. С. 653]. ● – ***Неужели нельзя поговорить об этом!*** (“Об этом ведь можно поговорить + возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.п.”).

Как отмечает Н.Ю. Шведова, синтаксические отношения в подобных высказываниях «являются вполне современными, но лексические значения образующих сочетание слов ослаблены, “отодвинуты”» [34. С. 279], что иллюстрирует пример из чилийского произведения.

Данная фразеосхема характеризуется неизменностью порядка следования обязательных компонентов и является воспроизводимой, структурно и семантически устойчивой и цельнооформленной, а также идиоматичной (она характеризуется наличием всех четырех идиоматичных компонентов содержательной структуры фразеосхемы).

Итак, в современном испанском языке (классический и латиноамериканский варианты) функционируют фразеосинтаксические схемы с обязательным неизменяемым компонентом, выраженным союзом. Они репрезентируют не только диктумное значение, но и модусное. Подобные синтаксические конструкции являются производными.

Фразеосхемы с опорным компонентом-союзом обладают признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности, а также разговорной стилистической маркированностью и экспрессивностью. Все это свидетельствует о том, что данные синтаксические конструкции относятся к фразеологическим ресурсам современного испанского языка. Они характеризуются высокой частотностью функционирования в разговорной речи и способствуют повышению эффективности процесса коммуникации, придавая общению непринужденный характер.

Литература

1. *Курчаткина Н.Н., Супрун А.В.* Фразеология испанского языка. М., 1981. 143 с.
2. *Испанско-русский* фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. М., 1985. 1075 с.
3. *Виноградов В.С.* Лексикология испанского языка: учеб. М.: Высш. шк., 2003. 244 с.
4. *Мальцева Э.А.* Структурно-семантические и функциональные особенности устойчивых сравнений современного испанского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1976. 24 с.
5. *Ямушкина И.В.* Устойчивые предложно-именные сочетания фразеологического и нефразеологического типа с наречным значением в современном испанском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1972. 21 с.
6. *Caballero R.* Diccionario de modismos de la lengua castellana. Buenos Aires, 1947. 1181 с.
7. *Gracián T.* Enciclopedia grammatical del idioma castellano. Buenos Aires, 1946. 279 с.
8. *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958. 354 с.
9. *Coseriu E.* Estudios de linguística románica. Madrid: Gredos, 1977. 314 p.
10. *Zuluaga A.* Introduccional estudio de las expresiones fijas. Colombia, 1980. 260 с.
11. *Carneado Moré Z.V., Tristá Pérez A.M.* Estudios de fraseología. La Habana, 1985. 90 с.
12. *Кайгородова И.Н.* Фразеосхема как генетическая основа синтаксического фразеологизма // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания: материалы межвуз. науч. конф. Ч. 2: Языкознание. Саратов, 1996. С. 67–68.
13. *Кайгородова И.Н.* Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань, 1999. 249 с.
14. *Меликян В.Ю.* Синтаксическая фразеология русского языка: учеб. пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2015. 352 с.
15. *Меликян В.Ю.* Современный русский язык: Синтаксическая фразеология: учеб. пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2014. 376 с.
16. *Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976. 240 с.
17. *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 674–684.
18. *Краснов Ф.А.* О предмете фразеологии // Учен. зап. Киргиз. ун-та. Славянский сб. Вып. 10. 1963. С. 58–66.
19. *Zuluaga A.* La fijación fraseológica // Thesaurus. T. 30, enero-abril. Colombia, 1975. С. 225–248.
20. *Копыленко М.М.* Об объеме и методах фразеологии как научной дисциплины // Вопр. фразеологии. Ташкент, 1965. С. 53–63.
21. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. 256 с.
22. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980. 464 с.
23. *Архангельский В.Л.* Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства (на материале современного русского языка) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвуз. симпоз. Тула, 1968. С. 21–29.
24. *Жуков В.П.* Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет // Вопр. языкознания. 1967. № 5. С. 104–113.
25. *Меликян В.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004. 288 с.
26. *Курчаткина Н.Н., Супрун А.В.* Фразеология испанского языка.. М., 1981. 144 с.
27. *Ройзензон Л.И.* Фразеологизация как лингвистическое явление // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая серия. 1961. № 113. С. 101–117.
28. *Телия В.Н.* Идиоматичность // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. 721 с.
29. *Меликян В.Ю.* «Внутренняя антонимия» и способы её выражения в языке // Русский язык в школе. 1998. №2. С. 73–79.
30. *Шмелев Д.Н.* Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
31. *Садиков А.В., Нарумов Б.П.* Испанско-русский словарь современного употребления. М., 2001. 752 с.
32. *Виноградов В.С.* Грамматика испанского языка: практический курс. М., 2014. 432 с.
33. *Calvo L.M.* Diccionario espanol-ruso (80 000 palabras). Barcelona, 1985. 1915 с.
34. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 380 с.

FIXED PHRASE SCHEMES WITH A COMPULSORY COMPONENT-CONJUNCTION IN THE CONTEMPORARY SPANISH LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 59–70. DOI: 10.17223/19986645/43/5

Anna V. Melikyan, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Melikyan.anna@mail.ru

Keywords: syntactic phraseological unit, fixed phrase scheme, conjunction, compulsory component, structural and semantic integrity, idiomaticity, expressivity, polysemy, Spanish language.

This article is devoted to the research problem of one of the syntactic phraseological unit classes – fixed phrase schemes. The study is accomplished on the basis of the contemporary Spanish language. The research significance is determined by the insufficiency of the fixed phrase schemes theory and lack of fixed phrase schemes description in colloquial speech, and by the essential pragmatic potential of such schemes that allows communicants to realize diverse author's intentions in speech.

Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction are described in structural, semantic, etymological, paradigmatic, syntagmatic and phraseological aspects.

Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction are composite: they contain two compulsory components: unchangeable and changeable. The compulsory unchangeable element of fixed phrase schemes of this group is represented by the conjunctions *si, que* и *sino*. The compulsory component of the conjunctive origin does not have paradigmatic qualities due to the specific character of the synsemantic word status.

The compulsory changeable component is represented by a verbal lexeme only; that is why it does not have a lexical-grammatical paradigm. Its incomplete morphological paradigm is represented by two forms of the verb.

Syntactic relations in fixed phrase schemes are essentially obsolete, which determines the unchangeable order of the structural elements, when the compulsory component is prepositive.

Fixed phrase schemes contain both dictum and modus propositions. They are used to express diverse subjective and modal shades of meaning; that is they influence the recipient directly.

Fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction are characterized by such features as repeatability, stability, structural and semantic integrity, idiomaticity, expressivity and stylistic markedness. These characteristics are integral for all fixed phrase schemes; however, they differ in each fixed phrase scheme. The most peculiar feature is idiomaticity that can show in several dimensions: functional (the meaning of exclamation/declaration is not concluded from the formal organization of the fixed phrase scheme); semantic (the modus proposition is not formally expressed in the fixed phrase scheme); stylistic (the fixed phrase scheme is characterized as colloquial while its motivating basis is neutral).

In general, it should be stated that fixed phrase schemes with a compulsory component-conjunction correspond to their status of the phraseological language subsystem units. They are one of the most effective means of colloquial speech and allow the speaker to realize his or her versatile communicative intentions.

References

1. Kurchatkina, N.N. & Suprun, A.V. (1981) *Frazeologiya ispanskogo yazyka* [The phraseology of the Spanish language]. Moscow: Vysshaya shkola.

2. Levintova, E.I. (ed.) (1985) *Ispansko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Spanish-Russian idioms dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

3. Vinogradov, V.S. (2003) *Leksikologiya ispanskogo yazyka* [Lexicology of Spanish]. Moscow: Vysshaya shkola.

4. Mal'tseva, E.A. (1976) *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti ustoychivykh sravneniy sovremennogo ispanskogo yazyka* [Structural-semantic and functional features of sustained comparisons of contemporary Spanish]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

5. Yamushkina, I.V. (1972) *Ustoychivye predlozhno-imennye sochetaniya frazeologicheskogo i nefrazeologicheskogo tipa s narechnym znacheniem v sovremennom ispanskom yazyke* [Nominal prepositional collocations of idiomatic and non-idiomatic types with adverbial meanings in modern Spanish]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

6. Caballero, R. (1947) *Diccionario de modismos de la lengua castellana* [Idioms Dictionary of the Castilian language]. Buenos Aires: Librería El Ateneo.

7. Gracián, T. (1946) *Enciclopedia grammatical del idioma castellano* [Grammatical encyclopedia of Castilian idioms]. Buenos Aires: Librería El Ateneo.

8. Casares, J. (1958) *Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu* [Introduction to the modern lexicography]. Moscow: Nauka.

9. Coseriu, E. (1977) *Estudios de linguística románica* [Romanian linguistics studies]. Madrid: Gredos.

10. Zuluaga, A. (1980) *Introduccion al estudio de las expresiones fijas* [Introduction to the study of fixed expressions]. Frankfurt: Peter Lang.

11. Carneado Moré, Z.V. & Tristá Pérez, A.M. (1985) *Estudios de fraseología* [Studies of phraseology]. La Habana: Academia de Ciencias de Cuba.

12. Kaygorodova, I.N. (1996) [Fixed phrase scheme as the genetic basis of the syntactic idiom]. *Aktual'nye problemy filologii i ee prepodavaniya* [Topical problems of philology and of teaching it]. Proceedings of the conference. Pt. 2. Saratov: Saratov State University. pp. 67–68. (In Russian).

13. Kaygorodova, I.N. (1999) *Problemy sintaksicheskoy idiomatiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of syntactic idioms (in Russian)]. Astrakhan: Astrakhan State University.

14. Melikyan, V.Yu. (2015) *Sintaksicheskaya frazeologiya russkogo yazyka* [Syntactic phraseology of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.

15. Melikyan, V.Yu. (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian language. Syntactic phraseology]. Moscow: Flinta: Nauka.

16. Vasil'eva, A.N. (1976) *Kurs lektsiy po stilistike russkogo yazyka* [Lectures on the stylistics of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.

17. Teliya, V.N. (2004) Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov [Factor of culture and reproducibility of idioms—signs–microtexts]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura* [Hidden meanings. Word. Text. Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

18. Krasnov, F.A. (1963) O predmete frazeologii [On the subject of phraseology]. *Uchenyye zapiski Kirgizskogo universiteta. Slavyanskiy sb*. 10. pp. 58–66.

19. Zuluaga, A. (1975) La fijación fraseológica [Phraseological fixation]. *Thesaurus*. XXX. Enero-abril. pp. 225–248.

20. Kopylenko, M.M. (1965) Ob ob"eme i metodakh frazeologii kak nauchnoy distsipliny [The scope and methods of phraseology as an academic discipline]. In: Royzenzon, L.I. (ed.) *Voprosy frazeologii* [Issues of phraseology]. Tashkent: Nauka.

21. Saussure, F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.

22. Mokienko, V.M. (1980) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavonic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

23. Arkhangel'skiy, V.L. (1968) [The problem of stability of phraseological units and their iconic features (in modern Russian language)]. *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinits* [Problems of stability and variance of phraseological units]. Proceedings of a symposium. Tula. pp. 21–29. (In Russian).

24. Zhukov, V.P. (1967) Izuchenie russkoy frazeologii v otechestvennom yazykoznanii poslednikh let [Studying of Russian phraseology in domestic linguistics of recent years]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 104–113.

25. Melikyan, V.Yu. (2004) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya* [Modern Russian language. Syntax of non-divisible sentences]. Rostov-on-Don.

26. Kurchatkina, N.N. & Suprun, A.V. (1981) *Frazeologiya ispanskogo yazyka* [The phraseology of Spanish]. Moscow: Vysshaya shkola.

27. Royzenzon, L.I. (1961) Frazeologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie [Idiomatization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya*. 113. pp. 101–117.

28. Teliya, V.N. (1997) Idiomatichnost' [Idiomaticity]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

29. Melikyan, V.Yu. (1998) "Vnutrennyaya antonimiya" i sposoby ee vyrazheniya v yazyke ["Internal antonymy" and methods of its expression in the language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 73–79.

30. Shmelev, D.N. (1976) *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic divisibility of statements in the modern Russian language]. Moscow: Nauka.

31. Sadikov, A.V. & Narumov, B.P. (2001) *Ispansko-russkiy slovar' sovremennogo upotrebleniya* [Spanish-Russian Dictionary of Modern Usage]. Moscow: Russkiy yazyk.

32. Vinogradov, V.S. (2014) *Grammatika ispanskogo yazyka. Prakticheskiy kurs* [Grammar of the Spanish language. A Practical Course]. Moscow: Universitet.

33. Calvo, L.M. (1985) *Diccionario espanol-ruso (80 000 palabras)* [Spanish-Russian Dictionary (80000 words)]. Barcelona.

34. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian speech]. Moscow: USSR AS.

УДК 81'1
DOI: 10.17223/19986645/43/6

З.И. Резанова, А.А. Миклашевский

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗНО-ПЕРЦЕПТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ ПРИ ПОМОЩИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ[1]

В статье проведен анализ существующих подходов к описанию образно-перцептивного компонента языковой семантики, предлагается и обосновывается использование психолингвистических баз данных, позволяющих применять статистические методы анализа слабоструктурированной семантической информации. Рассматривается проект Томского государственного университета по разработке такой базы: представлены образцы инструкций, стимульный материал, описание процедуры сбора и анализа данных, предварительные выводы. Обсуждаются возможности применения разработанной базы данных в исследовательской практике.
Ключевые слова: *базы данных, когнитивная семантика, перцептивная семантика.*

1. Перцептивная информация в структуре концепта

В отечественной когнитивной лингвистике широко распространено представление о концепте как сложной неоднородной ментальной структуре, которая чаще всего описывается по полевой модели (ядро, ближняя и дальняя периферия). Несмотря на то, что набор конкретных элементов этой структуры и их иерархия могут определяться по-разному, большинство исследователей разделяет точку зрения, согласно которой именно конкретно-образные характеристики составляют ядро концепта или входят в число его ключевых компонентов: образная составляющая (С.Г. Воркачев [1. С. 7]), образ (М.В. Никитин [2. С. 59–60], З.Д. Попова и И.А. Стернин [3. С. 75]), конкретно-образные характеристики (Н.Н. Болдырев [4. С. 29]).

В.И. Карасик напрямую связывает образный компонент концепта с перцептивными ощущениями, полученными человеком из телесного опыта: «Уточним важнейшие измерения концепта – образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания» [5. С. 107]; на ту же связь указывают З.Д. Попова и И.А. Стернин, отсылая к понятию универсального предметного кода (УПК) Н.И. Жинкина: «Наличие в концепте образного компонента определяется самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода» [3. С. 75]. Значимость перцептивной информации в структуре кон-

[1] Научное исследование (№8.1.37.2015) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015–2016 гг.

This study (research grant No. 8.1.37.2015) was supported by The Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Program in 2015–2016.

цепта подчеркивается А.А. Залевской в том числе и для абстрактных концептов: «Значение любого слова как единицы идиолексикона в принципе сводимо к некоторому исходному чувственному образу объекта (зрительному, слуховому, двигательному и т. д., актуализуемому прямо или через опосредование вербальными «переходами»), что должно находить проявление в констатации носителями языка наличия у идентифицируемых ими слов (даже с наиболее абстрактным значением) определенной степени конкретности и образности» [6. С. 181].

Иногда исследователи идут еще дальше и выделяют структуру внутри самого образного компонента. Так, например, З.Д. Попова и И.А. Стернин говорят о перцептивном образе (совокупности признаков, сформированных в процессе непосредственного восприятия фрагмента внешнего мира) и метафорическом или когнитивном образе (образных признаках, сформированных в результате метафорического осмысления предмета или явления) [3. С. 76]. В основании данной классификации лежит признак происхождения образа (был ли он получен при помощи органов чувств или же появился как результат формирования концептуальной метафоры); в обоих случаях, однако, образ состоит из одного и того же «психического материала», имеет одну природу, поэтому далее в настоящей работе различение перцептивного и образного компонентов не делается.

2. Существующие методы исследования перцептивного компонента языковой семантики

Несмотря на то, что значимость перцептивного компонента в структуре концепта широко признана, в настоящий момент нет окончательно сложившегося метода выявления перцептивной семантики языковых единиц. Исследовательское моделирование информационно-понятийного ядра концепта осуществляется при помощи традиционных лингвистических методов (таких как компонентный анализ, анализ контекстов, анализ словарных дефиниций, работа с фразеологическим материалом и т.д.), и результатом такого моделирования является набор смысловых компонентов, образующих соответствующий слой концепта и выраженных на метаязыке. Данные средства, однако, не так эффективны при моделировании образного компонента концепта. Причина этого видится в том, что сама природа перцептивной информации другая, эта информация слабо поддается семиотизации средствами естественного языка и потому с трудом может быть выявлена лингвистическими методами. Хотя язык тесно включен в общую когнитивную систему и может рассматриваться в двух качествах – как подверженный влиянию общих психофизиологических закономерностей, в том числе перцептивных, так и оказывающий влияние на ряд психических процессов, в том числе восприятие [7. С. 198–199], – очевидно, что не всякого рода информация, содержащаяся в когнитивной системе человека, одинаково легко доступна для анализа с использованием собственно лингвистических методов, что заставляет исследователей обращаться к поиску новых приемов выявления перцептивной информации как составной части концепта.

В работе И.А. Стернина и М.Я. Розенфельд «Слово и образ» предлагаются два метода извлечения образного компонента концептуального ядра: ана-

лиз словарных дефиниций и направленный психолингвистический эксперимент, при котором участникам предлагается следующая инструкция: *«Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете, когда звучит каждое из слов экспериментального списка»* [8. С. 45]. Ниже кратко рассмотрены возможности и ограничения каждой из процедур.

1. При анализе словарных дефиниций авторы обнаруживают образный компонент собственно в толковании значения, в примерах, сопровождающих толкование, а также выявляют «лакуны» в толковании, которые, по их мнению, должны быть заполнены описаниями чувственных образов (например, указательные и неопределенные местоимения – *где-либо*, *в чем-либо*). Авторы утверждают, что образный компонент значения выражается инфинитивами (например, *выйти*), которые указывают на действующее лицо, не называя его, а также некоторыми существительными абстрактной семантики (*масса*, *множество*, *поток*, *вереница*). В случае с конкретными концептами исследователь часто вынужден признать определение целиком и полностью «образным». Например, приводя толкование для слова *рука*, авторы выделяют образный компонент в 7 словах дефиниции из 12: «каждая из двух верхних конечностей человека *от плечевого сустава до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев*» [9. С. 1132]. В зависимости от исследовательской позиции слова *два, верхний, конечность* и *человек* также легко могут быть включены в «образную» часть толкования. Авторы указывают, что в дефиниции могут встречаться отсылки к предметам и явлениям, воспринимаемым при помощи разных органов чувств (зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания), эмоционально-оценочные образы и образы разной степени детализации.

2. Направленный ассоциативный эксперимент, предлагаемый авторами, позволяет извлекать богатый материал для содержательного анализа; задание (*«Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете, когда звучит каждое из слов экспериментального списка»*) требует от респондентов обращения к собственному перцептивному опыту, связанному со словом, и не накладывает ограничений на перцептивную модальность порождаемых образов (например, визуальная, аудиальная модальность и т.д.).

Очевидно, что метод анализа словарных дефиниций имеет ряд ограничений: (1) он основывается на материале, который не предназначен непосредственно для решения поставленной задачи (описание перцептивно-образного компонента семантики слова); (2) он не содержит однозначных критериев выделения перцептивного компонента (как его наличия, так и границ в тексте) и его классификации, так что в значительной мере данный вопрос решается на основе исследовательской интуиции; сами исследователи отмечают, что «если чувственное представление овнешляется в связном тексте, или даже в одном предложении текста, то в описании чувственного образа могут участвовать все слова предложения» [8. С. 56]; (3) поскольку в словарных толкованиях нет намеренного и систематического отражения информации о перцептивном компоненте семантики, анализ дефиниций не позволяет выявить соотношение между образами различных типов внутри одного концепта, степень их относительной значимости (удельный вес) в общей структуре семантики данного слова.

Предложенный И.А. Стерниным и М.Я. Розенфельд вариант ассоциативного эксперимента предоставляет, напротив, материал, собранный специально для решения поставленной задачи, и потому позволяет сфокусировать усилия исследователя на решении главной проблемы – анализе перцептивного компонента семантики. Кроме того, абстрагируясь от дискурсивной специфичности вхождения разных перцептивных компонентов в текст, данный метод позволяет анализировать относительную значимость образов разных модальностей (визуальной, аудиальной и т.д.) в структуре семантики слова, дает материал для содержательного анализа перцептивных образов, отвечает на вопрос «Какие именно образы возникают при восприятии слова?».

Ограничения обоих методов, рассмотренных выше, заключаются в том, что эти методы (1) приводят к включению в перцептивное ядро каждого концепта большого количества слабо упорядоченных компонентов с неопределенными отношениями между ними и (2) являются трудоемкими, очень сложно собрать ручным методом достаточно представительную выборку для того, чтобы делать выводы относительно языковой и когнитивной системы в целом.

Далее представлен метод создания психолингвистической базы данных, позволяющий преодолеть эти ограничения за счет перевода перцептивного компонента семантики в числовую форму.

3. Использование психолингвистических баз данных в современной лингвистике и когнитивной науке

Технологии баз данных активно применяются в современной лингвистике в связи с ростом объемов информации, необходимостью эффективно и быстро управлять информационными потоками (анализировать, структурировать данные), необходимостью систематизации и интеграции сведений, накопленных в разных дисциплинах и при помощи разных методов в рамках междисциплинарных исследований [10]. Базы данных применяются для работы с лингвистической информацией самого разного рода – фонетической, лексической, информации о морфемно-словообразовательном уровне языка, о типологических особенностях разных языков. Особое место занимают полнотекстовые базы данных, корпуса текстов, методологическая и практическая значимость которых как для лингвистики в целом, так и для когнитивной лингвистики в частности в настоящий момент интенсивно рефлексируется (см., например, [11]); активно также используются материалы параллельных корпусов, включающих тексты на исходном языке и переводные тексты (см., например, [12]).

Примером базы данных может служить и частотный словарь, например «Новый частотный словарь русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [13], созданный на основе Национального корпуса русского языка: каждому слову присваивается значение (частотность), отражающее его позицию на некой шкале (от наименее частотных слов к наиболее частотным).

При этом в рамках психологии и психолингвистики стало уже традиционным использование шкал, предназначенных для количественного измерения семантических явлений, т.е. перевода нечисловой информации в числовую – семантический дифференциал Ч. Осгуда, шкала Лайкерта, суть кото-

рых заключается в построении семантического пространства (например, заданного координатами от 1 до 7) и размещении семантического объекта на заданной шкале, т.е. в определенной точке семантического пространства. Так, например, респонденту предлагается оценить степень проявления признака по шкале от 1 до 7, где 1 будет означать самую слабую степень проявления, а 7 – наибольшую. Аналогичным образом могут быть переведены в числовую форму другие слабоструктурированные виды информации.

В рамках когнитивной лингвистики этот метод был дополнен статистическим анализом данных значительной выборки респондентов для того, чтобы иметь возможность судить не об индивидуальных особенностях восприятия и оценки семантических компонентов, а об общих закономерностях, справедливых для среднего носителя языка. Как правило, в такой базе данных представлено два базовых показателя для совокупности значений – среднее (mean), отражающее усредненную оценку семантического объекта носителями языка, и стандартное отклонение (standard deviation), отражающее степень разброса оценок. Одной из первых работ по созданию подобной психолингвистической базы данных стала работа A. Paivio, J. Yuille и S. Madigan «Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns» [14], опубликованная в 1968 г., в которой собраны средние оценки по таким показателям, как субъективная конкретность/абстрактность, образность слова (способность слова вызывать мысленные образы различных модальностей), субъективная оценка многозначности слова. В работе Keuleers и Balota «Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments» [15] представлен обзор психо- и собственно лингвистических баз данных, которые используются сегодня в психолингвистике, когнитивной лингвистике (в том числе корпусов текстов). Авторы приходят к выводу, что в эпоху больших данных эти методы изменяют представления о самом исследовательском процессе («This has opened new ways of *doing* psycholinguistics») [15. С. 1458].

4. Психолингвистические шкалы, использующиеся для создания баз данных

Для оценки могут быть выбраны самые разные параметры, и в настоящее время на материале английского и ряда других европейских языков создано значительное количество баз данных, содержащих оценки по различным психолингвистическим шкалам. Обобщая информацию из разных источников, назовем наиболее важные и активно используемые в психолингвистической исследовательской практике типы шкал.

I. Отдельную группу характеристик составляют параметры, отражающие психофизиологический и эмоциональный опыт человека, связанный с теми или иными единицами языка:

1) образность слова (imageability) [14, 16–18];

2) субъективная конкретность/абстрактность [14, 17, 19];

3) физическое взаимодействие человеческого тела с объектом (BOI, body-object interaction) [18, 20];

4) возможность манипулировать объектом при помощи рук (manipulability) [21];

5) связь слов с отдельными модальностями восприятия (modality rating) [22, 23];

6) расположение референта в пространстве по шкале верх-низ;

7) субъективная оценка слова (pleasantness);

8) эмоциональность слова (emotionality).

II. В другую группу объединяются характеристики, описывающие функционирование лексических единиц:

1) субъективный возраст понимания (subjective age of acquisition) [24];

2) субъективная частотность слова (subjective frequency);

3) оценка того, насколько слово знакомо (familiarity) [16];

4) доступность контекста[1] (context availability) [17, 24];

5) оценка того, насколько знакома идея, выражаемая словом (concept familiarity) [21, 25];

6) количество ассоциаций (number of associations) [24];

7) количество значений, многозначность (number of meanings).

III. Многие характеристики не укладываются в какую-либо группу и возникают ситуативно в связи с частными исследовательскими задачами. Ниже представлены некоторые из них:

1) семантическая прозрачность (semantic transparency) [16];

2) легкость определения (ease of definition) [24];

3) типичность (typicality, semantic typicality) [21, 25];

4) легкость произношения слова (pronounceability) [24].

IV. Помимо субъективных характеристик, исследователи нередко включают в БД и объективные, например, такие, как объективный возраст понимания[2], объективная частотность (примером может служить уже упомянутый словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [13], основанный на материале Национального корпуса русского языка [26]). К объективным, хотя и полученным в ходе психолингвистического эксперимента характеристикам можно отнести meaningfulness [14], показатель, отражающий количество ассоциаций, данных участниками исследования на стимульное слово за единицу времени (например, за 0,5 мин или за 1 мин). Данный показатель отражает способность слова легко и быстро вызывать ассоциации[3].

Нередко в исследованиях используется целая группа объективных параметров, описывающих форму слова (word surface form) – количество букв, количество звуков, количество слогов, номер ударного слога (для языков с подвижным ударением), количество слов со сходным звучанием, написанием

---

[1] В данном случае слово «контекст» употребляется в несколько непривычном для лингвистики смысле, отсылая не к собственно лингвистическому контексту, а непосредственно к внеязыковым ситуациям.

[2] Определяется при помощи picture naming task, эксперимента, в ходе которого экспериментатор показывает респонденту серии изображений и называет слова, а задача респондента – указать на изображение, соответствующее названному слову.

[3] В данном случае результатом эксперимента является не содержание ассоциаций, а их число, причем участники исследования не знают о том, что именно будет измеряться в ходе эксперимента, а исследователь рассчитывает число ассоциаций самостоятельно, поэтому данный показатель отнесен к объективным.

(word neighbours), количество слов с той же начальной буквой, тем же начальным звуком, число рифм к слову и другие показатели[1].

Перевод семантических и других показателей в числовое выражение делает возможным последующее применение статистических методов к полученным данным – нахождение среднего арифметического и стандартного отклонения, анализ распределения оценок, применение дисперсионного анализа (ANOVA), при использовании нескольких шкал одновременно может применяться корреляционный и регрессионный анализ, факторный анализ, кластерный анализ. Статистический анализ больших массивов данных позволяет снимать исследовательский субъективизм и нивелировать уникальные особенности индивидуального сознания, традиционно бывшего предметом исследования психолингвистики, находя, таким образом, усредненные значения для языковых единиц. Следует особо подчеркнуть, что именно языковые элементы и их группы являются единицами такого анализа, следовательно, выводы делаются о языковой системе и ее семантике, а не только о самих психологических или психолингвистических переменных.

Одной из первых подобных работ на материале русского языка является словарь «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» [27], в котором собраны сведения об оценке связи русских прилагательных с различными органами чувств. Релевантными, хотя и несколько отличающимися по целям создания, являются электронная система «Существительное и объект: библиотека стимулов и нормативы для экспериментальных исследований» [28] и «Библиотека стимулов: глаголы и существительные» [29], созданные на материале исследований, представленных в работе [30].

5. Проект базы данных, моделирующей перцептивный компонент языковой семантики

В Томском государственном университете в настоящее время ведется работа по созданию психолингвистической базы данных, включающей информацию о связи русских существительных с модальностями восприятия, т.е. зрением, слухом, вкусовыми, обонятельными и осязательными ощущениями, а также дополнительную информацию, такую, например, как субъективный возраст усвоения слова, субъективная частотность слова и т.д. На данный момент в исследовании приняли участие свыше 500 информантов.

5.1. Отбор стимульного материала и параметров оценивания

Для создания базы данных были отобраны существительные различных семантических категорий, представляющие собой наименования:

1) действий и процессов (например, *атака, прыжок, вдох, подъем, сжатие*);

2) животных (например, *барсук, медведь, жук, птица, кошка, хамелеон*);

3) частей тела (например, *макушка, ухо, бровь, лицо, стопа, череп*);

[1] Значения для данных показателей рассчитываются вручную либо определяются по специальным словарям и информационным системам. Они также могут быть субъективными, например, как в работе [24].

4) строений и их частей (например, *подвал, погреб, шахта, навес, небоскреб*);

5) предметов одежды и аксессуаров (например, *пуговица, сапог, серьга, наушники, носок, кольцо*);

6) продуктов питания (например, *гриб, брусника, яблоко, крыжовник, тыква, кокос*);

7) элементов ландшафта, типов поверхности (например, *гора, углубление, трава, пруд, газон, асфальт*);

8) ментальных процессов и объектов (например, *воображение, теория, замысел, знание, сон, фантазия*);

9) чувств и эмоций (например, *обида, любовь, ревность, счастье, веселье, смущение*);

10) физических ощущений (например, *озноб, мягкость, боль, тошнота, сухость*);

11) звуков (например, *гудок, звон, писк, хрип, стук, кашель, шум*);

12) небесных объектов и явлений (например, *звезда, луна, метеорит, молния, радуга, рассвет, туча*);

13) инструментов и орудий, приводимых в действие с помощью мелкой моторики (например, *клавиша, гвоздь, игла, гайка, скрепка, бокал, точилка*);

14) инструментов и орудий, приводимых в действие с помощью крупной моторики (например, *пила, сковорода, метла, стакан, мяч, лопата, топор*);

15) транспортных средств (например, *электричка, машина, карета, мопед, повозка, самолет, скейт, танк*);

16) отдельных артефактов, включенных в предыдущие исследования, и не отнесенных к какой-либо категории в настоящем исследовании (например, *антенна, гардина, капкан, половик, розетка, флаг*); закодированы в базе данных как категория object.

Общее количество существительных – 506. В базу данных попали как конкретные, так и абстрактные существительные, что не является характерным для аналогичных зарубежных баз, однако такой подход позволяет, как представляется, сравнивать конкретные и абстрактные существительные между собой по заданным параметрам. Все слова оценивались респондентами по следующим шкалам:

1. Образность слова (imageability) – легкость, с которой слово вызывает у респондента образы объекта, качества, действия и т.д. При оценке образности слова использовалась следующая инструкция: *Слова различаются по своей способности вызывать мысленные образы вещей или явлений. Например, когда Вы слышите или читаете слово «яблоко», то, вероятно, Вы легко и быстро можете представить себе образ этого предмета. С другой стороны, не так легко представить, например, «факт». Пожалуйста, оцените слова в списке по шкале от 1 до 7, где 1 – низкий балл образности (слово с трудом и медленно вызывает образы или не вызывает вовсе), а 7 – высокий балл образности (слово вызывает образы легко и быстро). Помните, что в данном задании не может быть правильных или неправильных ответов, ориентируйтесь на свои собственные ощущения. Пожалуйста, не делайте перерывов и оцените все слова за 1 сеанс.*

2. Связь слов с отдельными модальностями восприятия (modality rating) – зрением, осязанием, слухом, вкусом, обонянием.

При оценке данного параметра использовалась следующая инструкция: *Разные слова могут быть связаны с разными модальностями восприятия – зрением, слухом, вкусом, запахом или тактильными ощущениями (осязанием). Пожалуйста, оцените слова в списке по их связи со зрением: 7 обозначает максимально сильную связь слова со зрением, 1 – самую слабую связь слова со зрением. Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредоточенными. Если у Вас возникает такая необходимость, Вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс.* Для других модальностей восприятия была использована аналогичная инструкция, в которой слово *зрение* заменялось на *вкус/обоняние/осязание/слух* соответственно.

После сбора первичной информации по данному показателю слова могут быть распределены по тем модальностям, с которыми они статистически значимо связаны (т.е. значения для слов будут переведены в номинальную шкалу), могут быть выделены унимодальные (связанные только с одной модальностью) и полимодальные (связанные с разными модальностями) слова.

3. Возможность манипулировать объектом при помощи рук (manipulability). При оценке данного параметра использовалась следующая инструкция: *Для того, чтобы некоторые предметы выполняли свои функции, человек должен использовать руки. Например, чтобы сигарета выполняла свою функцию («была выкурена»), использование руки необходимо. С другой стороны, человек никогда не взаимодействует при помощи рук с вулканом, чтобы тот выполнял функцию («извергался»). Пожалуйста, оцените слова в списке, в зависимости от того, насколько необходимо использование человеческих рук, чтобы предметы выполняли свои типичные функции: 7 – использование рук необходимо всегда, 1 – руки никогда не используются для взаимодействия с этим предметом. Некоторые предметы могут выступать в разных качествах: устрица может быть ингредиентом блюда (и тогда люди используют руки, чтобы устрица «была приготовлена»); с другой стороны, это живое существо, и для того, чтобы устрица «жила» людям не нужно взаимодействовать с ней при помощи рук. В таких случаях ориентируйтесь на тот вариант, который первым пришел Вам в голову.*

4. Расположение референта в пространстве по шкале верх–низ – оценка того, насколько высоко или низко относительно наблюдателя расположен референт слова. Данная характеристика была применена в настоящем проекте не только для оценки конкретных существительных, референты которых могут быть восприняты при помощи органов чувств, но и для абстрактной лексики. Была использована следующая инструкция: *Некоторые предметы и явления действительности обычно расположены выше или ниже в пространстве. Пожалуйста, оцените, насколько высоко или низко расположен предмет, используя шкалу от 1 до 7, где 1 – «очень низко», а 7 – «очень высоко». Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредото-*

ченными. Если у Вас возникает такая необходимость, Вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс[1].

5. Субъективный возраст понимания (subjective age of acquisition) – показатель, отражающий тот возраст, в котором респонденты, по их мнению, выучили какое-либо слово [24]. При оценке данного параметра использовалась следующая инструкция: *Разные слова мы выучиваем в разном возрасте. Пожалуйста, поставьте возле каждого слова в списке число, которое соответствует возрасту (в годах), когда Вы выучили это слово. Пожалуйста, используйте числа от 0 до 15. Поставьте прочерк, если слово Вам незнакомо. Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредоточенными. Если у Вас возникает такая необходимость, Вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс.*

6. Субъективная частотность слова (subjective frequency) – степень того, насколько часто респонденты, по их мнению, встречаются с тем или иным словом или употребляют его. Для данного параметра была использована следующая инструкция: *Разные слова употребляются в речи с разной частотой. Пожалуйста, оцените, насколько часто Вы встречаетесь с каждым словом, используя шкалу от 1 до 7, где 1 – «очень редко», а 7 – «очень часто». Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредоточенными. Если у Вас возникает такая необходимость, Вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс.*

Отбор данных параметров оценивания и семантических групп проведен в соответствии с последними нейрокогнитивными исследованиями. Так, в частности, было показано, что обработка слов, отсылающих к разным перцептивным модальностям, приводит к активации разных нейронных паттернов в головном мозге (см. обзор в работе [31]), таким же образом различается и обработка слов, принадлежащих к разным семантическим группам, вплоть до тонких различий наименований действий, выполняемых при помощи руки или ноги [31. С. 437–442]; пациенты с нейрофизиологическими расстройствами (например, болезнью Альцгеймера) иногда демонстрируют утрату знания одних категорий (растений, животных) при сохранении других (инструментов, предметов мебели) [32], что, вероятнее всего, связано с различными формами взаимодействия человека с представителями разных категорий и, как следствие, с различным перцептивным опытом, хранящимся в сознании [32. С. 806]. Значимость перцептивной модальности как компонента се-

[1] Для половины респондентов использовалась инструкция с противоположными значениями (1 – «верх», 7 – «низ»); все полученные ответы затем были приведены к единой системе измерения.

мантической структуры, ее психологическая реальность продемонстрированы в поведенческих экспериментах с измерением времени реакции [33, 34], причем даже для идиоматических выражений, где моторно-перцептивные компоненты используются в метафорическом смысле, как, например, в выражении *протянуть руку помощи* [35]. В целом данные исследования согласуются с фундаментальным положением об антропоцентризме языка на всех его уровнях, которое принято и в отечественной когнитивной лингвистике (например, [36. С. 16–17]), развивая эту идею в русле теории воплощенного познания (embodied cognition, см., например, [37]).

5.2. Сбор данных

Респонденты заполняли анкеты в бумажном виде, затем переводились в электронный вид (использовалось ПО Microsoft Office Excel). Каждая анкета была распечатана на листе А4 и содержала инструкцию и около 60 случайно отобранных слов из общего списка. Каждый участник эксперимента получал на руки по 5 таких анкет, все анкеты – с разными параметрами оценивания; ни одно слово не повторялось дважды для одного участника. Об участниках эксперимента собирались следующие демографические сведения: пол, возраст, уровень образования (школьник vs студент vs высшее образование), направление образования (гуманитарное vs естественно-научное vs техническое). Также собирались сведения о родном языке респондента; результаты тех респондентов, которые указали в качестве родного не русский язык, были исключены из дальнейшего анализа. При желании участники могли пройти эксперимент повторно, получив новые слова и/или шкалы для оценивания; в таком случае они регистрировались как новые участники. По возможности соблюдалось равномерное распределение анкет среди респондентов мужского и женского пола.

Для достижения статистической надежности результатов на каждое слово по каждой шкале было собрано около 30 оценок.

5.3. Обработка собранных данных, возможности применения результатов

Собранные в ходе психолингвистического эксперимента оценки участников исследования были усреднены, найдено стандартное отклонение (использовалось ПО STATISTICA).

На рис. 1 представлена дескриптивная статистика по 9 параметрам оценивания (без субъективной частотности) – средние, стандартные отклонения, максимальные и минимальные значения (для всей выборки из 506 существительных).

Минимальное и максимальное значения – наибольшее и наименьшее значения в выборке, полученные после усреднения 30 оценок, данных участниками на каждое слово. Так, например, по силе связи с тактильными ощущениями максимальное значение (5,93 из 7) получило слово *кошка*, т.е. в данной выборке это слово сильнее всего связано для респондентов с тактильными ощущениями. По этому же параметру минимальное значение (1,14 из 7) получило слово *манера*, т.е. оно слабее всего связано с тактильными ощущениями. Еще одним примером могут служить слова *малина* и *морковь*, полу-

чившие максимальные значения по степени образности (7 из 7), т.е. эти слова быстрее и легче всего вызывают образы в сознании. Минимальное значение (1,93 из 7) по степени образности получило слово *допущение*, т.е. респонденты с трудом формируют образы при восприятии семантики данного слова.

Параметр	Mean	SD	Min	Max
Vis	3,98	1,03	1,38	6,56
Aud	2,71	1,19	1,10	6,48
Olf	2,32	1,15	1,00	6,41
Gus	2,17	1,39	1,00	6,59
Hap	3,39	1,18	1,14	5,93
Img	5,60	1,40	1,93	7,00
Man	3,91	1,62	1,03	6,80
Space	3,45	1,23	1,10	6,82
AoA	5,70	1,87	2,54	11,78

Рис. 1. Дескриптивная статистика: Vis – сила связи слова с визуальной модальностью (от 1 до 7); Aud – сила связи слова с аудиальной модальностью (от 1 до 7); Olf – сила связи слова с ольфакторной модальностью (запахом) (от 1 до 7); Gus – сила связи слова со вкусовой модальностью (от 1 до 7); Hap – сила связи слова с тактильной модальностью (от 1 до 7); Img – степень образности слова (от 1 до 7); Man – возможность взаимодействовать с референтом при помощи рук (от 1 до 7); Space – локализация референта в пространстве (1 – низ, 7 – верх); AoA – субъективный возраст усвоения слова (в годах); Mean – среднее значение, SD – стандартное отклонение, Min – минимальное значение, Max – максимальное значение (статистики найдены на материале 506 значений)

Стандартное отклонение (standard deviation, SD) показывает, насколько сильно значения в выборке рассеяны вокруг среднего значения. Так, например, можно заметить, что стандартное отклонение для связи слов с визуальной модальностью меньше, чем со вкусовой (1,03 и 1,39 из 7 соответственно). Это означает, что значения по шкале связи с визуальной модальностью более «плотно» сосредоточены вокруг среднего значения (3,98 в данном случае), т.е. большая часть элементов выборки схожа по данному параметру (рис. 2), в то время как значения по силе связи со вкусовой модальностью более сильно рассеяны вокруг среднего (2,17), и, как можно видеть на рис. 3, здесь даже выделяются две четко различимые группы слов – одна (небольшая по количеству) с выраженной связью со вкусовыми ощущениями (в верхней части графика) и вторая, не связанная вовсе или слабо связанная (в нижней части графика, основная масса единиц).

Среднее значение получается в результате простого арифметического усреднения всех значений выборки (в данном случае 506 значений) и отражает общий «центр тяжести» выборки по данному параметру. Как можно судить по приведенным на рис. 1 данным, среднее значение по шкале связи слов выборки со зрением является наибольшим среди пяти модальностей (3,98), на втором месте находится осязание (3,39), затем – слух (2,32); самая слабая сила связи слов выборки со вкусом (2,71) и запахом (2,32). Данные закономерности соответствуют обнаруженным ранее в рамках психологии восприятия: человек получает наибольшее количество информации через зрение, затем следуют слух и осязание, наименьшую роль играют ольфакторные и вкусовые ощущения [38, С. 91, 177, 199, 222].

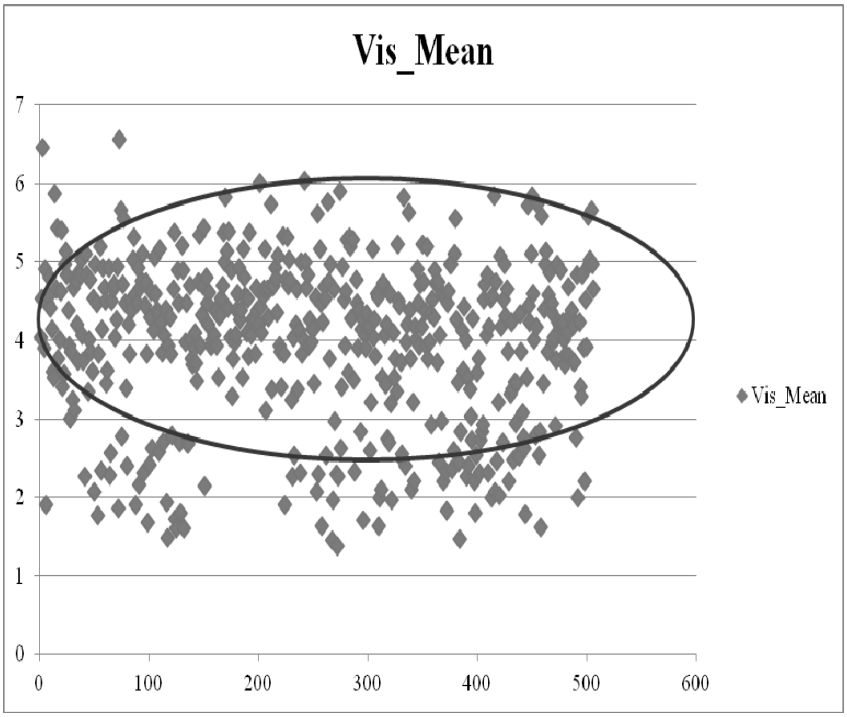


Рис. 2. Значения слов по силе связи со зрительной модальностью (от 1 до 7)

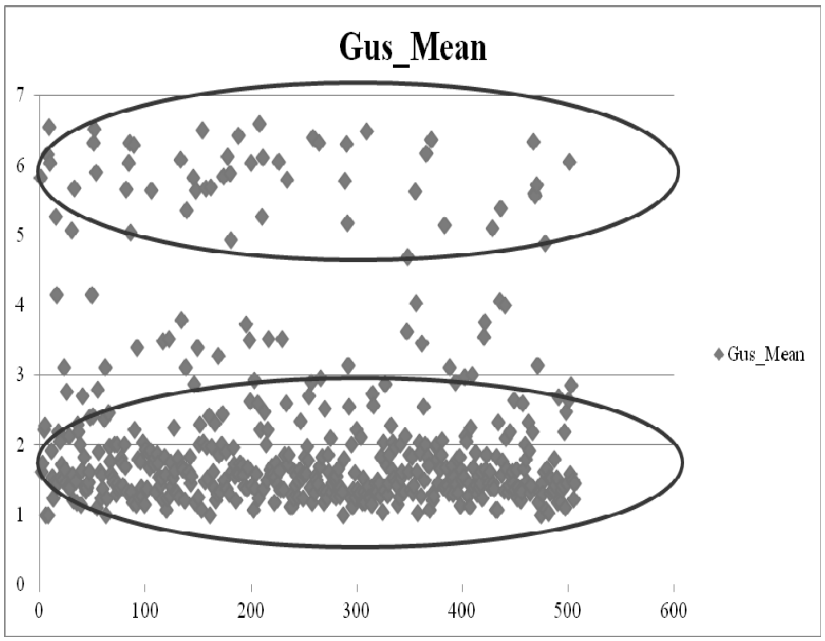


Рис. 3. Значения слов по силе связи со вкусовой модальностью (от 1 до 7)

Проведенный анализ демонстрирует, что семантика естественного языка изоморфна структуре человеческого восприятия. Также обнаружено, что среднее значение по шкале образности (5,6) существенно выше середины шкалы (3,5) и приближается к верхней границе (7), что соотносимо с результатами зарубежных исследований на материале других языков и подтверждает, что понимание семантики естественного языка в значительной степени опирается на образы различной природы, перцептивно-образный компонент.

Аналогичным образом может быть рассчитана дескриптивная статистика по отдельным группам слов, выделенным по различным основаниям (формальным, семантическим). Например, на рис. 4 представлена дескриптивная статистика по шкале образности для каждой из семантических категорий слов, входящих в базу данных. Анализ показывает, что Слова разных семантических категорий существенно различаются по среднему значению образности, что более наглядно представлено на рис. 5.

Group	**N**	**Img_Mean**	**Img_SD**
Action	30	4,03	1,05
Animal	76	6,58	0,27
Body_Part	14	6,29	0,44
Building	8	6,1	0,51
Clothes	28	6,43	0,47
Food	51	6,59	0,45
Ground	25	5,84	0,9
Intelligence	29	3,07	0,67
Object	15	6,23	0,42
Sense_Emotion	45	3,6	0,59
Sense_Phys	21	3,74	0,7
Sound	17	3,74	0,67
Space	18	6,09	0,98
Tool_power_grip	34	6,29	0,8
Tool_precise_grip	48	6,38	0,49
Transport	47	6,3	0,62
All_groups	***506***	***5,6***	***1,4***

Рис. 4. Дескриптивная статистика для образности (imageability) по семантическим категориям: Group – семантическая категория; N – количество единиц в категории; Img_Mean – среднее значение по шкале образности; Img_SD – стандартное отклонение по шкале образности; Action – наименования действий и процессов; Animal – наименования животных, Body_Part – наименования частей тела; Building – наименования строений и их частей; Clothes – наименования предметов одежды и аксессуаров; Food – наименования продуктов питания; Ground – наименования элементов ландшафта, типов поверхности; Intelligence – наименования ментальных процессов и объектов; Object – наименования отдельных артефактов (не вошедших в другие категории); Sense_Emotion – наименования чувств и эмоций; Sense_Phys – наименования физических ощущений; Sound – наименования звуков; Space – наименования небесных объектов и явлений; Tool_power_grip – наименования инструментов и орудий, приводимых в действие с помощью крупной моторики; Tool_precise_grip – наименования инструментов и орудий, приводимых в действие с помощью мелкой моторики; Transport – наименования транспортных средств; All_Groups – общие показатели по всей выборке

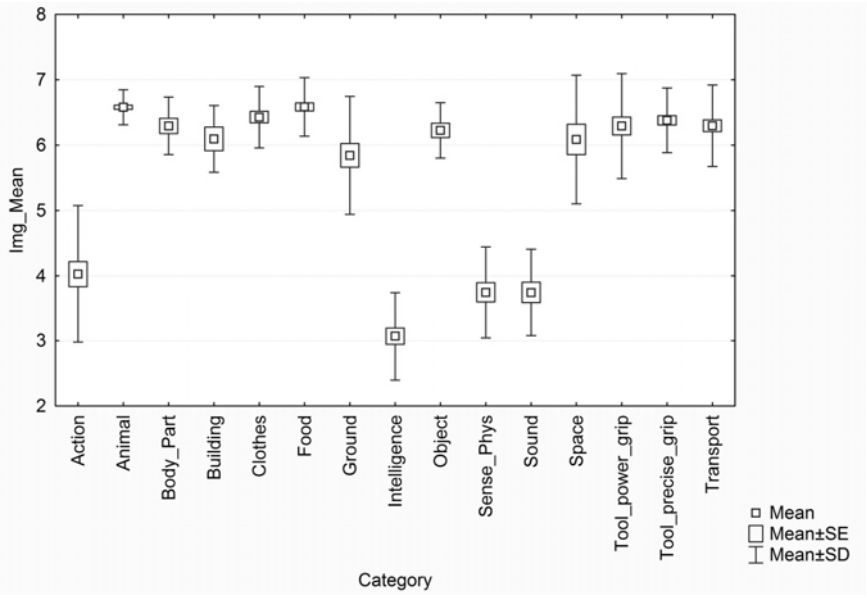


Рис. 5. Графическое представление дескриптивной статистики для образности (imageability) по семантическим категориям. Средние значения по каждой категории изображены в виде квадратов, вертикальные линии обозначают стандартное отклонение, отложенное в большую и меньшую сторону. Обозначения категорий см. в пояснении к рис. 4

Так, например, можно сделать вывод, что наименования действий, ментальных состояний и объектов, физических ощущений и звуков в среднем обладают значительно меньшей образностью, чем существительные других семантических категорий (следует, однако, отметить, что это предварительный вывод, сделанный на основании субъективной оценки графика; чтобы утверждать наличие значимой разницы между категориями по какому-либо признаку следует использовать соответствующие статистические критерии, например критерий Крускала – Уоллиса).

WORD	Category	Vis	Aud	Olf	Gus	Hap	Img	Man	Space	AoA
абрикос	Food	4,03	1,63	5	5,82	4,97	5,93	6	3,92	4,13
автобус	Transport	4,53	4,77	2,97	1,61	5,14	6,67	5,66	3,22	4,03
аист	Animal	3,9	1,79	2,21	2,21	2,66	6,55	1,9	5,24	4,33
акцент	Sound	1,91	4,64	1,38	1	1,68	3,82	1,8	3,64	9,4
асфальт	Ground	4,14	1,79	4	1,91	3,97	6,66	3,86	2,15	4,57
атака	Action	3,6	3,71	1,81	1,54	3,11	5	5,14	4,22	5,62

Рис. 6. Фрагмент базы данных: WORD – слово; Category – семантическая группа (обозначения категорий см. в пояснении к рис. 4); Vis – среднее значение силы связи слова с визуальной модальностью (от 1 до 7); Aud – среднее значение силы связи слова с аудиальной модальностью (от 1 до 7); Olf – среднее значение силы связи слова с ольфакторной модальностью (запахом) (от 1 до 7); Gus – среднее значение силы связи слова со вкусовой модальностью (от 1 до 7); Hap – среднее значение силы связи слова с тактильной модальностью (от 1 до 7); Img – среднее значение степени образности слова (от 1 до 7); Man – среднее значение по шкале manipulability (возможность взаимодействовать с референтом при помощи рук) (от 1 до 7); Space – локализация референта в пространстве (1 – низ, 7 – верх); AoA – субъективный возраст усвоения слова (в годах)

На рис. 6 представлен фрагмент базы данных, позволяющий судить о ее структуре.

Представленная база данных позволяет применять к семантическим переменным статистические методы, как напрямую сравнивая значения групп слов (выделенных по тому или иному основанию, например семантическому, грамматическому и т.д.), используя анализ дисперсии ANOVA, так и сопоставляя значения по разным шкалам между собой (т.е. находить корреляции между шкалами). Приведем далее ряд установленных на собранной базе данных корреляций психолингвистических признаков слов.

Так, например, проведенный корреляционный анализ собранных в базе данных позволил установить сильную корреляцию между такими показателями, как связь слова со зрением и образность слова (r=0,73), что можно интерпретировать как доказательство того, что именно зрительные ощущения вносят наибольший вклад в образность слова; так, например, слова *фейерверк, тигр, яблоко*, получившие высокие оценки по шкале образности, также получили высокие оценки по силе связи со зрением, тогда как слова *допущение, гипотеза, смысл* получили низкие оценки по обеим шкалам. С другой стороны, хотя эти параметры связаны между собой, они не являются тождественными: можно найти слова с высокой степенью образности, но слабой силой связи со зрительными ощущениями (*вдох, стук, гудок*).

Также сильно коррелируют между собой вкусовые и обонятельные ощущения, отраженные в семантической структуре слова (r=0,74), что соответствует особенностям телесного взаимодействия человека со внешним миром: как правило, человек знает запах тех объектов, которые пробует на вкус (продукты питания), следовательно, в его сознании ольфакторная и вкусовая информация часто оказываются связаны друг с другом. Например, установлена высокая степень связи одновременно с ольфакторными и вкусовыми ощущениями у таких слов, как *малина, апельсин, вишня*; в то же время есть слова со значительной силой связи с ольфакторными ощущениями, не связанные при этом со вкусовыми, – *сырость, собака, газон*. При этом обратное соотношение (существительные, связанные со вкусовыми и не связанные с ольфакторными ощущениями) наблюдается в меньшем количестве примеров: такие слова, как *утка* или *мел*, хотя и обладают б**о**льшими показателями по шкале связи со вкусовыми ощущениями, чем с ольфакторными, однако данная тенденция выражена слабее.

Кроме того, обнаружено множество других значимых, хотя и менее сильных корреляций между отдельными показателями. Так, например, выявлена отрицательная корреляция между возрастом усвоения и образностью слова (–0,56), т.е. чем раньше человек выучивает слово, тем большей образностью оно обладает, что может объясняться как собственно когнитивными механизмами (последовательным развитием мышления от наглядно-образного к абстрактно-логическому в ходе онтогенеза), так и дискурсивными средами, в которых оказывается человек в ходе своего обучения и взросления (освоение терминологии, абстрактной лексики в процессе получения образования); оба аспекта, разумеется, тесно связаны между собой.

На основе базы данных возможно и изучение соотношения образности с различными модальностями восприятия: если между образностью и связью с

визуальной модальностью есть сильная корреляция, как уже было сказано выше, то между образностью и аудиальной модальностью значимой корреляции не выявлено. Можно сделать вывод, что слуховые ощущения «мысленно представить» сложнее по сравнению с ощущениями других модальностей; умеренно коррелируют с образностью значения по шкале тактильных ощущений, слабые корреляции наблюдаются между образностью и вкусовыми и ольфакторными ощущениями.

Базы данных такого типа важны для современной отечественной психо- и когнитивной лингвистики и в контексте обращения последней к аппаратным экспериментальным исследованиям – измерению времени реакции (см., например, [39]), исследованиям при помощи технологии ай-трекинга (см., например, [40]). Для такого рода экспериментальных исследований, как правило, требуется стимульный материал, проконтролированный по различным психолингвистическим параметрам, и первым этапом исследования является отбор такого материала, что значительно упрощается при наличии готовых баз данных, в которых содержится информация о наиболее типичных и востребованных психолингвистических характеристиках стимулов разного рода (лексических, фразеологических единиц, метафор и т.д.).

6. Обсуждение возможных ограничений метода

Наиболее очевидным ограничением с точки зрения привычного лингвистического описания представляется числовой формат представления семантики, который не позволяет говорить о содержательных различиях между точками на отдельно взятой шкале. Данное ограничение является закономерным продолжением достоинства метода: снимая семантическую неоднородность в процессе математического моделирования, он дает возможность массово сравнивать между собой языковые единицы по выбранному критерию, применяя статистические процедуры к семантическим переменным. Данный метод может рассматриваться и как дополнительный по отношению к направленному ассоциативному эксперименту, представленному в работе И.А. Стернина и М.Я. Розенфельд «Слово и образ» [11] (см. выше), где ассоциативный эксперимент выявляет содержательное наполнение перцептивного компонента, а психолингвистическая база данных предлагает количественное выражение различных элементов перцептивного ядра концепта.

Другим возможным замечанием является то, что в исследованиях семантики центральной единицей должен быть лексико-семантический вариант, отдельное значение слова, в то время как в анкете участники исследования работают со словом. Данное ограничение является общим для всех психолингвистических методик, в которых слова предъявляются вне контекста (в том числе для ассоциативного эксперимента, рассмотренного выше): либо исследователь однозначно определяет слово при помощи контекста и тогда не может устранить влияние этого контекста, либо слово предъявляется изолированно, и тогда нельзя с полной уверенностью сказать, с каким именно ЛСВ работают участники исследования. Это ограничение частично преодолевается за счет того, что разные ЛСВ обладают различной частотностью, и в условиях ограниченного по времени эксперимента участники с большей вероятностью реагируют именно на наиболее частотное значение, так как оно

ближе всего к актуальному слою сознания. Кроме того, включение в базу данных такого показателя, как стандартное отклонение, позволяет выявить степень различия между оценками отдельных участников и определить, таким образом, какие слова вызвали наибольшие расхождения при интерпретации (возможно, вследствие актуализации разных ЛСВ).

7. Заключение

Проблема описания перцептивного компонента семантики является частью фундаментальной проблемы установления соотношения языка и восприятия, традиционной для лингвистики (см. обзор в работе [41. С. 76–95]), и потому вряд ли может быть решена одним методом; продуктивным представляется использование разных методик для достижения частных исследовательских целей. В настоящей работе представлен метод создания психолингвистических баз данных, позволяющий перевести слабоструктурированную и/или труднодоступную для описания информацию о перцептивном компоненте семантики в числовую форму, что делает возможным применение статистических процедур при работе с семантикой. Перцептивная информация в семантической структуре слова представлена в виде средних значений по шкале связи слова с пятью модальностями восприятия (зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием); кроме того, найдены средние значения по таким показателям, как образность слова (способность быстро и легко вызывать образы в сознании), возможность манипулировать объектом-референтом при помощи рук, локализация референта в пространстве по вертикальной оси, субъективный возраст усвоения слова. Собранная база данных может быть использована как в качестве самостоятельного инструмента анализа семантики, так и в качестве источника стимульного материала для психолингвистических и когнитивных экспериментальных исследований.

Литература

1. *Воркачев С.Г*. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

2. *Никитин М.В*. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.

3. *Попова З.Д., Стернин И.А*. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

4. *Болдырев Н.Н*. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. 2-е изд., стер. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 [110] с.

5. *Карасик В*. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

6. *Залевская А.А*. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 208 с.

7. *Резанова З.И*. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестн. Том. гос. ун-та, 2010. № 334. С. 195–199.

8. *Стернин И.А., Розенфельд М.Я.* Слово и образ / под ред. И.А.Стернина. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.

9. *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

10. *Мишанкина Н.А*. Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 25–34.

11. *Методы* когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1924029#1 (дата обращения: 16.07.2016).

12. *Nagel O*. Investigating Russian Derivational Suffix – yaka: Russian Parallel Corpus Study. // Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2014, 154. P. 122–129.

13. *Ляшевская О.Н., Шаров С.А*. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 16.07.2016).

14. *Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A*. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns. // Journal of Experimental Psychology, 1968, Monograph Supplement, Vol. 76 (1, Pt. 2). P. 1–25.

15. *Keuleers E., Balota D.A*. Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments. // The Quarterly Journal of Experimental Psychology, 2015. Vol. 68, No. 8. P. 1457–1468.

16. *Juhasz B.J., Lai Y.-H., Woodcock M.L.* A database of 629 English compound words: ratings of familiarity, lexeme meaning dominance, semantic transparency, age of acquisition, imageability, and sensory experience // Behavior Research Methods, 2015, 47(4). P. 1004–1019. doi: 10.3758/s13428-014-0523-6.

17. *Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C*. Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words // Behavior Research Methods, Instruments, and Computers, 1999, 31(4). P. 578–602.

18. *Bennett S.D.R., Burnett A.N., Siakaluk P.D., Pexman P.M.* Imageability and body-object interaction ratings for 599 multisyllabic nouns // Behavior Research Methods, 2011, 43. P. 1100–1109. doi: 10.3758/s13428-011-0117-5.

19. *Brysbaert M., Warriner A.B., Kuperman V*. Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas // Behavior Research Methods, 2014, 46. P. 904–911.

20. *Tillotson S.M., Siakaluk P.D., Pexman P.M*. Body–object interaction ratings for 1 618 monosyllabic nouns // Behavior Research Methods, 2008, 40 (4). P. 1075–1078. doi: 10.3758/BRM.40.4.1075.

21. *Moreno-Martínez F.J., Montoro P.R., Rodríguez-Rojo I.C.* Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts // Behavior Research Methods, 2014, 46(4). P. 1088–1097. doi: 10.3758/s13428-013-0435-x.

22. *Lynott D., Connell L*. Modality exclusivity norms for 423 object properties // Behavior Research Methods, 2009, 41. P. 558–564. doi: 10.3758/BRM.41.2.558.

23. *Lynott D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // Behavior Research Methods, 2013, 45. P. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0.

24. *Clark J.M., Paivio A*. Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers, 2004, 36 (3). P. 371–383.

25. *Schröder A., Gemballa T., Ruppin S., Wartenburger I.* German norms for semantic typicality, age of acquisition, and concept familiarity // Behavior Research Methods, 2012, 44. P. 380–394. doi: 10.3758/s13428-011-0164-y.

26. [Электронный ресурс].URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.07.2016).

27. *Колбенева М.Г., Александров Ю.И*. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. М.: Языки славянских культур, 2010. 368 с.

28. [Электронный ресурс]. URL: http://nounobject.ru (дата обращения: 16.07.2016).

29. [Электронный ресурс]. URL: http://stimdb.ru (дата обращения: 16.07.2016).

30. *Akinina Y., Malyutina S., Ivanova M., Iskra E., Mannova E., & Dragoy O*. Russian normative data for 375 action pictures and verbs // Behavior Research Methods, 2015, 47(3). P. 691–707. doi:10.3758/s13428-014-0492-9.

31. *Pulvermüller F*. Meaning and the brain: The neurosemantics of referential, interactive, and combinatorial knowledge // Journal of Neurolinguistics, 2012, Vol. 25, 5. P. 423–459, doi:10.1016/j.jneuroling.2011.03.004.

32. *Kiefer M., Pulvermüller F*. Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions // Cortex, 2012, 48(7). P. 805–825. doi:10.1016/j.cortex.2011.04.006.

33. *Connell L., Lynott D., Dreyer F.* A Functional Role for Modality-Specific Perceptual Systems in Conceptual Representations // PLoS ONE, 2012; 7(3):e33321. doi: 10.1371/ journal.pone.0033321. Epub 2012 Mar 13.

34. *Pecher D., Zeelenberg R., Barsalou L.* Verifying Different-Modality Properties for Concepts Produces Switching Costs // Psychological Science, 2003, Vol. 14, No. 2. P. 119–124. doi: 10.1111/1467-9280.t01-1-01429.

35. *Gradinarova G., Kanchev P., Janyan A*. Give Me Time to Picture That: Effects of Time and Imageability on Effector-Specific Motor Activation in Idiom Processing // The Russian Journal of Cognitive Science, 2014, Vol. 1 (1–2). P. 22–30.

36. *Рахилина Е.В*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

37. *Barsalou L.W*. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences, 1999, 22(4). P. 577–609; discussion. P. 610–660.

38. *Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р.* Психология восприятия. М.: Изд. МГУ, 1973 247 с. [Электронный ресурс]. URL: http://psychlib.ru/mgppu/vpv/VPV-001-.HTM# (дата обращения: 16.07.2016).

39. *Rezanova Z., Nekrasova E., Shilyaev K*. Gender-marked metaphors: influence of grammatical gender and animateness on referential choice of metaphorical name of the person in the Russian language // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2014, Vol. 215. P. 273–278.

40. *Novikova E.G., Janyan A., Tsaregorodtseva O.V*. Metaphorical Salience in Artistic Text Processing: Evidence From Eye Movement // Perception, 2015, 44(8-9). P. 1098-1102. doi: 10.1177/0301006615596692. Epub 2015.

41. *Кубрякова Е.С*. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

MODELING OF THE PERCEPTUAL-BASED COMPONENT OF LANGUAGE SEMANTICS USING A PSYCHOLINGUISTIC DATABASE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 71–92. DOI: 10.17223/19986645/43/6

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Aleksey A. Miklashevsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: armanster31@gmail.com

Keywords: databases, cognitive semantics, perceptual-based knowledge.

In Russian cognitive linguistics, a point of view is widely accepted according to which the core information of a concept is concrete-imagery (perceptual-based), acquired first of all through bodily experience and interaction with the external world. This is true for concrete concepts, as well as for abstract ones.

At present there is no prevalent linguistic method to extract imagery information a concept contains. In the article, methods proposed by I.A. Sternin and M.Ya. Rosenfeld are considered: the analysis of the dictionary definition and the directed associative experiment. Advantages and disadvantages of the methods are discussed.

The usage of psycholinguistic databases is proposed, including the scaling method (semantic differential, Likert scale), in order to describe the concrete-imagery (perceptual-based) semantic component. The classification of the psycholinguistic scales used in similar projects (e.g., imageability, modality rating, manipulability, age of acquisition etc.) is presented. The description of the project of the psycholinguistic database which is currently being developed at Tomsk State University is given: 506 Russian nouns of different semantic categories are rated by participants by strength of their relation to five perceptual modalities (modality rating), imageability, spatial localization on the vertical axis, ability to interact with the object with participants' hands (manipulability), and other scales. Preliminary conclusions have been made: it is revealed that relation of the words of the sample to visual modality is the strongest one; relation to haptic modality is less strong, followed by relation to auditory modality. The relation to gustatory and olfactory modalities is the weakest one. It is discovered that, in general, the words of the sample have a relatively high level of imageability, which is in line with findings of studies with other languages. It is shown that words of different semantic categories differ in their level of imageability. The strongest positive correlations were found between relation to visual modality and word imageability, as well as between olfactory and gustatory components of word semantics; negative correlation between word imageability and its age of acquisition was revealed.

Advantages and restrictions of the proposed method are discussed: numeric format of semantic information allows applying statistical methods to solving semantic problems, though one cannot judge on qualitative parameters of conceptual structures. The method of psycholinguistic databases creating is considered as a complementary one to the directed associative experiment, because it gives an opportunity to present quantitative parameters of concrete-imagery (perceptual-based) information in the word semantic structure.

References

1. Vorkachev, S.G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.

2. Nikitin, M.V. (2004) Razvernutye tezisy o kontseptakh [Expanded theses on concepts]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 53–64.

3. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

4. Boldyrev, N.N. (2001) *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]. 2nd ed. Tambov: Tambov State University.

5. Karasik, V. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Person, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

6. Zalevskaya, A.A. (1990) *Slovo v leksikone cheloveka: Psikholingvisticheskoe issledovanie* [The word in the lexicon of the person: A psycholinguistic research]. Voronezh: Voronezh State University.

7. Rezanova, Z.I. (2010) Cognitive linguistics in the paradigms of linguistic functionalism and integral concepts of cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 195–199. (In Russian).

8. Sternin, I.A. & Rozenfel'd, M.Ya. (2008) *Slovo i obraz* [Word and image]. Voronezh: Istoki.

9. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.

10. Mishankina, N.A. (2013) Databases in linguistic research. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicology*. 1 (3). pp. 25–34. (In Russian).

11. Zabotkina, V.I. (ed.) (2015) *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyy podkhod* [The methods of cognitive analysis of the semantics of the words: computer-corpus approach]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. [Online] Available from: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1924029#1. (Accessed: 16th July 2016).

12. Nagel, O. (2014) Investigating Russian Derivational Suffix – yaka: Russian Parallel Corpus Study. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 154. pp. 122–129. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.123

13. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of Modern Russian language (on materials of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik. [Online] Available from: http://dict.ruslang.ru/freq.php. (Accessed: 16th July 2016).

14. Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S.A. (1968) Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns. *Journal of Experimental Psychology. Monograph Supplement.* 76 (1:2). pp. 1–25.

15. Keuleers, E. & Balota, D.A. (2015) Megastudies, crowdsourcing, and large datasets in psycholinguistics: An overview of recent developments. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 68:8. pp. 1457–1468. DOI: 10.1080/17470218.2015.1051065

16. Juhasz, B.J., Lai, Y.-H. & Woodcock, M.L. (2015) A database of 629 English compound words: ratings of familiarity, lexeme meaning dominance, semantic transparency, age of acquisition, imageability, and sensory experience. *Behavior Research Methods.* 47(4). pp. 1004–1019. DOI: 10.3758/s13428-014-0523-6

17. Altarriba, J., Bauer, L.M. & Benvenuto, C. (1999) Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words. *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers.* 31(4). pp. 578–602.

18. Bennett, S.D.R. et al. (2011) Imageability and body-object interaction ratings for 599 multisyllabic nouns. *Behavior Research Methods.* 43. pp. 1100–1109. DOI: 10.3758/s13428-011-0117-5

19. Brysbaert, M., Warriner, A.B. & Kuperman, V. (2014) Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas. Behavior Research Methods. 46. pp. 904–911.

20. Tillotson, S.M., Siakaluk, P.D. & Pexman, P.M. (2008) Body–object interaction ratings for 1

618 monosyllabic nouns. *Behavior Research Methods*. 40 (4). pp. 1075–1078. DOI: 10.3758/BRM.40.4.1075

21. Moreno-Martínez, F.J., Montoro, P.R. & Rodríguez-Rojo, I.C. (2014) Spanish norms for age of acquisition, concept familiarity, lexical frequency, manipulability, typicality, and other variables for 820 words from 14 living/nonliving concepts. *Behavior Research Methods.* 46(4). pp. 1088–1097. DOI: 10.3758/s13428-013-0435-x

22. Lynott, D. & Connell, L. (2009) Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41. pp. 558–564. DOI: 10.3758/BRM.41.2.558

23. Lynott, D. & Connell, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods.* 45. pp. 516–526. DOI: 10.3758/s13428-012-0267-0

24. Clark, J.M. & Paivio, A. (2004) Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* 36 (3). pp. 371–383. DOI: 10.3758/BF03195584

25. Schröder, A. Et al. (2012) German norms for semantic typicality, age of acquisition, and concept familiarity. *Behavior Research Methods.* 44. pp. 380–394. DOI: 10.3758/s13428-011-0164-y

26. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru. (Accessed: 16th July 2016). (In Russian).

27. Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: Lingvo-psikhologicheskiy slovar'* [Senses, emotions and adjectives of the Russian language: Linguo-psychological dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

28. The Noun and the Object: Library of Stimuli and Regulations for Experimental Research. [Online] Available from: http://nounobject.ru. (Accessed: 16th July 2016). (In Russian).

29. The Library of Stimuli. [Online] Available from: http://stimdb.ru. (Accessed: 16th July 2016). (In Russian).

30. Akinina, Y. et al. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods*. 47(3). pp. 691–707. DOI:10.3758/s13428-014-0492-9

31. Pulvermüller, F. (2012) Meaning and the brain: The neurosemantics of referential, interactive, and combinatorial knowledge. *Journal of Neurolinguistics*. 25:5. pp. 423–459. DOI:10.1016/j.jneuroling.2011.03.004

32. Kiefer, M. & Pulvermüller, F. (2012) Conceptual representations in mind and brain: Theoretical developments, current evidence and future directions. *Cortex.* 48(7). pp. 805–825. DOI:10.1016/j.cortex.2011.04.006

33. Connell, L., Lynott, D. & Dreyer, F. (2012) A Functional Role for Modality-Specific Perceptual Systems in Conceptual Representations. *PLoS ONE.* 7(3):e33321. DOI: 10.1371/journal.pone.0033321

34. Pecher, D., Zeelenberg, R. & Barsalou, L. (2003) Verifying Different-Modality Properties for Concepts Produces Switching Costs. *Psychological Science*. 14:2. pp. 119–124. DOI: 10.1111/1467-9280.t01-1-01429

35. Gradinarova, G., Kanchev, P. & Janyan, A. (2014) Give Me Time to Picture That: Effects of Time and Imageability on Effector-Specific Motor Activation in Idiom Processing. *The Russian Journal of Cognitive Science*. 1 (1–2). pp. 22–30.

36. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russkie slovari.

37. Barsalou, L.W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences.* 22(4). pp. 577–609; discussion: pp. 610–660. DOI: 10.1017/S0140525X99002149

38. Velichkovskiy, B.M., Zinchenko, V.P. & Luriya, A.R. (1973) *Psikhologiya vospriyatiya* [The psychology of perception]. Moscow: Moscow State University. [Online] Available from: http://psychlib.ru/mgppu/vpv/VPV-001-.HTM#. (Accessed: 16th July 2016).

39. Rezanova, Z., Nekrasova, E. & Shilyaev, K. (2014) Gender-marked metaphors: influence of grammatical gender and animateness on referential choice of metaphorical name of the person in the Russian language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 273–278.

40. Novikova, E.G., Janyan, A. & Tsaregorodtseva, O.V. (2015) Metaphorical Salience in Artistic Text Processing: Evidence From Eye Movement. *Perception.* 44(8-9). pp. 1098–1102. DOI: 10.1177/0301006615596692

41. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of learning the language: Parts of speech with a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111
DOI: 10.17223/19986645/43/7

И.А. Авраменко

УСТНЫЙ И ПИСЬМЕННЫЙ МОДУСЫ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРВОЛИЧНОМ РЕТРОСПЕКТИВНОМ РОМАНЕ КОНЦА XVII–XIX в.

В статье рассматриваются особенности модуса, понимаемого как нарративная категория, в диахронии английского романа. Созданная типология отношений между письменным и устным модусами становится основой для поэтологического анализа романов. Показано, как модусные характеристики взаимодействуют с образами героев, композицией, стилем и т.п. художественной спецификой как отдельных авторов, так и историко-литературного периода. Делается акцент на значимости взаимодействия устного и письменного модусов для развития романа.
Ключевые слова: *историческая нарратология; письменный, устный и ментальный модусы; перволичный роман; ретроспективный роман; Лоренс Стерн; Мэри Шелли; сестры Бронте; Чарльз Диккенс.*

В статье 2003 г. «Диахронизация нарратологии» один из самых значительных современных нарратологов Моника Флудерник пишет о большой, до сих пор неосвоенной области в теории повествования: «Теория проявляет сравнительно небольшой интерес к истории нарративных форм и функций <…> Недостаток внимания к историческому развитию в области культурологической нарратологии удивителен» [1. С. 331]. Среди множества возможных линий развития нарратологии в этом направлении Флудерник отмечает «различные нарративные категории, представленные многочисленными традиционными типологиями: фокализация, лицо, грамматическое время и т.д. Было бы интересно не только выяснить, когда конкретные техники или их сочетания были впервые использованы или стали постоянными, а впоследствии и доминирующими, но и поставить вопрос об изменении функции. Меняют ли конкретные характеристики или техники свои функции в моменты структурной смены нарративных парадигм?» [1. С. 333–334]. Насколько нам известно, в этом направлении не было предпринято сколько-нибудь крупных исследований, несмотря на то, что изучение стратегий, способов и форм повествования в их динамике кажется не только чрезвычайно плодотворным, но и необходимым.

Именно в рамках такого подхода выполнена данная работа. Однако мы бы хотели заменить термин Флудерник «диахроническая нарратология» на «историческая нарратология». Несмотря на то, что В.И. Тюпа разрабатывает это понятие в несколько ином ключе [2], нам хотелось бы через ассоциацию с термином А.Н. Веселовского «историческая поэтика» сохранить связь нарратологии с наукой о строении художественного произведения.

Цель данной статьи – на фоне развития английского романа исследовать модели организации повествования, ориентированные на устную и письменную коммуникацию. Основными задачами являются создание типологии этих моделей, а также анализ конкретных произведений в рамках созданной типологии. Мы намереваемся установить основные функции, присущие каждой из моделей, но не проследить диахроническое изменение этих функций.

Мы также сознательно ограничиваем исследуемый материал романами, обладающими тремя признаками: повествование от первого лица, диегетический нарратор (в терминологии Женетта) и выраженный ретроспективный компонент. Подчеркнем, что перволичное повествование должно организовывать *весь* текст произведения. Основываясь на этом формальном признаке, мы не будем говорить, например, о «Генри Эсмонде» Теккерея, в котором вопреки форме мемуаров первое лицо используется лишь эпизодически. Диегетический нарратор означает, что мы будем иметь дело с персонажем-нарратором, чаще всего главным героем, рассказывающим собственную историю. На этом основании мы исключаем из рассмотрения «Мэри Бартон» Элизабет Гаскелл или романы Филдинга и Троллопа, где нарратор может быть очень активен, но все же не является действующим лицом. При этом нарратором может выступать второстепенный персонаж или же возможно присутствие нескольких нарраторов, как в случае эпистолярного романа. Ретроспекцию мы уточняем как наличие в художественном мире романа не только описания прошлого, но и изображения настоящего, из которого ведётся повествование. Согласно этому ограничению вне нашего внимания останутся, например, написанные от первого лица «Векфильдский священник» Голдсмита, «Приключения Родерика Рэндома» Смоллета или «Сентиментальное путешествие» Стерна, в которых не изображен настоящий момент повествования (Голдсмит, Смоллет) либо история и дискурс практически неразделимы во времени (Стерн).

Временно*е* ограничение связано с тем, что в Англии жанр романа формируется только в конце XVII – начале XVIII в. [3]. С другой стороны, мы не идем далее XIX в., так как наша центральная категория претерпевает здесь качественные изменения, о чем будет сказано в конце статьи.

Искомая категория связана с презентацией событий нарратором как зафиксированных в виде письменного документа или изложенных в устном рассказе. Начиная с работы Уолтера Дж. Онга 1982 г. такое различие обозначается в литературоведении через категории «устное» и «письменное» (orality/literacy). Сам Онг рассматривает их в широкой исторической и культурологической перспективах и анализирует художественную литературу как *одну из* сфер взаимодействия устного и письменного. В отношении романа он отмечает, что это «несомненно, жанр печатной традиции» [4. С. 156], однако подверженный воздействию устного начала. К примеру, исследователь отмечает, как «романисты девятнадцатого века сознательно снова и снова повторяют обращение “любезный читатель”, напоминая себе, что они пишут историю, а не рассказывают ее» [4. С. 101–102]. Или же он говорит о важности для истории культуры чтения художественных текстов вслух, в результате чего «писатели были вынуждены выражаться так, “как будто их слушают реальные люди” <…> Отсюда стиль Рабле и Томаса Нэша» [4. С. 155].

Онг и его последователи [5, 6] фокусируются на *создании* литературы в условиях устной традиции или письменной технологии, тогда как мы хотели бы проанализировать внутренний, поэтологический аспект художественного произведения. Также и термины Онга кажутся нам не вполне подходящими для художественной литературы, которая по определению является письменной. Сам ученый признавал в сочетании «устная литература» внутреннее противоречие [4. С. 10–15].

Поэтому мы прибегаем к термину, возникшему параллельно с работами Онга в рамках лингвистики дискурса, которая предложила взгляд на устное и письменное «изнутри» текста, в частности нарративного. Уоллес Чейф [7] и другие лингвисты на основании различий в канале передачи информации стали разграничивать письменный и устный дискурсы. Для обозначения этих явлений использовались понятия «strategy» (стратегия) и «mode» (модус) [8]; «modality» (модальность) [9]; «written and spoken language» (письменный и устный язык) и «mode» [10]; «channel» (канал передачи информации), «medium» (способ передачи информации) и «mode» (вид передачи информации) [11]. В отечественной лингвистике для обозначения различий по каналу передачи информации принят термин «модус» [12].

С одной стороны, лингвисты формулируют ряд признаков, по которым устный модус противопоставляется письменному. Чейф [7] предложил две пары таких характеристик. Первое противопоставление связано со скоростью производства и восприятия дискурса. Более медленный письменный модус способствует интеграции (integration) дискурса, тогда как устный быстрее и более фрагментирован (fragmentation). Следствием становится бо́льшая, прежде всего, синтаксическая сложность письменных дискурсов. Второе противопоставление связано с наличием или отсутствием контакта между производителем и получателем дискурса. Письменный модус характеризуется отстраненностью (detachment), а устный – вовлеченностью (involvement). С другой стороны, лингвисты демонстрируют, как признаки модусов смешиваются в художественном нарративе [8; 13. С. 83–91]. Мы также поддерживаем взгляды В. Водзак на художественное произведение как на «переходный текст» [6], который объединяет признаки устного и письменного начал. Подчеркнем, что устный и письменный модусы будут рассматриваться в рамках всего произведения как коммуникация между автором и читателем, а не только в отношении речи персонажей или нарратора по отдельности.

В аспекте модуса можно представить типологию художественных произведений. Подчеркнем, что письменный и устный модусы являются едва ли когда-либо достижимыми полюсами единого континуума. Однако в этом едином пространстве возможно выделить четыре типа отношений между двумя модусами:

1) преобладание устного модуса – нарратив художественного произведения моделирует ситуацию устной коммуникации;

2) преобладание письменного модуса – нарратив художественного произведения моделирует ситуацию письменной коммуникации;

3) нейтрализация модуса – признаки устного или письменного модуса не выражены и/или не охватывают всего нарратива;

4) двойственный модус – нарративная модель совмещает в себе явно выраженные признаки как письменной, так и устной коммуникации.

Устный модус моделирует ситуацию, когда читателю нужно не читать текст, а слышать голос, находящийся «по ту сторону» текста. Книга в этом случае как бы исчезает, становясь проводником внутрь художественного мира. В случае устного модуса читаемая книга «растворяется»: визуальный текст уступает место внутреннему слуху и, как следствие, внематериальной художественной реальности. Читатель перевоплощается в фигуру, принадлежащую внутреннему миру произведения, вступает в пределы границ художественного вымысла.

В рамках рассматриваемого периода примеры доминирования устного модуса в перволичных ретроспективных романных нарративах немногочисленны. Близок к устному модусу «Оруноко» (1688) Афры Бен. Произведение формально не имитирует никакого письменного документа, строй речи нарратора ориентирован на *рассказывание* истории «царственного раба», чья история отчасти известна ему (ей) как очевидцу, а отчасти поведана главным героем в *беседе*. Вместе с тем присутствуют единичные обращения к наррататору как «Читателю» и упоминания «пера», а также стоит учесть особенности орфографии (написание существительных с заглавной буквы) и общую вычурность стиля. Более поздний пример, когда моделируется ситуация устного рассказа, – «Морской волчонок» (1859) Томаса Рида: старый капитан излагает чудесную историю своего выживания в одиночку в трюме корабля группе ребятишек. Бо́льшая часть событий в «Машине времени» (1895) Г.Дж. Уэллса изложена персонажем-очевидцем в устной беседе. В двух последних случаях присутствует обрамляющее перволичное повествование (у Рида нарратор совпадает с главным героем, у Уэллса – нет), что демонстрирует, скорее, нейтрализацию модуса.

Показательно, что экзотическое, приключенческое и фантастическое содержание связано с устно-ориентированной коммуникацией. Тони Джексон, развивающий теорию Онга и его предшественников Джека Гуди и Эрика Хэвлока, предлагает историко-антропологическое объяснение – ограниченность памяти рассказчика и аудитории на древнем этапе появления нарративов. Устный рассказ должен был оперировать причудливыми, фантастическими и, как следствие, более запоминающимися образами, персонажами [5. С. 14–18]. В отношении романа, создаваемого в период развитой письменной культуры, мы бы хотели перевернуть это объяснение. В XVIII–XIX вв. гораздо легче запомнить историю (записав или напечатав ее), чем поверить во что-то из ряда вон выходящее. Поэтому не устный модус требует фантастического содержания, а фантастика требует формы устной коммуникации, которая, как мы уже сказали, способствует более непосредственному контакту читателя с фикциональной действительностью.

Отметим, что в первой группе лишь роман Уэллса можно назвать «магистральным»: он одновременно продолжает традицию утопических романов, часто написанных в форме рассказа путешественника, и закладывает основы научно-фантастической антиутопии, принимающей более разнообразные повествовательные формы. Произведение Бен создано еще в «протороманную» эпоху английской литературы, а детский приключенческий роман Рида, хотя

и написан в середине XIX в., не является ключевым для развития жанра в Англии. «Маргинальность» устного модуса отчасти подтверждает тезис Беньямина, высказанный в известном эссе «Рассказчик», что роман как жанр отрывается от традиции устного рассказа [14. С. 389].

Письменный модус явно преобладает в романах XVIII в., поскольку они зачастую основываются на эпистолярно-дневниково-мемуарной модели. «И Дефо, и Ричардсон еще не решались перерезать пуповину, соединявшую новый рождавшийся в их творчестве род литературы с подлинными документами – дневниками, воспоминаниями, письмами. Боясь открыто провозгласить свои сочинения вымыслом, они предпочитали маскировать литературную условность беллетристической формы условностями гораздо более наивными и громоздкими, выдавая себя за «издателей» своих героинь и героев и пускаясь иной раз в сложные объяснения того, как и почему возникли и смогли сохраниться их письма или мемуары» [15. С. 220]. Примеры многочисленны: «Робинзон Крузо» (1719), «Мемуары кавалера» (1720), «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (1722), «Счастливая куртизанка, или Роксана» (1724) Даниэля Дефо; «Путешествия Гулливера» (1726) Джонатана Свифта; «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса, или История молодой леди» (1747–1748), «История сэра Чарльза Грандисона» (1754) Сэмюэля Ричардсона; «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771) Тобайаса Смоллетта; «Эвелина» (1778) Фанни Берни. Внушительный список романов эпистолярного жанра приведен в приложении к диссертации О.О. Рогинской [16].

Как мы уже видели на примере романов первой группы, стилевые особенности текста – один из важнейших факторов, которые могут способствовать модусной вариативности произведения. Формы мемуаров, дневников и писем предоставляют широкие возможности для варьирования стиля от официально-делового до фамильярно-разговорного. Например, если мы сравним «Путешествия Гулливера» и «Робинзона Крузо», то очевидно, что первый роман более «письменный» (деление на главы с заголовками, в которых автор упоминает себя в третьем лице; стилизация судового журнала, политического, научного и т.п. дискурсов), тогда как второй более «устный» (отсутствие формального членения текста, подчас сниженный регистр лексики, частые уточнения в скобках, имитирующие непоследовательность устного изложения).

Такую же двойственность (при преобладании ориентации на письменную коммуникацию) можно видеть и в эпистолярном романе. Пользуясь термином Роберта Феллузига «мимезис устности», К.Р. Новожилова характеризует эпистолярный дискурс как такой, «в котором совмещается письменное монологическое высказывание с очевидными признаками устного диалога» [17. С. 136]. Вместе с тем нам кажется, что характеристика Джексоном личных писем, дневника и мемуаров как «видов письма, наиболее приближенных к речи» [5. С. 22–23], гипертрофирует одну из возможностей этих жанров. Так, нарраторы Ричардсона воплощают свои коммуникативные намерения в разнообразных стилистических регистрах [18. С. 145–193], и модус их документов приближается то к опосредованно-письменной коммуникации, то к непосредственно-устной.

Перечисленные жанры определяются коммуникативной ситуацией отстраненности (по Чейфу), они предназначены для отсроченного во времени и отдаленного в пространстве чтения. Сам их формат ставит адресата романа в позицию читателя, а не собеседника. Письменный модус в целом подчеркивает текстовую природу произведения. Книга, которую конкретный читатель держит в руках, представляет собой результат писательской деятельности нарратора. Книга становится материальным напоминанием о намерении автора: создать эту самую книгу как текст. Произведение получает статус документа, артефакта-представителя повествуемой истории.

Функция документа, которую начинает играть книга, создаваемая нарративом перволичного повествователя-персонажа и воплощающаяся в артефакт, воспринимаемый читателем, ярко проявляется в «Калебе Вильямсе» (1794) Уильяма Годвина. Основная коммуникативная стратегия нарратора – зафиксировать произошедшее с ним как *письменное свидетельство* вины Фолкленда и собственной невиновности: «Я знаю, что восторжествую и раздавлю своего якобы всемогущего противника. Но если б даже было иначе, по крайней мере он не будет знать одни удачи. Его слава не будет бессмертна, как ему мечтается. Эти страницы сохранят истину. Придет день – они будут обнародованы (published), и тогда мир рассудит нас обоих» [19. С. 361]. К концу повествования Калеб переосмысливает свою позицию в этом сложном частно-социально-нравственном конфликте, что не отменяет необходимости документально зафиксировать собственную эволюцию для прочтения и оценки другими: «Я начал писать эти записки с намерением защитить свою честь. Теперь у меня нет чести, которую я хотел бы защитить. Но я закончу их для того, чтобы твоя история была понята до конца и чтобы, если ошибки твоей жизни, которые ты так пламенно желал скрыть от людей, станут известными, мир не услышал и не стал повторять искаженную и неполную повесть» [19. С. 374].

Активное использование письменного модуса продолжается и в XIX в. («Роб Рой» (1817) В. Скотта, «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» (1848) Э. Бронте, «Владетель Баллантрэ» (1889) Р.Л. Стивенсона). Однако на фоне общего сокращения количества романов от первого лица по сравнению с третьеличной формой явственнее становится тенденция к **нейтрализации** двух модусов. За примерами можно обратиться к перволичным романам Шарлотты Бронте, Энн Бронте и Чарльза Диккенса. С первых строк «Джейн Эйр» (1847), «Агнес Грей» (1847) и «Больших надежд» (1854) становится понятно, что повествование ведет повзрослевшая героиня или герой (хотя преобладает перспектива молодого персонажа): «Ведь я не могла ответить на вопрос, возникавший вновь и вновь в моей душе: отчего я так страдаю? Теперь, когда прошло столько лет, это перестало быть для меня загадкой» [20. С. 28]; «Надежно укрытая безвестностью, прошедшими годами и вымышленными именами» [21. С. 19]; «О фотографии в те времена и не слыхивали» [22. С. 7]. Однако читателю не вполне понятно, где располагается точка в настоящем, из которой ведется повествование (в этом отношении данные романы находятся на границе допустимого ограничения по выраженности ретроспективного компонента), каков повествователь и канал связи с ним.

Лишь в самом конце «Агнес Грей» мы определенно узнаем, что история *записана* главной героиней. При этом показательно, что повествование *основывается* на дневнике Агнес, но *не воспроизводит* этот письменный жанр. Лишь эпизодически встречаются указания на то, что вся история *записана* взрослым Пипом: «Вы, кто читаете эти строки, отложите на минуту книгу и подумайте о той длинной цепи из железа или золота, из терниев или цветов, которая не обвила бы вас, если бы первое звено ее не было выковано в какой-то один, навсегда памятный для вас день» [22. С. 79]; «я должен посвятить одну главу Эстелле» [22. С. 319]; «Если бы картина эта не сохранилась неизгладимо в моей памяти, то сейчас, когда я пишу эти строки, я бы просто не поверил, что на моих глазах судья прочел этот приговор сразу тридцати двум мужчинам и женщинам» [22. С. 481]. Однако эти единичные замечания теряются в многостраничном повествовании. В рассматриваемых романах сестер Бронте чаще, чем в «Больших надеждах», встречаются обращения к читателю. Однако такое обращение, являющееся признаком опосредованной письменной коммуникации, зачастую оказывается нейтрализовано вовлекающе-диалогической стратегией устной коммуникации: «Ну-ну! И что тут такого примечательного? Почему я рассказала об этом? А потому, дорогой читатель, что этой встречи оказалось достаточно, чтобы подарить мне вечер, полный бодрости духа, ночь, полную сладких грез, и утро, полное радостных надежд» [21. С. 125]; «Казался ли мне теперь мистер Рочестер некрасивым? Нет, читатель» [20. С. 149]; «Нет, во всем этом не было ничего, что могло бы охладить или изгнать любовь, но достаточно для того, чтобы вызвать отчаяние. А также – скажете вы, читатель, – чтобы пробудить ревность» [20. С. 183] и т.д. В целом в процессе чтения не возникает устойчивого представления о том, пишут ли взрослые Агнес, Джейн и Пип записки, ведут хронику своей жизни или же вступают в устный диалог с каким-то конкретным адресатом.

Как следствие, даже в перволичном повествовании нарратор у Диккенса приближается к «никто» в терминологии Элизабет Эрмарт [23. С. 65–92]. Пип-нарратор – еще более загадочная фигура, чем Тристрам-нарратор. Практически полное отсутствие биографических фактов на момент повествования, невыраженность личных склонностей в оценках. Это же по большей части справедливо и в отношении Агнес-нарратора. Такой нарратор является типичным, по Эрмарт, для реалистического романа в целом.

Портрет Джейн Эйр как нарратора более конкретен. Но и в этом случае важны не столько запись и/или рассказ о событиях (дискурс, наррация), а сами события (история), что вполне соответствует стратегии реализма, который, подобно историку XIX в., «ничего не придумывает, а лишь позволяет фактам и событиям говорить “за себя”, т.е. фактически, выступает в роли медиума» [24. С. 198].

Яркие примеры **двойственного модуса** мы находим на протяжении всего изучаемого периода. Двойственность модусов в той или иной степени присутствовала в большинстве уже упомянутых романов. Поэтому нам кажется, что схема взаимопроникновения модусов является наиболее плодотворной для эволюции романа. Обратим внимание на три произведения, максимально наглядно представляющие стратегию совмещения модусов как равноценных:

«Тристрама Шенди» (1759–1767) Лоренса Стерна, «Франкенштейна» (1818) Мэри Шелли и «Грозовой перевал» (1847) Эмили Бронте. Все три романа посвоему являются новаторскими, при этом они обрели статус культовых и определили многие тенденции в развитии английской литературы. Каждый из них обладает типологическими характеристиками соответствующей литературной эпохи.

Уже достаточно много было написано о самом ярком предвестнике не только модернистской [15. С. 325–327], но и постмодернистской эстетики [25]. Стерн игровым образом использует возможности и форматы как письменного, так и устного модуса. Многие игры построены на том, что повествователь оперирует именно текстовыми категориями: делением на главы, пунктуацией, шрифтами и типографским оформлением текста. С другой стороны, диалогизированное повествование в романе (постоянные обращения к фигурам читателей, неким «милорду» и «мадам») имеет характер непринужденной беседы. Значимо, что завершается роман не письменно-ориентированным монологом повествователя, а беседой персонажей, бесконечно повторяющимся рассказом «про белого бычка». Стерн «жонглирует» модусами сознательно, что подтверждается периодическим обращением к проблеме соотношения речи и письма: «Писание книг, когда оно делается умело (а я не сомневаюсь, что в моем случае дело обстоит именно так), равносильно беседе» [26. С. 110]; «…я поклялся посвятить себя Мудрости и до конца дней моих говорить только серьезные вещи – никогда – никогда больше не позволяя себе пошутить ни с мужчиной, ни с женщиной, ни с ребенком. Ну, а писать для них глупости – тут я, кажется, допустил оговорку – но предоставляю судить об этом читателям» [26. С. 527].

Как и в случае со «Злополучным скитальцем» (1594) Томаса Нэша, мы имеем здесь модель повествователя, предлагающего нам прочитать свою книгу («жизнь»), но постоянно беседующего с нами по поводу этой книги («мнения»). Эта модель вполне вписывается в сентименталистскую эстетику Стерна, когда факты значимы лишь в той мере, в какой они прожиты. «Главное открытие Стерна в области «человековедения»… в обнаружении сложных и тонких противоречивых взаимосвязей и взаимопереходов между противоположными побуждениями и порывами в душе человека», – совершенно верно формулирует специфику писателя А.А. Елистратова [15. С. 358]. В свете этого замечания можно сделать вывод, что двойственность модуса – отражение художественной философии писателя.

Следующие два романа отличаются от «Тристрама Шенди» тем, что главных нарративных «я» в них несколько. Композиционно «Франкенштейн, или Современный Прометей» построен как система рассказов в рассказе, что характерно как для романтической прозы (Новалис, Констан, Шамиссо), так и поэзии (Вордсворт, Кольридж, Гейне), см. [27. С. 296]. В интересующем нас аспекте «Франкенштейн» предстает как *роман пересказывания и переписывания*.

Нарративная схема выглядит следующим образом. Путешествующий на Северный полюс Роберт Уолтон пишет своей сестре миссис Сэвилл письма, которые постепенно, за неимением возможности их отправлять, трансформируются в дневник. Несмотря на дневниковую форму записок, в них сохраня-

ется адресация во втором лице. Далее текст разбивается на главы, описывающие историю Виктора Франкенштейна, рассказанную им самим. Уолтон фиксирует историю на бумаге, но в романе подчеркивается синтетическая природа повести: «Отныне каждый вечер, если не помешают мои обязанности, я буду записывать услышанное, стараясь как можно точнее придерживаться его слов. Если на это не хватит времени, я буду делать хотя бы краткие заметки. Эту рукопись ты, несомненно, прочтешь с интересом; но с еще большим интересом я когда-нибудь перечту ее сам, я, видевший его и слышавший повесть из собственных его уст! Вот и сейчас, когда я приступаю к записям, мне слышится его звучный голос, на меня печально и ласково глядят его блестящие глаза, я вижу выразительные движения его исхудалых рук и лицо, словно озаренное внутренним светом» [28. С. 28]. Повесть должна вызывать у читателя ощущение устного рассказа, что, заметим, вступает в противоречие с ее письменным стилем, последовательным, обстоятельным изложением фактов.

Центральную часть в рассказе Франкенштейна занимает история монстра, которую Франкенштейн пересказывает Уолтону в первом лице (главы с 11 по 16). В свою очередь, в центре рассказа монстра находится рассказанная им в третьем лице история семьи Де Лэси (глава 14), которую он восстанавливает отчасти по их разговорам, а отчасти по *скопированным у них письмам*.

В завершающей части романа, которая озаглавлена «Продолжение дневника Уолтона», мы в добавление ко всему узнаем, что Франкенштейн выступает первым читателем записок и со-автором уже *письменного* текста: «Франкенштейн обнаружил, что я записываю его рассказ; он пожелал посмотреть мои записи и во многих местах сделал поправки в добавления; более всего там, где пересказаны его разговоры с его врагом» [28. С. 291].

Таким образом, каждый из центральных персонажей романа предстает и «творцом-создателем», и «тварным созданием». Франкенштейн создает своего монстра не только физически, но и нарративно: историю монстра мы знаем только благодаря рассказу Виктора. Франкенштейн – во всех смыслах автор монстра. Вместе с тем монстр принципиально показан в романе как мыслящее и, как следствие, вполне человеческое существо. Способность к мышлению, рефлексии доказывается в том числе и его способностью рассказать и свою историю, и историю другого (а также воспринимать художественные нарративы: Гете, Плутарха, Мильтона). С другой стороны, Виктор имеет над собой автора более высокого в нарративном смысле порядка. Уолтон объективизирует образ ученого, придает ему завершающую целостность. Так реализуется основной конфликт произведения [29. С. 102–108; 5. С. 57–78], в свою очередь представляющий собой проявление главной категории романтического сознания – двоемирия. Взаимопроникновение устного и письменного модусов во «Франкенштейне» вписывается в типологические характеристики романтического художественного сознания.

Уже неоднократно говорилось о своеобразной повествовательной структуре «Грозового перевала». Однако кажется недостаточной констатация того, что «роман имеет оригинальную, сложную композицию, строясь по принципу включенных друг в друга повествований от имени разных лиц, благодаря чему рождаются причудливые переключения в разные временные планы»

[30. С. 290]. Специфика нарраторов сводилась традиционно к их социальным характеристикам («обычные люди» [31. С. 162]) и различиям (джентльмен vs простолюдинка). На наш взгляд, принципиально учитывать, как нарраторы соотнесены с определенными модусами: Локвуд ведет дневник, в который тщательнейшим образом заносит устный рассказ Нелли Дин.

Для Эмили Бронте, как и ее сестер, а также Э. Гаскелл, Дж. Элиот женская тема является одной из важнейших. Поэтому мы согласимся с современным исследователем, что «важнейшие лингвистические различия в “Грозовом перевале” определяются не классом, а гендером» [32. С. 149]. Все три нарратора у Мэри Шелли – мужчины, и, как мы видели, каждый из них демонстрирует способность читать и писать, говорить и слушать. В отличие от них Нелли Дин выступает исключительно как рассказчик. Более того, впоследствии ее устный рассказ фиксируется, оформляется в более авторитетном, мужском, письменном модусе Локвуда. Так в нарративной сфере проявляются приоритет и власть мужчин в мире, который рисует Бронте.

С другой стороны, Нелли, хотя и является второстепенным персонажем, занимает в художественном мире романа более заметное место и играет более деятельную роль, чем нарратор-мужчина. Дискурс Нелли по объему значительно превосходит дискурс Локвуда, скорее пассивного регистратора, нежели создателя истории. В восприятии читателя рассказ Нелли принимает характер не-опосредованного, мы забываем, что это лишь письменная фиксация устного изложения. «Грозовой перевал» – это все-таки история, рассказанная (и написанная) женщиной[1]. Именно женщина здесь ведущее креативное начало. В связи с этим стоит вспомнить пару в финале романа, которая символизирует авторскую надежду на лучшее будущее. Кэти Линтон облагораживает Гэртона, прививает ему основы культуры, и отражено это прежде всего в том, что сначала он *подслушивает*, как Кэти читает, а затем в том, как она учит его *читать вслух*. Доминирование мужского (письменного) начала преодолевается женским началом через устное воспроизведение письменного текста.

Параллельно взаимопроникновению письменного и устного модусов заметна постоянная флуктуация стиля Нелли, от спонтанной сниженной к подготовленной «охудожествленной» речи. Новая порция рассказа может начинаться в устном модусе (уточняющие вводные конструкции, разговорный стилистический регистр), а затем приобретать черты письменного (более интегрированные предложения, усложненный синтаксис, повышение регистра лексики): «До того, как я переехала сюда на жительство, – начала она, сразу без дальнейших приглашений приступив к рассказу, – я почти все время жила на Грозовом Перевале, потому что моя мать вынянчила мистера Хиндли Эрншо (Гэртон его сын), и я обычно играла с господскими детьми; кроме того, я была на побегушках, помогала убирать сено и выполняла на ферме всякую работу, какую кто ни поручит. В одно прекрасное летнее утро – это было, помнится, в начале жатвы – мистер Эрншо, наш старый хозяин, сошел вниз, одетый, как в дорогу <…> Он казался тупым, терпеливым ребенком,

[1] О создании женскими персонажами в «Грозовом перевале» своего текста см. [32]. Регина Барека, однако, недооценивает роль Локвуда как финальной нарративной инстанции и участника событий.

привыкшим, вероятно, к дурному обращению. Глазом не моргнув, не уронив слезинки, переносил он побои от руки Хиндли, а когда я щипалась, он, бывало, только затаит дыхание и шире раскроет глаза, будто это он сам нечаянно укололся и некого винить» [33. С. 45–46, 47].

У Стерна отношения между двумя модусами амбивалентно-парадоксальны: создается нерасчленимый комплекс «письмоговорения». Модель Мэри Шелли более статична и демонстрирует комплиментарные отношения: модусы последовательно сменяют друг друга, складываясь в законченную историю. Эмили Бронте сохраняет качественную специфику каждого из модусов, но одновременно показывает их взаимовлияние и взаимообусловленность.

Проведенный аналитический обзор имплицитно задает определенную схему развития английского романа: спецификой романа Просвещения является письменный модус, викторианской эпохи – нейтрализация модусов, тогда как двойственный модус остается не доминирующей, но постоянной линией развития. Не скроем, эта схема нам импонирует: мы пытались логически связать особенности использования того или иного вида модуса с соответствующей художественной системой. Однако очевидно, что необходима большая работа по обобщению материала, чтобы можно было говорить о какой-либо доминанте в определенный период истории литературы. Не забудем, что мы говорили только о перволичном ретроспективном романе. Хотелось бы подчеркнуть, что мы далеки также и от мысли, будто письменный модус возникает в эпоху Просвещения, а явление нейтрализации – в реалистическом романе. Данная генетическая проблема требует, пожалуй, еще более кропотливой работы в области исторической нарратологии. Таковы возможные перспективы в области отношений модуса и художественного нарратива.

Качественное изменение в системе модусов, о котором мы упомянули в начале статьи, приходит с XX в., когда к двум формам представления добавляется третья: прошлое может быть представлено не как письменный текст, не как звучащий рассказ, а как воспоминание. В классификации А.А. Кибрика эта форма представления прошлого соответствует «мысленному» модусу [12]. Ученый опирается в его характеристике на разработанное Выготским понятие «внутренняя речь».

Как показано в [34], уже в «Дэвиде Копперфилде» (1850) Диккенса усиливается момент построения образа прошлого не через материальный (звучащий или графический) модус, а через психологический: прошлое зачастую подается «из головы» персонажа, как процесс воспоминания, регистрируемого самим автобиографическим персонажем-нарратором. Начиная со второй главы «Я наблюдаю», ментальный модус задан через использование настоящего времени («В моей памяти хранится впечатление, – я не могу отделить его от отчетливых воспоминаний, – будто я прикасаюсь к указательному пальцу Пегготи» [35. С. 22–23]) и дейксиса («Вот наша скамья в церкви. Какая у нее высокая спинка!» [35. С. 24]). Главы «Взгляд в прошлое» или «Еще один взгляд в прошлое» наполнены повтором слова «вижу», которое погру-

жает читателя в воспоминания нарратора[1]. Развитие тенденции ярко проявляется в «Пути всякой плоти» (1903) Сэмюэля Батлера. Вся излагаемая в романе семейная сага записана Эдвардом Овертоном, принимающим активное участие в жизни Понтифексов. Однако с первой главы возникает повтор слова «помню», которое встречается на протяжении всего текста и еще более однозначно, чем визуальная метафора Диккенса, задает модель ментального модуса воспоминания.

В литературе XX в. можно будет исследовать взаимоотношения уже трех модусов, что является еще одной перспективой нашей работы. На настоящий момент выдвинем гипотезу о развитии в перволичном романе тенденции к взаимопроникновению всех трех модусов, подобную той, что мы наблюдали в отношении письменного и устного. Авторы могут сочетать два из трех модусов: устный и письменный («Любовь и так далее» Дж. Барнса), устный и ментальный («Глоток воздуха» Дж. Оруэлла), письменный и ментальный («Танец под музыку времени» Э. Поуэлла) – или соединять способы представления прошлого героя, ориентированные на все три модуса («Дети полуночи» С. Рушди, «Водоземье» Г. Свифта, «Остаток дня» К. Ишигуро).

Литература

1. *Fludernik M.* The Diachronization of Narratology: Dedicated to F.K. Stanzel on His 80th Birthday // Narrative. Vol. 11, No. 3 (Oct., 2003). P. 331–348.

2. *Тюпа В.И.* Логос наррации: к проекту исторической нарратологии // Narratorium. 2015. № 1 (8). URL: http:// narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327 (дата обращения: 25.05.2016).

3. *Watt I.* The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1957. 319 p.

4. *Ong W.J.* Orality and Literacy. The Technologizing of the Word. London; New York: Routledge, 2002. 204 p.

5. *Jackson T.E.* The Technology of the Novel: Writing and Narrative in British Fiction. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009. 234 p.

6. *Wodzak V.* Reading dinosaur bones: Marking the transition from orality to literacy in "The Canterbury Tales", "Moll Flanders", "Clarissa", and "Tristram Shandy". University of Missouri-Columbia, Ph.D., 1996. 172 p.

7. *Chafe W.* Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy / Ed. by D. Tannen. Norwood: Ablex, 1982. P. 35–54.

8. *Tannen D.* Oral and Literate Strategies in Spoken and Written Narratives // Language. Vol. 58, No. 1 (Mar., 1982). P. 1–21.

9. *Redeker G.* On Differences between Spoken and Written Language // Discourse Processes. Vol. 7, No. 1 (1984). P. 43–55.

10. *Chafe W., Tannen D.* The Relation between Written and Spoken Language Source // Annual Review of Anthropology. Vol. 16 (1987). P. 383–407.

11. *Murray D.E.* The Context of Oral and Written Language: A Framework for Mode and Medium Switching // Language in Society. Vol. 17, No. 3 (Sep., 1988). P. 351–373.

12. *Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2 (март-апрель). С. 3–21.

13. Short M. Exploring the Language of Poems, Plays and Prose. London; New York: Longman, 1996. 309 p.

14. *Беньямин В.* Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и фр.; сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. 480 с.

15. *Елистратова А.А.* Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 472 с.

[1] Затем она эхом отзовется в лейтмотивном «вижу» в романе-воспоминании Бунина «Жизнь Арсеньева» (1930).

16. *Рогинская О.О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 235 с.

17. *Новожилова К.Р.* Лингвопрагматическая характеристика диалогичности в частной переписке И.В. Гёте // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 2. С. 136–143.

18. *Connaughton M.E.* Samuel Richardson's novels: style and the uses of literature. Indiana University, Ph.D., 1975. 209 p.

19. *Годвин У.* Калеб Уильямс / пер. с англ. А.М. Карнауховой. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. 392 с.

20. *Бронте Ш.* Джейн Эйр. Стихотворения / пер. с англ. М.: Худож. лит., 1990. 447 с.

21. *Бронте Энн.* Агнес Грей. Незнакомка из Уайлдфелл-Холла. Стихотворения / пер. с англ. М.: Худож. лит., 1990. 527 с.

22. *Диккенс Ч.* Большие надежды / пер. с англ. М. Лорие // Собр. соч.: в 30 т. / под общ. ред. А.А. Аникста, В.В. Ивашевой. М., 1960. Т. 23. 519 с.

23. *Ermarth E.D.* Realism and Consensus in the English Novel: Time, Space and Narrative. Edinburg University Press, 1998. 294 p.

24. *Венедиктова Т.Д.* Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000 / под ред. Л.Г. Андреева. М., 2001. С. 186–220.

25. *Laurence* Sterne in Modernism and Postmodernism / Ed. by Peter de Voogd, David Pierce. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi Bv Edition, 1996. 210 p.

26. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. с англ. В. Франковского. М.: Худож. лит., 1968.

27. *Бельский А.А.* Английский роман 1800–1810-х годов. Пермь, 1968.

28. *Шелли М.* Франкенштейн, или Современный Прометей / пер. с англ. З. Александровой. М.: Терра, 1995. 320 с.

29. *Соловьева Н.А.* История зарубежной литературы: Предромантизм. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 272 с.

30. *Сидорченко Л.В.* Сестры Бронте // История западноевропейской литературы. XIX век: Англия / под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. 544 с.

31. *Кеттл А.* Введение в историю английского романа / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. 448 с.

32. *Barreca R.* The Power of Excommunication: Sex and the Feminine Text in Wuthering Heights // Emily Brontë's Wuthering Heights / Ed. and with an introduction by Harold Bloom. Infobase Publishing, 2007. 203 p.

33. *Бронте Эмили.* Грозовой перевал. Стихотворения / пер. с англ. М.: Худож. лит., 1990. 430 с.

34. *Mundhenk R.* David Copperfield and "The Oppression of Remembrance" // Texas Studies in Literature and Language. Vol. 29. No. 3 Nineteenth-Century Fiction (FALL 1987). P. 323–341.

35. *Диккенс Ч.* Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим / пер. с англ. А.В. Кривцовой, Евгения Ланна // Собр. соч.: в 30 т. / под общ. ред. А.А. Аникста, В.В. Ивашевой. М., 1960. Т. 15. 526 с. Т. 16. 512 с.

ORAL AND WRITTEN MODES IN THE FIRST-PERSON RETROSPECTIVE ENGLISH NOVEL, 1700–1900

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 93–107. DOI: 10.17223/19986645/43/7

Ivan A. Avramenko, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: iavramenko@hse.ru

Keywords: historical narratology, oral, written and mental modes, English novel, Laurence Sterne, Mary Shelley, the Bronte sisters, Charles Dickens.

The article answers Monica Fludernik's call for developing diachronic narratology for which the author suggests a more suitable term in the framework of Russian tradition – historical narratology. This branch of narrative theory considers, among others, the issues of emergence, development and refunctionalization of certain narrative categories and techniques over time.

From discourse linguistics the author adapts the term "mode" to describe the differences between presenting the story in a novel in the form of a written document or an oral account – a feature which is sadly neglected by scholars of literature. The article is an attempt to trace various modifications of oral and written modes in the British novel across the period of late 17th – 19th centuries. The limitations for the research are the following: the novels are written in the first person, this person is a diegetic narrator, and there is a pronounced retrospective component in the novel.

The two modes are seen as poles of a continuum within which it is still possible to differentiate between four types of modal relations: the predominance of the oral mode, the predominance of the written mode, the neutralized mode, and the dual mode.

The predominance of the oral mode in a novel is comparatively rare and usually accompanies exotic, adventurous or fantastic storylines (Behn, Reid, Wells). It functions as a medium connecting the reader to the fictional world by modeling aural communication that "dissolves" the physical written text.

On the contrary, the written mode materializes the fictional world into the text of the book. This allows the reader to perceive the story as a part of his primary reality. Early English novel almost exclusively resorts to the written mode by imitating the forms of memoirs, diaries and letters (Defoe, Swift, Richardson and others).

There are some examples of the neutralization of modes in the Victorian age (Charlotte and Ann Bronte, Dickens), i.e. the reader cannot form a stable opinion of whether the story is fixed in any document or is narrated orally. The author attributes this to the Realist strategy.

The dual mode, when the features of both modes are combined in the same novel, can be traced across the studied period (Sterne, Mary Shelley, Emily Bronte). It seems to be a productive technique for the evolvement of the novel as a genre. At the same time its analysis helps to highlight both the writer's artistic idiosyncrasies and the period's tendencies.

The author concludes with the hypothesis of the emergence of another, mental, mode which reflects the processes of memory and remembrance as they appear in the narrator consciousness. It buds already in *David Copperfield* and blossoms in the 20th-century novel. Tuning the suggested typology by taking into account all three modes and the novels beyond the 19th century is the prospect of the research.

References

1. Fludernik, M. (2003) The Diachronization of Narratology: Dedicated to F. K. Stanzel on His 80th Birthday. *Narrative*. 11:3 (Oct.). pp. 331–348.

2. Tyupa, V.I. (2015) Logos narratsii: k proektu istoricheskoy narratologii [Logos of narration: the project of historical narratology]. *Narratorium*. 1 (8). [Online] Available from:http:// narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327. (Accessed: 25th May 2016).

3. Watt, I. (1957) *The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*. Berkley; Los Angeles: University of California Press.

4. Ong, W.J. (2002) *Orality and Literacy. The Technologizing of the Word*. London; New York: Routledge.

5. Jackson, T.E. (2009) *The Technology of the Novel: Writing and Narrative in British Fiction*. Baltimore: The John Hopkins University Press.

6. Wodzak, V. (1996) *Reading dinosaur bones: Marking the transition from orality to literacy in "The Canterbury Tales", "Moll Flanders", "Clarissa", and "Tristram Shandy"*. Ph.D. University of Missouri-Columbia.

7. Chafe, W. (1982) Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature. In: Tannen, D. (ed.) *Spoken and written language: Exploring orality and literacy*. Norwood: Ablex.

8. Tannen, D. (1982) Oral and Literate Strategies in Spoken and Written Narratives. *Language*. 58:1 (Mar.). pp. 1–21.

9. Redeker, G. (1984) On Differences between Spoken and Written Language. *Discourse Processes*. 7:1. pp. 43–55.

10. Chafe, W. & Tannen, D. (1987) The Relation between Written and Spoken Language Source. *Annual Review of Anthropology*. 16. pp. 383–407.

11. Murray, D.E. (1988) The Context of Oral and Written Language: A Framework for Mode and Medium Switching. *Language in Society*. 17:3 (Sep.). pp. 351–373.

12. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of classifying discourses]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–21.

13. Short, M. (1996) *Exploring the Language of Poems, Plays and Prose*. London; New York: Longman.

14. Benjamin, W. (2004) *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Masks of time. Essays on culture and literature]. Translated from German and French. St. Petersburg: Simpozium.

15. Elistratova, A.A. (1966) *Angliyskiy roman epokhi Prosveshcheniya* [English Enlightenment novel]. Moscow: Nauka.

16. Roginskaya, O.O. (2002) *Epistolyarnyy roman: poetika zhanra i ego transformatsiya v russkoy literature* [The epistolary novel: the poetics of the genre and its transformation in the Russian literature]. Philology Cnad. Diss. Moscow.

17. Novozhilova, K.R. (2015) Linguopragmatic characteristics of the dialogical function in the private letters of J. W. Goethe. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism.* 2. pp. 136–143. (In Russian).

18. Connaughton, M.E. (1975) *Samuel Richardson's novels: style and the uses of literature*. Ph.D. Indiana University.

19. Godwin, W. (1961) *Kaleb Uil'yams* [Caleb Williams]. Translated from English by A.M. Karnaukhova. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

20. Bronte, Sh. (1990) *Dzheyn Eyr. Stikhotvoreniya* [Jane Eyre. Poems]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

21. Bronte, A. (1990) *Agnes Grey. Neznakomka iz Uayldfell-Kholla. Stikhotvoreniya* [Agnes Grey. The Tenant of Wildfell Hall. Poems]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

22. Dickens, Ch. (1960) Bol'shie nadezhdy [Great Expectations]. Translated from English by M. Lorie. In: Anikst, A.A. & Ivasheva, V.V. (eds) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected Works in thirty volumes]. Vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

23. Ermarth, E.D. (1998) *Realism and Consensus in the English Novel: Time, Space and Narrative*. Edinburg: Edinburg University Press.

24. Venediktova, T.D. (2001) Sekret sredinnogo mira. Kul'turnaya funktsiya realizma XIX veka [The secret of the middle world. The cultural function of realism of the 19th century]. In: Andreev, L.G. (ed.) *Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000* [Foreign literature of the second millennium. 1000–2000]. Moscow: Vysshaya shkola.

25. Voogd, P. de & Pierce, D. (eds) (1996) *Laurence Sterne in Modernism and Postmodernism*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi Bv Edition.

26. Sterne, L. (1968) *Zhizn' i mneniya Tristrama Shendi, dzhentl'mena. Sentimental'noe puteshestvie po Frantsii i Italii* [The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. A Sentimental Journey Through France and Italy]. Translated from English by V. Frankovskiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

27. Bel'skiy, A.A. (1968) *Angliyskiy roman 1800-1810-kh godov* [English novel of the 1800s–1810s]. Perm: Perm State University.

28. Shelley, M. (1995) *Frankenshteyn, ili Sovremennyy Prometey* [Frankenstein, Or Modern Prometheus]. Translated from English by Z. Aleksandrova. Moscow: Terra.

29. Solov'eva, N.A. (2005) *Istoriya zarubezhnoy literatury: Predromantizm* [The history of foreign literature: pre-Romanticism]. Moscow: Akademiya.

30. Sidorchenko, L.V. (2004) Sestry Bronte [The Bronte Sisters]. In: Sidorchenko, L.V. & Burova, I.I. (eds) *Istoriya zapadnoevropeyskoy literatury. XIX vek: Angliya* [The history of Western literature. The 19th century: England]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Moscow: Akademiya.

31. Kettle, A. (1966) *Vvedenie v istoriyu angliyskogo romana* [Introduction to the history of the English novel]. Translated from English. Moscow: Progress.

32. Barreca, R. (2007) The Power of Excommunication: Sex and the Feminine Text in Wuthering Heights. In: Bloom, H. (ed.) *Emily Bronte's Wuthering Heights*. Infobase Publishing.

33. Bronte, E. (1990) *Grozovoy pereval. Stikhotvoreniya* [Wuthering Heights. Poems]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

34. Mundhenk, R. (1987) David Copperfield and "The Oppression of Remembrance". *Texas Studies in Literature and Language.* 29:3. pp. 323–341.

35. Dickens, Ch. (1960) Zhizn' Devida Kopperfilda, rasskazannaya im samim [Life of David Copperfield Told Himself]. Translated from English by A.V. Krivtsova and E. Lann. In: Anikst, A.A. & Ivasheva, V.V. (eds) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected Works in thirty volumes]. Vols 15–16. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

УДК 82.091
DOI: 10.17223/19986645/43/8

О.А. Богданова

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ И «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ГЕРМАНИИ[1]

Особое вниманиев статье уделено интерпретации концепта «земля» у Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского в литературно-критическом и историко-философском дискурсе идеологов немецкой «консервативной революции А. Мёллера ван ден Брука, О. Шпенглера, Т. Манна. В связи с этим рассмотрено участие Мережковского в «Полном собрании сочинений» Достоевского в Германии (1906–1919), а также издание ряда его оригинальных произведений в переводе на немецкий язык в мюнхенском издательстве «Пипер» в первой трети XX в.
Ключевые слова: *Д.С. Мережковский, Ф.М. Достоевский, «консервативная революция», А. Мёллер ван ден Брук, О. Шпенглер, Т. Манн, издательство «Пипер», «земля».*

До сих пор отсутствует «полный перечень написанного и опубликованного Мережковским <…>» [1. С. 5] не только на родном языке, но и в переводах на языки иностранные. В частности, нам неизвестна даже приблизительная библиография изданий Мережковского на немецком языке, хотя писатель-символист много и успешно публиковался в Германии в первой трети XX в. Выдающимися немецкими авторами (А. Мёллер ван ден Брук, Т. Манн, Г. Гейм и др.) неоднократно отмечено влияние, которое оказали на них его работы. Данная статья не стремится представить полную картину присутствия Мережковского в немецкоязычной культурной среде, так как для ее воссоздания требуется комплексное и масштабное исследование. Ее цель гораздо скромнее: осветить сотрудничество известного русского символиста с *одним* из немецких издательств первой половины XX в. – «Пипер-ферлаг» – и указать на *один* из аспектов влияния его изданий на немецкую культурфилософскую мысль 1910–1920-х гг. – рецепцию концепта «земля».

Хотя Мережковский печатал свои сочинения в нескольких немецких издательствах, «Пипер-ферлаг» занимает, пожалуй, первое место в деле продвижения его творчества в Германии в 1900–1930-х гг. Причем интерес к Мережковскому и его идеям возник на родине Ф. Ницше в русле увлечения Ф.М. Достоевским и его «революционным» романом «Бесы». Именно работы Мережковского о Достоевском, особенно о соотношении его идей и образов с русской революцией 1905–1907 гг., привлекли внимание немецкой интеллигенции и к оригинальному творчеству талантливого интерпретатора великого писателя.

Начало германской известности Мережковского связано с изданием в 1903 г. на немецком языке в лейпцигском издательстве Шульце его книги

[1] Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–02709).

«Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902)[1]. Здесь писатель-символист впервые высказал свое понимание концепта «земля», восходящее к Достоевскому. Оно было обусловлено идейно-мировоззренческим заданием автора: именно в объединенном исповедании дохристианской Матери-сырой земли и христианской Богородицы, услышанном им в речах Хромоножки, увидел Мережковский сущность проповедуемого им самим и предсказанного, по его мнению, Достоевским «нового религиозного сознания». Последнее, по Мережковскому, заключало в себе единство языческой «Святой плоти» и сугубого спиритуализма «исторического христианства», материальности и духовности, эллинства и христианства – в новой синтетической религии Святого Духа и «Святой плоти». Поэтому в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» образу Хромоножки было придано значение, явно превышавшее его сюжетно-композиционный масштаб в произведении Достоевского. Хромоножка выдвинулась в один ряд с такими героями, как Макар Долгорукий, старец Зосима и Алеша Карамазов. По мысли Мережковского, в них реализовывалось «религиозное ясновидение» [2. С. 244] писателя-пророка. Образ Марьи Лебядкиной трактовался критиком исключительно апологетически: она – воплощение земли, а «целование земли» и есть глубочайшее откровение подлинного учения Христова, суть которого – в слиянии «тайны земной со <…> звездною», в обретении «земли небесной и неба земного» [2. С. 259]. Таким образом, укрупнение образа Хромоножки по сравнению с его реальным местом в романе Достоевского связано с главной мыслью Мережковского – о необходимости синтеза христианства и язычества в «новом религиозном сознании» [2. С. 246].

В отличие от софиологов Вл.С. Соловьева, Вяч.И. Иванова, С.Н. Булгакова, считавших «падшую» эмпирическую землю лишь искаженным модусом ее первоначального софийного совершенства (см.: [3; 4; 5]), Мережковскому была присуща тенденция «отрицания» наличной, «ветхой» земли, характерная для ряда литераторов Серебряного века (Подробнее см.: [6]). Писатель нередко создавал образы так называемой «злой» земли, препятствующей духовным поискам «человека культуры». Например, в главах романа «Петр и Алексей» (1905), посвященных раскольникам-самосожженцам, «старая, языческая земля» [2. С. 259] предстает как «наваждение бесовское» [7. Т. 2. С. 654]. Герой-богоискатель Тихон Запольский, подобно Алеше Карамазову, молится земле, целует землю, чтобы обрести Бога, силу жить и действовать, но, в отличие от героя Достоевского, не находит искомого. Каждый раз после «кощунственной», по авторской оценке, молитвы «сырой Земле Матери» Тихон встречает Софью как олицетворение этой земли. Уже накануне самосожжения Софья и земля, укрывающая их чету высокими травами, вся природа – сливаются для него воедино: «…ему казалось, что лес и трава, и земля, и воздух, и небо – все горит огнем последнего пожара, которым должен истребиться мир, – огнем красной смерти. Но он уже не боялся и верил, что краше солнца Красная Смерть» [7. Т. 2. С. 672]. Если у Достоевского земля всегда была воплощением настоящей, полной, реально существующей правды о жизни («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и др.), то у

[1] Пер. с рус. Карла Гутшова.

Мережковского, как видим, совсем не так. Потому и у хлыстовской богородицы Акулины Мокеевны перед преступным жертвоприношением младенца голос «глухой и таинственный, как будто говорила сама “Земля-Земля, Мати сырая”» [7. Т. 2. С. 739]. В то же время «на одном из собраний Религиозно-философского общества Мережковский сказал, что земля есть место подготовки не только для неба, но и для новой, справедливой жизни на земле» [8. С. 394], т. е. утвердил ее хилиастическую ценность. Тоска по «святой земле, святой плоти» [9. С. 149] одушевляет, в частности, статью «Пророк русской революции» (1906). А в одной из публицистических работ, вошедших в сборник «Больная Россия» (1910), – «Земля во рту» – земля понята им исключительно как «могильная», удушающая дух стихия [10. С. 199]. Из приведенных примеров вырисовывается неоднозначное, дихотомическое отношение Мережковского к земле: отрицательное – как к языческой данности, враждебной подлинной культуре и потому подлежащей уничтожению в очистительном апокалипсическом огне «религиозной революции»; положительное – как к хилиастическому «стану святых» (Откр. 20: 8), как к модификации «Святой плоти» в чаемом синтезе язычества и христианства грядущего Третьего Завета – царства Святого Духа.

Обратимся к истории издания в «Пипер-ферлаг» первого Полного собрания сочинений Достоевского на немецком языке. В 1905 г. А. Мёллер ван ден Брук – немецкий историк, критик, публицист, будущий идеолог «консервативной революции» и автор одиозного сочинения «Третий рейх» (1923), проживавший в то время в Париже, – убедил начинающего мюнхенского издателя Р. Пипера в перспективности выпуска Собрания сочинений Достоевского. Вскоре после начала издания Мёллер заручился поддержкой Мережковского как знатока творчества русского гения. 16 (29) сентября 1906 г. автор «Л. Толстого и Достоевского» писал вдове писателя из Парижа: «<…> в Германии выходит новое великолепное издание Достоевского – и я участвую в этом издании» (цит. по: [11. С. 247]). Д.В. Философов, также первоначально привлеченный к пиперовскому проекту, высылая ей проспект начавшегося издания, подробно описал историю зарождения этого важнейшего для продвижения Достоевского на Запад предприятия[1] в письме Анне Григорьевне из Парижа от 19 октября (1 ноября) 1907 г.: «Дело было так. Прошлой осенью (т.е. в 1906) явился к нам в Париже немецкий критик Moeller van den Bruck с предложением принять участие в издании, которое начало уже выходить (“Бесы” уже были напечатаны) и программа которого *была уже установлена*. Мы заявили, что хорошо было бы привлечь к этому делу большое количество лиц, распределить между ними отдельные томы и поручить каждому снабдить эти томы не только введением, но и примечаниями, необходимыми для иностранной публики. Мы имели в виду привлечь Булгакова, Волжского, Розанова, Бердяева и др. Из этого прожекта ничего не вышло <…> участие наше ограничивается всего кратенькими вводными предисловиями» (цит. по: [11. С. 248]). Действительно, Мережковскому принадлежат

[1] Именно это издание стало основой для небывалой популярности Достоевского в Германии в 1920–1930-е гг. и колоссального воздействия идей и образов русского писателя на европейскую культуру названных десятилетий.

лишь 4 введения к следующим последовательно выходившим томам: 13-му («Статьи о политике», 1907), 1–2-му («Родион Раскольников», 1908), 9–10-му («Братья Карамазовы», 1908), 7–8-му («Подросток», 1915). Львиная доля статей написана самим Мёллером ван ден Бруком.

Состав томов и содержание вводных статей определялись отнюдь не стремлением как можно более адекватно представить русского классика немецкому читателю, но философско-исторической концепцией вдохновителя издания Мёллера ван ден Брука. Его предисловия к каждому тому имели не научный, а публицистический характер. При этом знакомство с работами Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» и «Пророк русской революции» отчетливо ощущается во многих предисловиях немецкого критика к томам пиперовского собрания. «В своих вступительных эссе “коллеги по цеху” задались целью не только передать свое отношение к творчеству Достоевского, но и раскрыть мысль о религиозной миссии русского народа. Мережковский продолжал развивать идею о грядущей гармонии духа и плоти, “истины неба и истины земли”; анализом “символического” и “чувственного” – западноевропейского и славянского мировосприятий – занимался А. Мёллер <…> Достоевский предстал в их интерпретации <…> как религиозный мыслитель и мистик» [12. С. 175]. Вообще «в целом ряде случаев прослеживается зависимость взглядов Мёллера от более ранних работ его старшего партнера. В определенном смысле Мережковский мог бы претендовать на соавторство с Мёллером в выработке немецкого мифа о “русской душе” и немецкой идеи “консервативной революции”» [13. С. 133], очертания которой возникали в предисловиях обоих критиков к пиперовскому Достоевскому с 1906 по 1919 г.

Сама последовательность первого издания и компоновка томов показывают, что немцы искали у Достоевского историософские ответы на вопросы, поставленные Русской революцией 1905–1907 гг. и войной 1914–1918 гг., в первую очередь – о путях и возможностях сохранения народной силы и энергии, народного духа с его мистико-мифологическим богатством, традиционно привязанным к родной земле, в условиях экспансии массовой буржуазно-либеральной городской цивилизации, приводившей цветущее многообразие исторических народов к общему знаменателю безликой меркантильности и бессильной, мелкой повседневности.

И здесь важнейшее значение приобретает ключевой для русской ментальности концепт «земля», имеющий как языческие, так и христианские коннотации. В интерпретации Мережковского очевидна, с одной стороны, актуализация языческих смыслов, которые перекликались с популярным у немцев учением Ницше, с другой – мистико-хилиастических, которые способствовали разработке апокалипсического образа Третьего рейха как «тысячелетнего царства» на земле. Последнее предваряло концепции авторитетных в Германии 1910–1920-х гг. идеологов «консервативной революции»: А. Мёллера ван ден Брука, О. Шпенглера, близкого к ним в ту пору Т. Манна и др.

Помимо участия в немецком Полном собрании сочинений Достоевского в 1906–1919 гг., Мережковский с 1907 по 1938 г. выпустил в издательстве

«Пипер» 10 книг (см.: [14. С. 158–159]). Перечислим их в хронологическом порядке, взяв за основу год выхода первого издания:

1. Грядущий Хам. В пер. и с предисл. Харальда Хоершельмана. 131 с. Издания: 1907.

2. Царь и революция. Вместе с З. Гиппиус и Д. Философовым. 205 с. Издания: 1908 (дважды). Книга переведена с фр. Переводчик не указан. В этой книге Мережковскому принадлежит уже прежде опубликованная на русском языке статья «Революция и религия».

3. Юлиан Отступник: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 342 с. Издания: 1911, 1922, 1924, 1927, 1951.

4. Леонардо да Винчи: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 694 с. Издания: 1911, 1916, 1920, 1922, 1922, 1924, 1925, 1930.

5. Вечные спутники. Пер. А. Элиасберга. 372 с. Издания: 1915, 1919, 1922, 1924.

6. Александр I: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 535 с. Издания: 1917, 1925, 1947.

7. От войны к революции. Один невоенный дневник. Пер. А. Цукера. 176 с. Издания: 1918, 1919.

8. На пути в Эммаус: Сб. эссе. Сост. и пер. А. Элиасберга. 255 с. (Включая «Пророка русской революции», с. 42–92). Издания: 1919.

9. Петр и Алексей: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 549 с. Издания: 1924.

10. Франциск Ассизский: Историческое эссе. Пер. Э. Кэррик. 299 с. Издания: 1938.

В них концепту «земля» заметное внимание уделено в статьях «Грядущий Хам» (1905), «Пророк русской революции» (1906), «Революция и религия» (1907), а также в эссеистических сборниках «На пути в Эммаус» (статьи из русскоязычного сборника «Было и будет. Дневник 1910–1914», изданного в Петрограде в 1915 г.) и «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917). Из романов о русской жизни, которые могли оказать влияние на деятелей «консервативной революции», о земле достаточно много говорится в «Александре I» (1913). «Петр и Алексей» издан в «Пипер-ферлаг» только в 1924 г., когда концепция земли у идеологов «консервативной революции» уже была сформирована.

Конкретизируем понятие Мережковского о земле, встающее из перечисленных сочинений. В «Грядущем Хаме» – уже знакомая нам двойственность отношения: с одной стороны, как к «Святой плоти» («земля» и «народ» – одно из трех начал «духовного благородства», противостоящего «духовному мещанству»), с другой – как воплощению мещанского «серединного» царства бездуховности, насущных материальных нужд, обыденщины (в словах о «*китайской неподвижности*» «русской избы») (см.: [15. С. 25, 10]). В последнем случае «отрицание» земли как олицетворения «мещанства» и «хамства» у Мережковского – это, по сути дела, прозорливое предупреждение русского мыслителя о надвигающейся опасности «омассовленного атеистического сознания» [17. С. 146], захлестнувшего Европу XX в. Здесь Мереж-

ковский выступил предшественником идей О. Шпенглера о культуре и цивилизации, Х. Ортеги-и-Гассета о «восстании масс» и мн. др.

В «Пророке русской революции» обличается «ошибочное» в*и*дение Достоевским России как «святой Божьей земли <…> сырой земли-матери, которая там, на последней черте горизонта, соединяется со святым Божьим небом» [10. С. 122]. Реальная народная Россия, по Мережковскому, была носительницей лишь языческих смыслов и русский крестьянин был христианином лишь по названию. «*Только* земля (курсив мой. – *О.Б.*)» [10. С. 142], без стремления к небу, достойна, по логике Мережковского, огненной апокалипсической гибели, так как является антитезой духу, движению, подлинной жизни.

Творчески развивая учение св. Иоахима Флорского о трех эпохах в развитии религии Святой Троицы (в последовательной смене эр Отца, Сына и Святого Духа), Мережковский в «Пророке русской революции» писал, что будущее «откровение Св<ятого> Духа – святая плоть, святая земля, святая общественность – теократия, церковь как царство, не только небесное, но и земное <…>» [9. С. 149]. Реальную же Россию, как и всякое «царство на земле», «историческое христианство» отдало «Князю мира сего» (см.: [17. С. 182]), т.е. Сатане. Софиологическую формулу Достоевского из «Бесов» – «Богородица – великая мать сыра земля есть» [18. С. 116] – Мережковский толковал в духе своей концепции Третьего Завета: это не наличная эмпирическая земля, но «Святая плоть» апокалипсического «тысячелетнего царства» во главе с Христом. Если Россия когда-нибудь и сможет достичь такого состояния, то только пройдя сквозь «смерч» «религиозной революции» (см.: [17. С. 212–213]), считал автор статьи «Революция и религия».

В беллетристической форме те же идеи о земле выражены в романе «Александр I». Сборники «Было и будет. Дневник 1910–1914 гг.» (1915) и «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917) в целом варьировали уже изложенное.

Обрисованный круг мыслей о земле был по-своему воспринят и трансформирован внимательными немецкими читателями Достоевского и Мережковского – участниками движения «консервативной революции» конца 1910-х–1920-х гг., прежде всего Мёллером ван ден Бруком (помимо предисловий к Полному собранию сочинений Достоевского, в статье «Право молодых народов» 1918 г., книге «Третий рейх» 1923 г. и др.) и Шпенглером (в книге «Закат Европы» 1918–1922 гг. и др.). Отклик на них прозвучал и в выступлениях близкого в ту пору к консервативно-революционным кругам Т. Манна (в статьях «Русская антология» 1921 г., «Пролог к музыкальному празднику в честь Ницше» 1924 г. и др.).

Главным концептом в идеологии германской «консервативной революции» была укорененная в земле, почве и объединенная общей кровью «нация». По Мёллеру ван ден Бруку, она должна была противостоять космополитичной массе безземельного, беспочвенного «пролетариата», «излишнего» на перенаселенной немецкой земле, путем приобщения его к национальным традициям и ценностям. Включение представителей «пролетарской массы» [17. С. 260] в «нацию» возможно посредством наделения землей тех территорий, которые будут захвачены немцами у других, «дряхлых» западноевро-

пейских народов, а также у России, народ которой должен уйти на Восток, в необозримые просторы Азии, принадлежащие ему по «праву молодого народа», как немцам – такому же «молодому народу» – бывшие русские земли в Европейской России (см.: [20. S. 10, 99–113]).

Историософский смысл мёллеровской «консервативной революции» – в попытке повернуть назад запущенный с конца XVIII в. развитием капитализма и либерализма в Европе процесс ведущей к тоталитаризму массовизации исторических народов, когда-то объединенных общим «преданием», неутилитарными метафизическими ценностями. Возвращение к национальным истокам – героической мифологии, самобытному языческому культу своей земли – должно было возродить распылявшийся национальный дух. «Есть свой смысл в том, что имеются немцы, которые погружаются в средневековое, сословное, мистическое состояние. Или даже еще глубже – в архаичное и мифическое состояние, в котором они ищут начала, каковые мы могли бы снова использовать. Есть свой смысл в том, что имеются немцы, которые предпочитают западничеству, прогрессу и цивилизации доисторические культы», – писал Мёллер в «Третьем рейхе» [19. С. 355].

Это движение в Германии было начато еще во второй половине XIX в. Р. Вагнером и Ф. Ницше. Мёллеровский антипрогрессизм, по сути, то же ницшеанское «вечное возвращение», призыв к мифологическому циклическому миропониманию, основа которого – природный культ матери-земли. Вспомним известные слова ницшевского Заратустры: «*оставайтесь верны земле*», его многократные призывы «любить землю», «смысл» которой – в рождении «сверхчеловека» [21. Т. 2. С. 8, 53–55].

В книге «Третий рейх» Мёллер, явно вслед за Мережковским, связал концепцию своего Третьего царства с учением средневекового монаха Иоахима Флорского, в котором вся история делилась на три части – эпохи Отца, Сына и Святого Духа. Третий Рейх, по мысли Мёллера, должен стать Царством Святого Духа, а принадлежащая ему земля, соответственно, «Святой плотью». Отсюда возвышение немецкого крестьянства как стержня нации. Третий рейх в представлении Мёллера ван ден Брука – это конечная цель «младоконсервативной революции» (явного коррелята «религиозной революции» Мережковского), воплощение хилиастической утопии о Третьем Царстве как «пророчестве» о единственно возможном «Абсолюте» [19. С. 363], противостоящем современной Мёллеру либерально-индустриальной цивилизации, породившей безликую массу.

Отличие от Мережковского здесь прежде всего в том, что Мёллер возвысил традиционный языческий культ матери-земли как национальную ценность, развив отвергнутую Мережковским в «Пророке русской революции» шатовскую концепцию земли и народа, создающего собственных, «почвенных» богов, которая была выдвинута Достоевским в романе «Бесы» как одна из идей Антихриста-Ставрогина. Реальное отношение Достоевского к народу нельзя назвать однозначным. Да, это «богоносец», но в то же время и «зверь», и даже «нигилист». Причем первое определение русского народа появилось в устах таких разных героев писателя, как Шатов («Бесы») и старец Зосима («Братья Карамазовы»), а не в собственно авторском дискурсе. В обоих случаях оно имело неодинаковый смысл: «человекобожеский» у Ша-

това и православно-святоотеческий у Зосимы, которые обычно смешивались в сознании читателей первых десятилетий XX в. Мысль самого Достоевского о «богоносности» русского народа нельзя отождествлять с идеей Ставрогина-Шатова, близкой не к церковному, а к народному православию (подробнее см.: [22]) и даже к язычеству. В структуре «Бесов» теория Шатова – одно из трех антиномичных идейных построений, внушенных разным лицам главным героем романа Ставрогиным – человеком, верующим в беса и не верующим в Бога, по сути дела – Антихристом. Экзистенциальный крах самого Ставрогина – источника этой идеи, несуразность жизни и гибель Шатова, «съеденного» этой идеей, свидетельствуют о том, что она отнюдь не проистекает из авторского мировоззренческого плана.

В концепции Мёллера произошло смешение шатовского языческого «народобожия» и мечты об универсальном «Царстве Божием на земле», что во многом и породило ее будущую востребованность нацистской идеологией в Германии. Впрочем, Мережковский также не делал различия между собственной позицией Достоевского и идеями его героя Шатова. Отсюда резкая критика автора «Бесов», прозвучавшая в статье русского эссеиста: «<…> Ставрогин и Шатов, а вместе с ними, кажется, и сам Достоевский смешивают оба откровения («Человекобожества» и «Богочеловечества». – *О.Б.*) в соблазнительном учении о новом Израиле, русском народе-богоносце, в учении о народобожестве, которое есть скрытое человекобожество: делать Богом народ, или даже весь род человеческий, – такое же отступление от истинного Бога, как делать человека Богом» [9. С. 134]. Мёллер же, напротив, принял, как ему казалось, эстафету у Достоевского, на деле став пленником разоблаченной русским писателем «антихристовой» националистической идеи Ставрогина, «съевшей» Шатова. Как справедливо заметил современный исследователь, «своей интерпретацией Достоевского Мёллер раскрыл некий взрывоопасный потенциал, который содержало послание о “народе-богоносце”. Об опасности такого прочтения Достоевского предупреждал не кто иной, как Д.С. Мережковский. В своей статье о “пророке” русской революции он указывал на заключенный в идеях Достоевского “соблазн”, поясняя, что проложенный им “единственный путь ко Христу Грядущему – ближе всех путей к Антихристу”, и подчеркивая опасность спутать то Царство Третьего Завета, о котором якобы пророчествовал Достоевский, с идеей обожествленного государства» [13. С. 136].

В знаменитой книге Шпенглера «Закат Европы» также чувствуется «русский след», в том числе и в понимании концепта «земля». Как известно, философ был внимательным читателем немецкого Полного собрания сочинений Достоевского с предисловиями Мёллера и Мережковского (см.: [23. С. 549]). В своем фундаментальном противопоставлении культуры и цивилизации (читай: народа и массы, или, по Мережковскому, «духовного благородства» и «духовного мещанства», «хамства» (см.: [15. С. 25]) Шпенглер нашел место для земли как собственности крестьянства лишь в «предкультурном» периоде национального развития: «…все великие культуры – культуры городские», но культ матери-земли – «<…> предварительное условие всякой культуры, которая опять-таки сама, подобно растению, вырастает из своего материнского ландшафта, углубляя душевную привязанность человека к почве» [24. Т. 2.

С. 92]. Поэтому связанный с землей городской период, период культуры как таковой, – это состояние «народа», «нации». Безземельное кочевничество и поздняя городская (мегаполисная) беспочвенность – это, по Шпенглеру, состояния *до* и *после* культуры. Последнее означает период цивилизации, связанный с господством космополитичной массы. Шпенглер подчеркивал характерную для всех «высоких культур» «тесную привязанность к земле»: «…у всех выразительных образований этих культур имеется *родной ландшафт,* и, подобно тому, как город, храм, пирамида и собор *должны* также и завершить свою историю там, где возникла их идея, так и великая религия всякого раннего времени всеми корнями существования связана с той землей, над которой вознеслась ее картина мира» [24. Т. 2. С. 288].

Здесь, как и в случае с Мёллером ван ден Бруком, отчетливо просматривается аллюзия на шатовскую концепцию земли и порождаемого ею «почвенного», народного бога. Как и Мёллер, Шпенглер не воспринял «мережковского» отрицания земли, видимо, потому, что вслед за Ницше положительно отнесся к языческому субстрату национальной религии и отрицательно – к близкому Мережковскому христианскому универсализму. Тем не менее «совершенная культура» у Шпенглера очевидным образом связана с народным почитанием земли и, таким образом, соотносится с мёллеровским, а значит и «мережковским», идеалом Третьего царства. Однако в самой России, по Шпенглеру, культура как таковая еще не родилась, она все еще находится «в материнском лоне родной земли» из-за отсутствия на ней органически возникших городов. Поэтому Достоевский – «подлинный русский», в понимании автора «Заката Европы», – «был крестьянин», который «никогда не мог внутренне освободиться от земли». А Толстой, как «человек из общества мировой столицы», «несмотря на все свои отчаянные попытки, так этой земли и не нашел» [24. Т. 2. С. 199]. Неудивительно, что именно Достоевский – в основании будущей русской культуры и религии. Здесь налицо переосмысление тезисов ранней книги Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», где первый из русских гениев назван близким к земле «тайновидцем плоти», а второй – устремленным в небо «тайновидцем духа» (см.: [2. С. 142]).

В изложенной концепции так же, как у Мёллера ван ден Брука, не видно следов софийного понимания земли у Достоевского. Очевидно, что Шпенглер воспринимал автора «Бесов» сквозь призму Мережковского с его дихотомической оппозицией «злой» (эмпирической) и «святой» (хилиастической) земли, что не исключало полемического отношения к некоторым тезисам автора «Пророка русской революции».

Томас Манн прямо указал на огромное значение Мережковского для формирования собственных взглядов: «Дмитрий Мережковский! Самый гениальный критик и психолог мирового класса со времен Ницше! Мережковский, чья книга о Толстом и Достоевском произвела на меня в двадцать лет столь неизгладимое впечатление и чей тоже совершенно бесподобный труд о Гоголе буквально ночует у меня на столе!» [25. С. 74]. А увидеть в Достоевском «глубокий и преступный лик святого» [25. С. 77] – явная аллюзия на характеристику Мережковского, данную великому русскому писателю еще в 1905 г.: «<…> бывший петрашевец и каторжник, будущая противоестествен-

ная помесь реакционера с террористом, полубесноватый, полусвятой, Федор Михайлович Достоевский» [15. С. 19].

Связав влияние «русской души» на поколение немцев рубежа XIX–XX вв. с воздействием Ницше, Манн тем самым обозначил свою зависимость от взглядов Мережковского на землю. Ведь не секрет, что последний считал Ницше «человеком <…> неимоверной культурной и религиозной силы» [2. С. 142], который, будучи «совершеннейшим выразителем <…> антихристианской культуры» [2. С. 150], тем не менее «своими откровениями нового оргиазма, “святой плоти и крови”, воскресшего Диониса» указал на необходимость отказа от «исторического христианства» с его «аскетическим противоположением “чистого духа” “нечистой плоти”» и обращения к новой идее – «*о мистическом единстве <…> равноценности, равносвятости* Духа и Плоти» [2. С. 150, 148]. В «Л. Толстом и Достоевском» еще можно найти мысль о присутствии «Святой плоти» в учениях «бесконечно верных земле» «великих язычников» Л. Толстого и Ницше [2. С. 260]. Однако с углублявшимся обращением к христианству в 1900-е гг. Мережковский, как мы видели, от этих воззрений отошел. Кроме того, Манн практически отождествил Ницше и Мережковского в их стремлении к «новой религиозности, новому “смыслу земли”» и к «освящению плоти во имя “Третьего царства”, о котором говорил Генрик Ибсен в своей религиозно-философской драме[1] <…> Это царство – синтез просвещения и веры, свободы и оков, духа и плоти, “Бога” и “мира”. И нам кажется, что борьба за это “царство”, за новую человечность и новую религию, за оплощение духа и одухотворение Плоти <…> нигде не шла более отважно и искренне, как в русской душе» [25. С. 75]. Всячески приветствуя принесенную Ницше «радостную весть о новом завете между человеком и землею» [26. С. 114], Манн солидаризировался с «мережковским» учением о земле как «Святой плоти» в царстве Третьего Завета.

Итак, обращавшиеся к Достоевскому немецкие мыслители, связанные с течением «консервативной революции» конца 1910-х–1920-х гг., восприняли важнейший концепт великого русского писателя – «земля» – сквозь дихотомическое, распадавшееся на противоположности в*и*дение Мережковского, а не через цельное софийное истолкование Вл.С. Соловьева, Вяч.И. Иванова и С.Н. Булгакова. Понятие русского мыслителя о земле не только вошло в созданную ими мифологему Третьего рейха, но стало средством борьбы с массовым обществом – «грядущим хамством», по точному выражению Мережковского.

Литература

1. *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского. Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

2. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 5–350.

3. *Соловьев Вл.С.* Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев Вл.С. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 3. С. 219–223.

[1] Имеется в виду драматическая дилогия Г. Ибсена «Кесарь и галилеянин» (1873).

4. *Иванов Вяч.И.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”» / публ., вступ. ст. и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 144–154.

5. *Булгаков С.Н.* Отдел второй. Мир. II. Софийность твари // Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001. С. 329–431.

6. *Богданова О.А.* Мотив «отрицания земли» в критике и прозе русских символистов // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 238–255.

7. *Мережковский Д.С.* Антихрист. Петр и Алексей: роман // Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 319–759.

8. *Лосский Н.О.* История русской философии / пер. с англ. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.

9. *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции: (К юбилею Достоевского) // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 120–152.

10. *Мережковский Д.С.* Земля во рту // Мережковский Д.С. Больная Россия: избр. Л., 1991. С. 189–200.

11. *Из архива* А.Г. Достоевской / публ. Э. Гарэтто // Минувшее: ист. альм. Вып. 9. М., 1992. С. 235–293.

12. *Пчелина О.В.* Д. Мережковский и А. Мёллер ван ден Брук: путь к Третьему царству // Электронный журнал «Вестник Московского гос. обл. ун-та». Философия. 2011. № 3. С. 173–181.

13. *Алленов С.Г.* Русские истоки немецкой “консервативной революции”: Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 123–138.

14. *Garstka, Christoph.* Arthur Möeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E.K. Rahsin. Mit ausführlicher Bibliographie. Geleitwort von Horst-Jürgen Gerigk. Frankfurt am Main [u.a.]. 1998. 170 S. = *Гарстка, Кристоф*. Артур Меллер ван ден Брук и первое немецкое собрание сочинений Достоевского в издательстве «Пипер» 1906-1919: с комментариями и вводными статьями Артура Меллера ван ден Брука и Дмитрия Мережковского, с использованием неизданных писем. Переводчица Е.К. Разин. С подробной библиографией. Предисловие Хорста-Юргена Геригка. Франкфурт-на-Майне [и др.], 1998. 170 с.

15. *Мережковский Д.С.* Грядущий Хам // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 4–26.

16. *Корецкая И.В.* «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 136–149.

17. *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 174–212.

18. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 520 с.

19. *Мёллер ван ден Брук А.* Третья империя // Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А. Миф о вечной империи и Третий рейх / пер. с нем. А. Васильченко. М., 2009. С. 112–364.

20. *Möeller van den Bruck, Arthur.* Das Recht der jungen Völker. München: R. Piper, 1919. 120 S. = *Мёллер ван ден Брук, Артур.* Право молодых народов. Мюнхен: Р. Пипер, 1919. 120 с.

21. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. / пер. с нем., сост., ред. и авт. примеч. К. Свасьяна. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 5–237.

22. *Бузина Т.В.* Православие и проповедь истинной веры: Достоевский, Шатов и духовные стихи // Достоевский и мировая культура. Вып. 17. М., 2003. С. 110–124.

23. «*Закат* Европы» как закат патриархальной культуры?:(Переводчица Достоевского Лесс Кэррик в переписке с Освальдом Шпенглером) / вступ. заметка, пер. с нем. и примеч. Г.Е. Потаповой // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 548–588.

24. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.

25. *Манн Т.* Русская антология // Манн Т. Аристократия духа: сб. очерков, статей и эссе / пер. с нем. С.К. Апта, В.М. Бакусева и др. М., 2009. С. 69–80.

26. *Манн Т.* Пролог к музыкальному празднику в честь Ницше // Манн Т. Аристократия духа: сб. очерков, статей и эссе / пер. с нем. С.К. Апта, В.М. Бакусева и др. М., 2009. С. 111–114.

D.S. MEREZHKOVSKY AND THE "CONSERVATIVE REVOLUTION" IN GERMANY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 108–121. DOI: 10.17223/19986645/43/8

Olga A. Bogdanova, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgabogda@yandex.ru

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Fyodor Dostoevsky, Piper Publisher, "earth", "Conservative Revolution", A. Möeller van den Bruck, Oswald Spengler, Thomas Mann.

The article considers an important aspect of Russian-German cultural relations – the participation of the outstanding Russian writer-symbolist Dmitriy Merezhkovsky in the activities of the renowned Munich publishing house Piper in the first third of the 20th century: first, as one of the editors of the *Complete Works* of Fyodor Dostoevsky in Germany (1906–1919); secondly, as the author of original works: novels, collections of articles and essays (1907–1938).

Interest in the works of Merezhkovsky in Germany arose in the wake of Dostoevsky's enthusiasm, after the publication of the German translation of the critical-biographical study *L. Tolstoy and Dostoevsky* (1903). The mastermind of the German *Complete Works* of Dostoevsky Arthur Möeller van den Bruck wrote his conceptual prefaces to the volumes of the publication under the direct influence of the ideas of the talented interpreter of the great Russian writer, though differed with him in a number of judgments. Only four introductory articles in four volumes belong to Merezhkovsky. In fact, he can claim co-authorship with Möeller in the development of the German myth of the "Russian soul" and the "Conservative Revolution", the outlines of which appeared in the prefaces of both critics to the Piper edition of Dostoevsky.

Special attention is paid to the analysis of the intercultural translation of the concept "earth", key for the Russian mentality. Its ambiguous and multidimensional semantics in the works of Dostoevsky was interpreted in two ways by the Russian religious-philosophical thought: on the one hand, in the sophiological key (Vladimir Solovyov, Vyacheslav Ivanov, Sergey Bulgakov etc.), on the other hand, in the dichotomous one, tottering on the contrary vision of Dmitriy Merezhkovsky. Unlike adherents of sophiology who considered "fallen" empirical earth only as a temporarily distorted modus of its original sophistic perfection, Merezhkovsky had an ambiguous attitude to earth: negative – as a pagan element, hostile to true culture and therefore to be destroyed in the cleansing fire of the apocalyptic "religious revolution"; positive – as to the chiliastic "camp of God's people" (Rev. 20: 9), as to the modification of the "Holy flesh" in the expected synthesis of paganism and Christianity of the coming Third Testament – the Kingdom of the Holy Spirit.

The presence of Merezhkovsky in the German cultural environment of the first two decades of the 20th century was noticeable; and such figures of the "Conservative Revolution" of the late 1910s–1920s as Arthur Möeller van den Bruck, Oswald Spengler and Thomas Mann embraced Dostoevsky and his myth of the "earth", which is particularly strongly associated with the Lame (*Demons*) and Alyosha Karamazov (*The Brothers Karamazov*), through the prism of Merezhkovsky's opinions rather than through the integral sophiological interpretation of the followers of Vladimir Solovyov. The concept of the Russian thinker about the earth not only entered their mythology of the Third Reich, but also became the tool of struggle against mass society – the "upcoming" and then the "triumphant" "rudeness", in Merezhkovsky's words.

References

1. Kholikov, A.A. (2014) *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochineniy Dmitriya Merezhkovskogo. Tekstologiya, istoriya literatury, poetika* [Lifetime complete works of Dmitry Merezhkovsky. Textual criticism, literary history, poetics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

2. Merezhkovsky, D.S. (1955) *L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow: Respublika.

3. Solov'ev, Vl.S. (1911–1914) Zametka v zashchitu Dostoevskogo ot obvineniya v "novom" khristianstve [Note in Dostoevsky's defense against the charge of "new" Christianity]. In: Solov'ev, S.M. & Radlov, E.L. (eds) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Works: in 10 vols]. 2nd ed. Vol. 3. St. Petersburg.

4. Ivanov, V.I. (1994) Doklad "Evangel'skiy smysl slova "Zemlya"" [The New Testament meaning of the word *Earth*]. In: Obatnin, G.V. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1991]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.

5. Bulgakov, S.N. (2001) *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplations and Speculations]. Moscow: Folio.

6. Bogdanova, O.A. (2015) Motiv “otritsaniya zemli” v kritike i proze russkikh simvolistov [The motif of “negation of the earth” in the criticism and prose Russian Symbolists]. In: Toporkov, A.L. (ed.) *“Vechnye” syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* [“Eternal” themes and images in literature and art of Russian modernism]. Moscow: Indrik.

7. Merezhkovsky, D.S. (1990) Antikhrist. Petr i Aleksey: Roman [Antichrist. Peter and Alex: A Novel]. In: Merezhkovsky, D.S. *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda.

8. Lossky, N.O. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. Translated from English. Moscow: Sovetskiy pisatel’.

9. Merezhkovsky, D.S. (2004) Prorok russkoy revolyutsii (K yubileyu Dostoevskogo) [The Prophet of the Russian Revolution (To the anniversary of Dostoevsky)]. In: Nikolyukin, A.N. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow: Respublika.

10. Merezhkovsky, D.S. (1991) *Bol’naya Rossiya: Izbrannoe* [Sick Russia: Selected works]. Leningrad.: Leningrad State University.

11. Garetto, E. (1992) Iz arkhiva A.G. Dostoevskoy [From the archive of A.G. Dostoevskaya]. *Minuvshee: Istoricheskiy al’manakh*. 9. pp. 235–293.

12. Pchelina, O.V. (2011) D. Merezhkovskiy i A. Meller van den Bruk: put’ k Tret’emu tsarstvu [D. Merezhkovsky and A. Möeller van den Bruck: the path to the Third Kingdom]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow State Regional University.* 3. pp. 173–181.

13. Allenov, S.G. (2001) Russkie istoki nemetskoy “konservativnoy revolyutsii”: Artur Meller van den Bruk [Russian origins of the German “Conservative Revolution”: Arthur Möeller van den Bruck]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 123–138.

14. Garstka, Ch. (1998) *Arthur Möeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E.K. Rahsin* [Arthur Möeller van den Bruck, and the first German collection of Dostoevsky’s works in the Piper Publishing House 1906–1919: commentary and introductory articles of Arthur Möeller van den Bruck and Dmitry Merezhkovsky, using unpublished letters. Translated from Russian by E.K. Razin]. Frankfurt.

15. Merezhkovsky, D.S. (2004) Gryadushchiy Kham [The coming Savage]. In: Nikolyukin, A.N. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow: Respublika.

16. Koretskaya, I.V. (1999) “Gryadushchiy Kham” Merezhkovskogo: tekst i kontekst [The coming Savage by Merezhkovsky: text and context]. In: Keldysh, V.A. et al. (eds) *D.S. Merezhkovskiy: mysl’ i slovo* [D.S. Merezhkovsky: thought and word]. Moscow: Nasledie.

17. Merezhkovsky, D.S. (2004) Revolyutsiya i religiya [Revolution and religion]. In: Nikolyukin, A.N. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow: Respublika.

18. Dostoevsky, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.

19. Möeller van den Bruk, A. (2009) Tret’ya imperiya [The Third Empire]. In: Möeller van den Bruk, A. & Vasil’chenko, A. *Mif o vechnoy imperii i Tretiy reykh* [Myth of the Eternal Empire and the Third Reich]. Translated from German by A. Vasil’chenko. Moscow: Veche.

20. Möeller van den Bruck, A. (1919) *Das Recht der jungen Völker* [The right of young people]. München: R. Piper.

21. Nietzsche, F. (1996) Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. In: Svas’yan, K. (ed.) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from German by K. Svs’yan. Vol. 2. Moscow: Mysl’.

22. Buzina, T.V. (2003) Pravoslavie i propoved’ istinnoy very: Dostoevskiy, Shatov i dukhovnye stikhi [Orthodoxy and preaching the true faith: Dostoevsky, Shatov and spiritual poetry]. *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura*. 17. pp. 110–124.

23. Bagno, V.E. & Malikova, M.E. (eds) (2010) “Zakat Evropy” kak zakat patriarkhal’noy kul’tury? (Perevodchitsa Dostoevskogo Less Kerrik v perepiske s Osval’dom Shpenglerom) [“The Decline of Europe” as a sunset of patriarchal culture? (The translator of Dostoevsky Loess Carrick in correspondence with Oswald Spengler)]. In: *K istorii idey na Zapade: “Russkaya ideya”* [On the history of ideas in the West, “Russian idea”]. St. Petersburg: Pushkin House, Petropolis.

24. Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: V 2 t.* [Decline of the West. Essays on the morphology of world history: in 2 vols]. Translated from German by I.I. Makhan'kov. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

25. Mann, T. (2009) Russkaya antologiya [Russian anthology]. In: Mann, T. *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [The aristocracy of the spirit. A collection of articles and essays]. Translated from German by S.K. Apt et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

26. Mann, T. (2009) Prolog k muzykal'nomu prazdniku v chest' Nitsshe [Prologue to a music festival in honor of Nietzsche]. In: Mann, T. *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [The aristocracy of the spirit. A collection of articles and essays]. Translated from German by S.K. Apt et al. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

УДК 821.111 (73)
DOI: 10.17223/19986645/43/9

Е.М. Бутенина

ТОЛСТОЙ И АМЕРИКАНСКИЙ «МОРАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. (МОМЕНТ ЭПИФАНИИ В ПРОЗЕ СОЛА БЕЛЛОУ И ДЖОНА ГАРДНЕРА)

В статье рассматривается диалог с Львом Толстым в творчестве Сола Беллоу и Джона Гарднера, видных представителей «морального реализма» в неореалистической традиции США. Переклички с мыслями Толстого особенно значимы в моменты нравственного прозрения (эпифании) в их романах. В конце XX в. «моральный реализм» не исключал художественные эксперименты, но этические задачи сохраняли для этого течения первостепенную значимость.
Ключевые слова: *Толстой, Беллоу, Гарднер, «моральный реализм», неореализм, эпифания.*

Понятие «моральный реализм» имеет значительную историю в литературе США. Оно часто применяется к романному творчеству Уильяма Дина Хоуэллса (1837−1920), иногда с комментарием, что его «праведность» имеет несколько нарочитый характер [1. С. 102]. В фундаментальной «Литературной истории США», изданной Колумбийском университетом в 1988 г., «хоуэллсовский» вариант «морального реализма» упоминается в связи с традицией «контрастного изображения нью-йоркского богатства и гетто», а явление в целом противопоставляется, в частности, натурализму Нормана Мейлера [2. С. 522, 1136]. Убежденным теоретиком и практиком «морального реализма» был Лайонел Триллинг, один из наиболее влиятельных литературных критиков Америки середины XX в. В знаменитом докладе «Манеры, морали и роман» (1947) он сетовал, что «у нас нет книг, которые поднимают в сознании не только вопросы о внешних условиях, но и о нас самих, ведут нас к переопределению своих мотивов и спрашивают нас, что может лежать за нашими добрыми порывами» [3. С. 13]. Свою мысль Триллинг развивал в работе «Мораль инертности», где размышлял о подспудной опасности традиционных моделей поведения, которым учит классика, поскольку пассивность морали может привести к таким ужасам, как нацизм [4. С. 43−44]. Вероятно, Триллингу принадлежит и термин «моральный реализм», и принципы этого направления критик стремился воплотить в собственной прозе [5. С. 227−238]. Сегодня можно сказать, что «моральный реализм» стал важной частью американского неореализма, расцвет которого приходится на 1970-е и 1980-е гг. [6, 7], и связать это направление с именами Дж. Д. Сэлинджера, Бернарда Маламуда, Сола Беллоу, Джона Гарднера, Джона Чивера, Реймонда Карвера. В творчестве Сола Беллоу и Джона Гарднера значимой составляющей в осмыслении нравственных ценностей современности стало наследие Льва Толстого.

В литературно-философской прозе Сола Беллоу, классика американского неореализма, удостоенного в 1976 г. Нобелевской премии по литературе, диалог с русской классикой, в том числе с Толстым, занимает важное место. В своем первом знаменитом романе, пикареске «Приключения Оги Марча» (*The Adventures of Augie March*, 1953), Беллоу стремился возродить «иконоборческий дух Марка Твена и Г.Л. Менкена» [8. С. 1], и стихия комического обусловила непринужденную тональность упоминаний Толстого. Бабушка-эмигрантка учила внука Оги, что не надо нести ей из библиотеки книгу Толстого, если на ней не написано «роман», она не хочет читать его рассуждения о религии и «не доверяет ему как семейному человеку, потому что у графини было с ним столько проблем» [9. С. 1]. В отличие от бабушки, которая перечитывала «Анну Каренину» каждый год, Оги Толстого вряд ли читал (долгое время его чтение зависело от того, какие книги ему удавалось украсть в магазине), но опосредованно воспринял его мудрость. Когда много лет спустя накануне его свадьбы некий знаток жизни говорит Оги о неразрывности любви и адюльтера, тот вспоминает о романе Толстого, но хочет верить в возможность супружеской верности, хотя и приходит к мысли, что любовь неотделима от страдания [9. С. 484].

В истории взросления свободолюбивого и независимого чикагца Оги немало путешествий, включающих пребывание в Мексике, где он встречает русского эмигранта, «брошенного казачьим хором после драки». Несмотря на снисходительное отношение к истории злоключений эмигранта, герой Беллоу все же сознает, что его собственные любовные переживания несопоставимы с испытаниями этого изгнанника и многих других людей [9. 411–412]. От «своего казака» Оги впервые получает упрек в эгоистичности и, услышав такой же упрек от знакомой, задумывается о его справедливости [9. С. 453]. Упоминание о казаках на фоне дикой природы, как и образы псевдотолстовцев в других романах (см.: [10]), создают аллюзивный мотив бегства к сельской жизни, который у городского писателя Сола Беллоу принимает ироническую тональность.

Знание о жизни Оги Марча не литературно, он учился от людей, с которыми ему доводилось встречаться. Начиная со знаменитого «Герцога» (*Herzog*, 1964), Беллоу обращается к европейской традиции идейного романа и создает сквозной образ интеллектуального героя, нередко своего *alter ego*, размышляющего о моральном климате современной ему Америки, при этом соглашаясь или полемизируя со многими писателями и философами, в том числе с Толстым. Профессор Мозес Герцог в одном из своих эмоциональных писем человечеству задается риторическим вопросом: «Неужели настал гнусный момент, когда нравственное чувство умирает, совесть разлагается, а уважение к свободе, закону, общественным приличиям, всему остальному оборачивается трусостью, упадком, кровью?» [11. С. 74]. Однако ощущая себя «думающим человеком, который верит в гражданскую полезность», Герцог верит в возможность изменить мир, или хотя бы свое к нему отношение, и сочиняет воззвания известным людям, живым и умершим. Так, «Айка» Эйзенхауэра он пытается убедить в ошибочности холодной войны и приводит знаменитую мысль из «Войны и мира» о том, что «царь есть раб истории». Поясняя идею Толстого, Герцог пишет: «Свобода – полностью личное

понятие. Свободен тот, у кого простые, правдивые, настоящие условия. Быть свободным – значит избавиться от исторических ограничений» [11. С. 162].

Идеалист-интеллектуал, не сумевший устроить ни семейную, ни профессиональную жизнь, Мозес Герцог предвосхищает идеалиста-художника, поэта фон Гумбольдта Флейшера в романе «Дар Гумбольдта» (*Humboldt's Gift*, 1975). В отличие от Мозеса, Гумбольдт не соглашается с мыслью о царе как рабе истории, утверждая, что «Толстой отклонился от темы» и «цари – величайшие больные. Маниакальные депрессивные герои затягивают человечество в свои орбиты и сводят всех с ума» [12. С. 6]. Постоянный собеседник Гумбольдта, успешный литератор Чарли Ситрин прошел путь от поклонения поэту до полного с ним несогласия в вопросах искусства. Чарли довольно рано понял, что высокий нравственный пафос кумира его юности несовместим с коммерческим успехом, и при этом полагал, что нашел поддержку своих взглядов у Толстого. В своих мыслях и в разговоре с Гумбольдтом Чарли вспоминает толстовскую мысль о том, что нужно «прекратить лживую и ненужную комедию истории и просто начать жить» [12. С. 49, 120]. Отчаяние и почти безумие забытого поэта убеждают Чарли в правильности выбранной им самим жизненной стратегии.

Как и многие послевоенные писатели еврейского происхождения, Беллоу не мог обойти тему Холокоста. В романе «Планета мистера Сэммлера» (*Mr. Sammler's Planet,* 1970) главный герой, выживший в польском концлагере, в разговоре с другом вспоминает сцену между генералом Даву и Пьером Безуховым, в которой, благодаря тому, что они встретились глазами, между ними «установились человеческие отношения» и они «поняли, что они оба дети человечества, что они братья». На вопрос друга, верит ли он в возможность такого понимания, вернувшийся из ада старик отвечает, что «глубоко сочувствует» такой вере, и добавляет: «Когда гении думают о человечестве, им практически приходится верить в такую форму психического единения. Если бы только оно существовало» [13. С. 172]. Хотя XX в. внес жестокие коррективы в толстовскую философию добра и Беллоу вынужден полемизировать с русским классиком (см.: [14]), молитва мистера Сэммлера об умершем племяннике, которой заканчивается роман, созвучна мысли Толстого о том, что «наша жизнь есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу» [15. Т. 15. С. 93]. Сэммлер говорит, что его племянник был гораздо добрее, чем он сам когда-либо был или будет, и «выполнил условия своего контракта», которые на самом деле знает каждый: «В этом и правда, что мы все знаем, Господи, что мы знаем, что мы знаем, мы знаем, мы знаем» [13. С. 287]. Как заметила Джойс Кэрол Оутс, это озарение героя «заставляет нас перечесть весь роман, потому что мы *изменились во время чтения* и только в финале готовы начать его читать». Сэммлер же «не только выполнил “условия своего контракта”, но и знает это, и знает, зачем» [16]. Момент эпифании (духовного просветления), сквозной линией проходящей через прозу Толстого и возвышающей его любимых героев, придает дополнительную глубину и нравственным исканиям героев Беллоу.

Толстой всегда занимал одно из центральных мест в художественном сознании Сола Беллоу. Биограф американского писателя Закария Лидер приводит его слова о том, что он воспринял у русского классика не только метод

одновременной работы над несколькими текстами, но и философию творчества [17. С. 356]. Примечательно, что, когда в период постколониального бума 1980-х Беллоу спросили о том, читает ли он «незападных» писателей, он якобы ответил, «покажите мне зулусского Толстого, и я с удовольствием его прочту». Это интервью так и не было опубликовано, но из-за многократно процитированного вне контекста выражения «зулусский Толстой» на Беллоу обрушился шквал обвинений в ориентализме, и писатель вынужден был объяснять, что пытался лишь показать отличие долитературных и литературных культур (обзор полемики вокруг этого эпизода см.: [18. С. 141−154]). Лев Толстой (1828−1910) прожил две трети девятнадцатого века и начало двадцатого, Сол Беллоу (1915−2005) – большую часть двадцатого века и начало двадцать первого, оба познали прижизненную всемирную славу. Потомок эмигрантов из России, Сол Беллоу стал одним из самых значимых медиаторов русской классики и особенно наследия Толстого в современной англоязычной культуре. Жизнеутверждающий, толстовский пафос своего творчества Беллоу выразил еще в раннем эссе «Писатель как моралист» (1963): «Мы либо хотим, чтобы жизнь продолжалась, либо нет. Если мы не хотим, чтобы она продолжалась, зачем писать книги?» [19. С. 62].

Сол Беллоу оказался в числе немногих американских писателей, не подвергшихся резкой критике в своеобразном литературном манифесте «морального реализма», книге Джона Гарднера «О нравственной литературе» (*On Moral Fiction*, 1978). Беллоу Гарднер упрекает лишь в том, что тот нередко выступает как «эссеист, маскирующийся под литератора» [20. С. 91], в то время как многих писателей-современников (Джона Барта, Томаса Пинчона и др.) бесстрашно обвиняет в аморальности, особенно резко полемизируя с программным постмодернистским эссе Джона Барта «Литература истощения» (*The Literature of Exhaustion*, 1967). Цитируя Толстого, Гарднер настаивает на жизнеутверждающей роли искусства, называя его «игрой против хаоса и смерти, против энтропии» [20. С. 6]. Эссе вызвало широкий резонанс в американской литературной среде, и о реакции общественности можно судить, например, по названию биографии Барри Силески «Джон Гарднер: литературный изгой» (*John Gardner: Literary Outlaw*, 2004) [21].

Формированию взглядов Джона Гарднера на искусство предшествовал его многолетний диалог с Толстым, на который в той или иной степени обращали внимание американские и российские исследователи (обзор работ см.: [22]). Автор отрицательной рецензии на один из последних романов Гарднера даже язвительно заметил, что писатель «стремился стать американским Толстым <…>. Ему это не удалось, но он убедил многих критиков» [23. С. 70]. Первым шагом Гарднера на этом пути стал роман «Воскресение» (*The Resurrection*, 1966), задуманный как полемический отклик на одноименный роман русского классика. Гарднер горячо возражал против чрезмерной дидактичности последнего романа Толстого и своего героя, профессора философии Джеймса Чандлера, жившего абстрактными идеями, лишил возможности воскресения и привел к преждевременной гротескной смерти. Писатель так объяснял замысел своего романа: «Чандлер разделяет с Толстым теоретическое недоверие к теории, однако тело контролирует его именно так, как это сделала бы хорошая теория, – но с более разрушительным эффектом» [24.

С. 93−94]. Молодой романист не справился с амбициозной задачей спора с Толстым, и американские критики обоснованно сочли первый роман Гарднера слишком академичным и незрелым [21. С. 113].

Одновременно с «Воскресением» Гарднер начал работать над романом «Никелевая гора», главы которого несколько лет публиковались как отдельные рассказы, и только в 1973 г. книга вышла полностью с подзаголовком «Пасторальный роман» (*Nickel Mountain: A Pastoral Novel*). «Пасторальная» жизнь американской глубинки середины XX в. совершенно лишена идеалистичности, и единственным островком света в атмосфере отчуждения и религиозного фанатизма служит придорожное кафе Генри Сомса, «огромного и старого, как горы, и такого же терпеливого» [25. С. 288]. Сомс ощущал себя «безобразным и старым» в сорок с небольшим лет, и кожа «нездорового серого оттенка» придавала ему сходство с мрачной Никелевой горой, возвышавшейся вдалеке. Но, несмотря на усталость от собственного тяжелого и больного тела, Сомс сохранил надежду на лучшее и всей душой откликнулся на перемену, которую предложила ему жизнь. Однажды в начале весны в его кафе появилась девушка, «словно по волшебству, словно крокус вырос там, где вчера был снег» [25. С. 7]. Шестнадцатилетняя дочь давних знакомых Сомса пришла попросить о месте официантки. Вскоре героиню, ожидающую ребенка, оставляет ее юный возлюбленный. Тогда Сомс, попытавшись сначала устроить ее брак со своим молодым другом, преодолевает страх, сам делает предложение и получает согласие.

Отзвуки «Анны Карениной», наметившиеся в мотиве возрождения природы и возрождения души (у Толстого, например: «Весна − время планов и предположений. И, выйдя на двор, Левин, как дерево весною, еще не знающее, куда и как разрастутся эти молодые побеги и ветви, заключенные в налитых почках, сам не знал хорошенько, за какие предприятия в любимом его хозяйстве он примется теперь, но чувствовал, что он полон планов и предположений самых хороших» [15. Т. 8. С. 171]), становятся ощутимее после свадьбы героев «Никелевой горы». Собственная семья придала новый смысл как жизни Константина Левина, так и жизни Генри Сомса. Для раскрытия этой мысли и Толстой, и Гарднер акцентируют момент потрясения, которое их герои испытывают, когда видят своих жен после родов в состоянии возвращения из потустороннего в земной мир. Толстой так описывает Левина у постели Кити: «Взгляд ее, и так светлый, еще более светлел, по мере того как он приближался к ней. На ее лице была та самая перемена от земного к неземному, которая бывает на лице покойников; но там прощание, здесь встреча» [15. Т. 9. С. 308]. Сравним с описанием жены Сомса Келли: «Она улыбнулась, издалека, словно на самом деле умерла, ушла туда, где никто из них не мог ее догнать, и прошептала: “Доктор, мой муж – хороший, добрый человек. Передайте ему. Передайте, что я так сказала во сне”. Она снова улыбнулась, загадочная, внезапно лукавая, и закрыла глаза. Генри зажмурился» [25. С. 120]. В отличие от Левина, у Сомса сначала не было оснований верить в любовь жены. Когда в такой пронзительный момент Келли сделала вид, что приняла мужа за врача и выразила свою благодарность Сомсу, она дала их семье надежду на счастье.

Гарднер, как и Толстой вопреки своей знаменитой максиме, показал, что все семьи и счастливы, и несчастливы по-своему. Толстовская «мысль семейная» получила развитие и в самом знаменитом романе Гарднера «Октябрьский свет» (*October Light*, 1976). Главные герои этого романа – люди очень преклонного возраста, Салли за восемьдесят, а ее брату Джеймсу – за семьдесят. Овдовев, Салли вынуждена была вернуться в родительский дом, унаследованный братом, непримиримым консерватором. В начале романа их разлад, вызванный совершенно разными представлениями о жизни и многолетними обидами, достиг кульминации: Джеймс выстрелил из ружья в телевизор, по его мнению, источник зла, размахивая поленом, загнал сестру в комнату на верхнем этаже и запер за ней дверь. На следующее утро он попытался как ни в чем не бывало выпустить сестру, не принося никаких извинений, но она решила объявить ему войну и не выходить из своей тюрьмы. В заточении Салли стала читать единственную оказавшуюся в комнате книгу: роман о контрабандистах, к которым случайно попадает несостоявшийся самоубийца-интеллектуал. Незадолго до попытки суицида он задал своему психиатру вопрос «Что мы сделали не так?», на что тот откликнулся фразой «Толстой тоже себя об этом спрашивал» [26. С. 23]. Салли запоминает этот диалог и повторяет его про себя, не особенно вдумываясь в смысл [26. С. 31−32]. Ей и ее брату, никогда в жизни не читавшему книг, нужно было пережить немало потрясений (по их вине случился сердечный приступ у их старого друга, а дочь Джеймса попала в ловушку, заготовленную для него Салли, и едва не погибла), чтобы задать этот вопрос себе и прийти к нравственному прозрению и примирению друг с другом.

Анализируя особенности структуры «Войны и мира», американский компаративист Мартин Бидни в качестве «объединяющего центра» романа выделил «эпифанический паттерн», в котором значимо природное начало [27. С. 171]. Тогда как для многих героев эпопеи озарения связаны с пониманием хода истории и места в ней человека, в хрестоматийном эпизоде с дубом акцент делается на ярком ощущении ценности жизни, возникшем, в том числе благодаря персонификации дерева как органического элемента. Этот эпизод в чем-то созвучен сцене просветления Джеймса Пейджа в финале романа Гарднера. Старый фермер, закрывая на зиму ульи, вдруг спиной ощущает чужое присутствие и, оглянувшись, видит стоящего на задних лапах огромного медведя с седой мордой. «Два древних существа» долго смотрят друг на друга. В этот момент Гарднер использует толстовский прием остранения, переключая точку зрения с человека на животное: медведь как будто размышлял, «откуда взялся старик и какова его цель», а затем невозмутимо принялся есть мед. Тогда старый фермер дотянулся до ружья, но «что-то дернуло ружье вверх», и выстрел пришелся в небо, словно высшая сила не допустила бессмысленного уничтожения живого существа. Медведь подпрыгнул и «затрясся точно так, как до этого старик», и тому показалось, будто зверь «сказал ему ясно и укоризненно: “Ох, Джеймс, Джеймс”» [26. С. 391−392]. Завершая этой фразой роман, Джон Гарднер оставляет надежду на изменение героя, пережившего единение с другим творением природы. В своем творчестве американский писатель пришел от полемики с Толстым к развитию его жизнеутверждающей, пантеистической философии и поэтики.

Эпифаническую традицию в современной литературе, в том числе американской, некоторые критики обоснованно возводят к повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». Джо Дэвид Беллами находит, что о героях Реймонда Карвера также можно сказать, что их жизнь «была самая простая и обыкновенная и самая ужасная» [28. С. 191]. Карвер неоднократно выражал восхищение рассказами Толстого и Чехова [29. С. 46, 213], но мотив внезапного прозрения, как и творческая манера американского минималиста, скорее восходит к чеховской, а не толстовской традиции. Гюнтер Леопольдт, анализируя «эпифанические моменты» в прозе Карвера, соотносит их с американской неореалистической традицией 1980-х и, в частности, обращает внимание на нашумевший роман Тома Вулфа «Костер тщеславий» (*The Bonfire of the Vanities*, 1987), в котором, начиная с аллюзивного заглавия, делается попытка возродить традиции европейского социального реализма. Леопольдт называет героя Вулфа, Шермана Маккоя, «трагикомической яппи-версией Ивана Ильича» [30. С. 535]. Утверждение спорное, поскольку «трагикомическому яппи» открывается лишь бессмысленность вещного мира, а не метафизическое озарение, но примечателен сам пафос современной транснациональной компаративистики, ищущей истоки многих явлений в русской классике.

Анализ диалога с Толстым в творчестве двух видных представителей американского «морального реализма» Сола Беллоу и Джона Гарднера позволяет увидеть значимость русского классика для их творчества. Для интеллектуальных романов Беллоу характерно непосредственное включение в текст сентенций Толстого при аргументации собственных гуманистических идей. Этот диалог иногда полемичен: так, во второй половине XX в. невозможно было полностью принять идеалистическую толстовскую философию добра. Будучи урбанистическим писателем, Беллоу иронично интерпретирует толстовскую пасторальность, противопоказанную, по его мнению, жителю современного мегаполиса. Эта особенность отличает Беллоу от Джона Гарднера, выросшего и всегда предпочитавшего жить в аграрной провинции Среднего Запада. Для Гарднера, как и для Толстого, близость к природе составляет необходимый элемент гармонии в душе. Для моралистической литературы важен момент эпифании, который у Беллоу имеет антропоцентрический, а у Гарднера – пантеистический характер. С толстовской традицией можно связать и прозу других американских неореалистов, которым не чужды были художественные эксперименты, в том числе постмодернистские, но этические задачи сохраняли для них первостепенную значимость.

Литература

1. *Brodhead R.H.* The School of Hawthorne. New York: Oxford University Press, 1989. 256 p.

2. *The Columbia* Literary History of the United States / Ed. by Emory Elliott, Martha Banta, Houston A. Baker. New York: Columbia University Press, 1988. 1273 p.

3. *Trilling L.* Manners, Morals, and the Novel // The Kenyon Review. Winter, 1948. Vol. 10. No. 1. P. 11−27.

4. *Trilling L.* A Gathering of Fugitives. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978. 180 p.

5. *Hagopian J.* A Reader's Moral Dissent from Lionel Trilling's 'Of this Time, of that Place' // American Literature in Belgium. Ed. by Gilbert Debusscher. Amsterdam, 1988. P. 227−238.

6. *Levine P.* The New Realism in American Literature // American Literature in Belgium. Ed. by Gilbert Debusscher. Amsterdam, 1988. P. 175−184.

7. *Neo-realism in Contemporary American Fiction* / Ed. by Kristiaan Versluys. Amsterdam, 1992. 210 p.

8. *Tanenhaus S.* The Life of Saul Bellow. To Fame and Fortune, 1915−1964 by Zachary Leader // The New York Times Book Review. 2015. May 3. P. 1 (L).

9. *Bellow S.* The Adventures of Augie March. New York: Penguin Books, 1984. 536 p.

10. *Бронич М.К.* Природа и город в творчестве Сола Беллоу: полемика с Л.Н. Толстым // Вестн. Нижегород. гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2011. № 14. С. 133−140.

11. *Bellow S.* Herzog. New York: Viking Press, 1976. 540 p.

12. *Bellow S.* Humboldt's Gift. New York: Avon, 1976. 471 p.

13. *Bellow S.* Mr. Sammler's Planet. New York: Penguin Classics, 2004. 288 p.

14. *Бронич М.К.* Сол Беллоу и Лев Толстой: проблема добра // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 76−84.

15. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978−1985.

16. *Oates J.C.* Whose Side Are You On? June 4, 1972. URL: http:// www. nytimes.com/books/97/09/21/reviews/oates-side.html (проверено: 17.04.2016).

17. *Leader Z.* The Life of Saul Bellow. To Fame and Fortune, 1915–1964. New York: Random House, 2015. 832 p.

18. *Foster John Burt, Jr.* Transnational Tolstoy: Between the West and the World. New York: Bloomsbury Publishing USA, 2013. 247 p.

19. *Bellow S.* The Writer as Moralist // The Atlantic. 1963. No. 211. P. 58−62.

20. *Gardner J.* On Moral Fiction. New York: Basic Books, 1978. 214 p.

21. *Silesky B.* John Gardner: Literary Outlaw. Chapel Hill: Algonquin Books, 2004. 320 p.

22. *Боголепова Т.Г.* Джон Гарднер и Лев Толстой // Rosa Mundi: сб. ст. к 90-летию преподавания истории зарубежных литератур в ДВГУ. Владивосток, 2007. С. 14−23. URL: http:// spintongues.vladivostok.com/GARDNER.htm (проверено: 17.04.16).

23. *Harris R.R.* What's So Moral about John Gardner's Fiction? // Saturday Review 9.6. June 1982. P. 70−71.

24. *Conversations* with John Gardner. Ed. by Allan Richard Chavkin. Jackson and London: University Press of Mississippi, 1990. 310 p.

25. *Gardner J.* Nickel Mountain. A Pastoral Novel. New York: Vintage Books, 1982. 316 p.

26. *Gardner J.* October Light. New York: New Directions Publishing, 2005. 399 p.

27. *Bidney M.* Water, Movement, Roundness: Epiphanies and History in Tolstoy's War and Peace // Patterns of Epiphany: From Wordsworth to Tolstoy, Pater, and Barrett Browning. Carbondale and Edwardsville, SIU Press, 1997. P. 154−171.

28. *Bellamy J. D.* Literary Luxuries: American Writing at the End of the Millennium / Columbia; London, 1995. 230 p.

29. *Conversations* with Raymond Carver. Jackson; London, 1990. 259 p.

30. *Leypoldt G.* Raymond Carver's Epiphanic Moments // Style. Fall, 2001. No. 3. P. 531−547.

LEO TOLSTOY AND AMERICAN "MORAL REALISM" IN THE LATE 20TH CENTURY (EPIPHANY IN SAUL BELLOW AND JOHN GARDNER)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 122–131. DOI: 10.17223/19986645/43/9

Evgenia M. Butenina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: evebutenina@yandex.ru

Keywords: Leo Tolstoy, Saul Bellow, John Gardner, "moral realism", neorealism, epiphany.

"Moral realism" has long been an important phenomenon in American literature. It is often associated with the Howellsian tradition, which found its followers into the late 20th century. One of them was Lionell Trilling, who advocated moral principles both in his critical works and in fiction. Between the 1950s and 1980s, "moral realism" became an integral part of the neorealist movement in the US fiction. The paper discusses the dialogue with Leo Tolstoy in Saul Bellow and John Gardner, two notable "moral realists" in the American neorealist tradition. For both authors Tolstoy remained one of the key figures to refer to while contemplating on moral values in contemporary life, which becomes particularly important in the moments of epiphany of their characters.

In the picaresque novel *The Adventures of Augie March* (1953) references to the Russian classic are often playful and comically polemic, as in an episode of a Cossack émigré against a wilderness

landscape, for which Bellow, as a city writer, did not share Tolstoy's affection. In his later intellectual novels of ideas such as *Herzog* (1964) and *Humboldt's Gift* (1975), Bellow incorporated Tolstoy's maxims to agree or argue with the great Russian moralist on issues of humanism and personal responsibility of every person in history. Despite the polemics on philosophy, the life-affirming spirit of Bellow's novel is Tolstoyan, as clear, for example, in the powerful epiphanic finale of *Mr. Sammler's Planet* (1970), which is consistent with Tolstoy's idea of life purpose as striving to goodness, which is God, as stated in the essay "What is Art".

Saul Bellow was one of the few American authors not criticized in the literary manifesto of the 20th-century "moral realism", John Gardner's book *On Moral Fiction* (1978). Quoting Tolstoy, Gardner insisted that "art is game played against chaos and death, against entropy". After an attempt of polemics with Tolstoy's didacticism in *Resurrection*, named to signal a conversation with the Russian classic's eponymous last novel, Gardner came to inspiring from the philosophy and poetics of Tolstoy's earlier masterpieces. The emphasis on family values and birth imagery in *Nickel Mountain* (1973) evokes *Anna Karenina*, while an elemental epiphany ending *October Light* (1976) reminds of pantheistic revelations in *War and Peace*.

Besides Tolstoy's novels, the epiphanic narrative pattern of his long short story "The Death of Ivan Ilych" is quite important for moral contemporary fiction. For example, Gunter Leypoldt argues that the protagonist in Tom Wolfe's *The Bonfire of the Vanities* (1987) is a "tragicomic yappy version of Ivan Ilych". Though this particular statement seems doubtful, it is characteristic of recent transnational comparative studies which seek the origins of current literary phenomena in distant cultures. This creative surge across borders is both stimulating and enriching.

References

1. Brodhead, R.H. (1989) *The School of Hawthorne*. New York: Oxford University Press.

2. Elliott, E., Banta, M. & Baker, H.A. (eds) (1988) *The Columbia Literary History of the United States*. New York: Columbia University Press.

3. Trilling, L. (1948) Manners, Morals, and the Novel. *The Kenyon Review. Winter*. 10:1. pp. 11−27.

4. Trilling, L. (1978) *A Gathering of Fugitives*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

5. Hagopian, J. (1988) A Reader's Moral Dissent from Lionel Trilling's 'Of this Time, of that Place'. In: Debusscher, G. (ed.) *American Literature in Belgium*. Amsterdam: Rodopi.

6. Levine, P. (1988) The New Realism in American Literature. In: Debusscher, G. (ed.) *American Literature in Belgium*. Amsterdam: Rodopi.

7. Versluys, K. (ed.) (1992) *Neo-realism in Contemporary American Fiction*. Amsterdam: Rodopi.

8. Tanenhaus, S. (2015) The Life of Saul Bellow. To Fame and Fortune, 1915-1964 by Zachary Leader. *The New York Times Book Review*. May 3. p. 1 (L).

9. Bellow, S. (1984) *The Adventures of Augie March*. New York: Penguin Books.

10. Bronich, M.K. (2011) Priroda i gorod v tvorchestve Sola Bellou: polemika s L.N. Tolstym [Nature and the city in the work of Saul Bellow: the controversy with L.N. Tolstoy]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova.* 14. pp. 133−140.

11. Bellow, S. (1976) *Herzog*. New York: Viking Press.

12. Bellow, S. (1976) *Humboldt's Gift*. New York: Avon.

13. Bellow, S. (2004) *Mr. Sammler's Planet*. New York: Penguin Classics.

14. Bronich, M.K. (2009) Saul Bellow and Leo Tolstoy: the problem of good. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 103. pp. 76−84. (In Russian).

15. Tolstoy, L.N. (1978−1985) *Sobranie sochineniy v 22 t.* [Works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

16. Oates, J.C. (1972) *Whose Side Are You On?* [Online] Available from: http:// www. nytimes. com/books/ 97/09/21/reviews/oates-side.html. (Accessed: 17th April 2016).

17. Leader, Z. (2015) *The Life of Saul Bellow. To Fame and Fortune, 1915-1964*. New York: Random House.

18. Foster, J.B., Jr. (2013) *Transnational Tolstoy: Between the West and the World*. New York: Bloomsbury Publishing USA.

19. Bellow, S. (1963) The Writer as Moralist. *The Atlantic*. 211. pp. 58−62.

20. Gardner, J. (1978) *On Moral Fiction*. New York: Basic Books.

21. Silesky, B. (2004) *John Gardner: Literary Outlaw*. Chapel Hill: Algonquin Books.

22. Bogolepova, T.G. (2007) Dzhon Gardner i Lev Tolstoy [John Gardner and Leo Tolstoy]. In: *Rosa Mundi. Sbornik statey k 90-letiyu prepodavaniya istorii zarubezhnykh literatur v DVGU* [Rosa Mundi. Collection of articles on the 90th anniversary of teaching of history of foreign literature at FESU]. Vladivostok: Far Eastern State University. [Online] Available from: http://spintongues.vladivostok.com/ GARDNER.htm. (Accessed: 17th April 2016).

23. Harris, R.R. (1982) What's So Moral about John Gardner's Fiction? *Saturday Review.* 9.6. June. pp. 70−71.

24. Richard, A. (ed.) (1990) *Conversations with John Gardner*. Jackson; London: University Press of Mississippi.

25. Gardner, J. (1982) *Nickel Mountain. A Pastoral Novel*. New York: Vintage Books.

26. Gardner, J. (2005) *October Light*. New York: New Directions Publishing.

27. Bidney, M. (1997) Water, Movement, Roundness: Epiphanies and History in Tolstoy's War and Peace. In: Bidney, M. *Patterns of Epiphany: From Wordsworth to Tolstoy, Pater, and Barrett Browning*. Carbondale; Edwardsville: SIU Press.

28. Bellamy, J.D. (1990) *Literary Luxuries: American Writing at the End of the Millennium.* Columbia; London: University of Missouri Press.

29. Carver, R. (1990) *Conversations with Raymond Carver*. Jackson; London: University Press of Mississippi.

30. Leypoldt, G. (2001) Raymond Carver's Epiphanic Moments. *Style*. 3. pp. 531−547.

УДК 821.161.1.01/.09
DOI: 10.17223/19986645/43/10

О.В. Седельникова

ЛИТЕРАТУРА И ЖИВОПИСЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ А.Н. МАЙКОВА. *СТАТЬЯ ВТОРАЯ.* «ПОЭЗИЯ» ЖИВОПИСИ» И «ЖИВОПИСЬ ПОЭЗИИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ А.Н. МАЙКОВА: К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКОМ И ПЛАСТИЧЕСКОМ В ИСКУССТВЕ[1]

Впервые в статье представлено комплексное изучение вопроса о взаимодействии литературы и живописи в критическом наследии А.Н. Майкова. Во второй статье показано, что живопись становится репрезентативным материалом, позволяющим наглядно осмыслить проблемы, актуальные для развития литературы, обогащая ее ранее недоступными приемами визуализации изображаемого. Художественная критика А.Н. Майкова является уникальным документом словесной культуры середины XIX в., который изнутри воспроизводит процесс взаимообогащения поэтического и пластического искусств и позволяет увидеть, как шло становление новых приемов литературного творчества.
Ключевые слова: *А.Н. Майков, художественная критика, литература, живопись, поэтическое, пластическое, экфрасис, визуализация.*

> Ваш уголок, с поэзией живописи и живописью поэзии, с пением и добротою сердец, обитающих в нем, мне всегда казался каким-то волшебством, каким-то ясным и успокаивающим исключением из общей нашей жизни.
>
> *Г.П. Данилевский* [1. С. 465]

В контексте основных тенденций развития художественной культуры середины XIX в. статьи А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств [2, 3], написанные поэтом в период эстетического самоопределения, становятся уникальным фактом русской словесной культуры, отражающим процесс взаимообогащения поэтического и пластического искусств и раскрывающим становление особенностей поэтики русской психологической прозы. 1840-е гг. в определенном смысле стали эпохой культурного перепутья между романтизмом и реализмом, между поэтическим и прозаическим словом. Эта особая ситуация заставила писателей и художников почувствовать общность задач, стоящих перед ними[2]. Оба искусства искали ответ на вопрос о том, как преодолеть театрализованную риторику и патетику и с помощью имеющихся в их распоряжении изобразительно-выразительных средств воспроизвести действительность во всей ее диалектической полноте и сложности. И словесное, и изобразительное искусство для решения этой задачи должны были отказаться от воспроизведения условного риторическо-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00395 а).

[2] Обзор литературы по истории изучения проблемы взаимодействия литературы и живописи представлен в первой статье цикла [4].

го набора образов и сюжетных схем, от всего того, чего требовала нормативная эстетика с ее застывшими понятиями и отрывом от живой текучей реальности [5. С. 509–521]. Принципиальная новизна художественной задачи воспроизведения бесконечно меняющейся обыденной жизни заставила остро ощутить недееспособность традиционного набора приемов и необходимость введения адекватных способов передачи подлинной глубины обыденной жизни нериторическими средствами, доступными искусству слова и пластическим искусствам. Единство задач, стоящих перед литературой и живописью, при очевидном различии языка двух искусств и противоположности используемого ими набора изобразительных средств и приемов породило удивительный эффект, при котором оба искусства стали взаимодополняющими и взаимообогащающими [6]. Не случайно именно в 1840-е гг. литература и живопись обнаружили точку соприкосновения, с одной стороны, в физиологическом очерке, обращающемся к словесной обрисовке картин окружающей жизни, а с другой – в активизировавшемся в эти годы жанре художественной иллюстрации произведений словесного искусства. Ярким примером этого стали иллюстрации Е.Е. Бернардского и А.А. Агина к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» или история создания романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», который вырос из идеи издателей напечатать цикл карикатур известного графика Р. Сеймура, сопровождая их подписями начинающего очеркиста. В результате обсуждений концепции иллюстраций Сеймур застрелился, оказавшись не в силах принять установок, предложенных Диккенсом, который хотел видеть гравюры продолжением своих идей. Известно, что, выбирая нового иллюстратора, Диккенс отверг кандидатуру У. Теккерея, аргументировав это тем, что читатели «Пиквика» не смогут улыбнуться созданным им визуальным образам [7. С. 78–79].

Следующим шагом на пути освоения предмета другого искусства становится приспособление иноприродных художественных приемов к изображению мира в литературе и живописи, в результате чего литература стала изобразительной, а изобразительное искусство начало вбирать в себя повествовательное начало, стало способным доступными ему средствами отражать новеллистическую интригу и, что еще более важно, глубокие внутренние переживания персонажей, обнаруживая в своем визуализированном арсенале средств возможности лаконичных, ясных и выразительных указаний на то, что, казалось бы, совершенно невозможно передать средствами пластических искусств, т.е. указать на то, что происходит в человеческой душе. Ярким примером этого в русской культуре 1840-х гг. явились портреты и рисунки К.П. Брюллова, жанровые сцены П.А. Федотова и других художников.

В свою очередь, в 1850–1870-е гг. русская и европейская психологическая проза в творчестве ряда своих наиболее ярких представителей снова пойдет по пути изобразительного искусства, открывая для себя огромный психологический потенциал выразительной детализации, портрета, пейзажа и т.п. В контексте истории русской словесной культуры ярче всего это качество проявилось в творчестве И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, в меньшей степени – у Л.Н. Толстого, чья «диалектика души» по своей методологической и эстетической природе оказалась ближе к вербализованным, а не визуализированным способам передачи информации (дневнику, письму, исповеди, а не

изображению). В творчестве Ф.М. Достоевского обнаруживает себя синтез этих подходов, обусловленный в каждом конкретном случае спецификой художественной задачи, которую решает автор. Это во многом определило своеобразие стиля писателя, который, как известно, современники часто характеризовали как многословный и небрежный [8. С. 259]. Так, например, во многих фрагментах романа «Бедные люди» Достоевский раскрывается как художник-пластик, в других на первый взгляд апеллирует к потенциалу исповедального начала, однако существенно преображает его под воздействием потребности без лишней риторики выразительно воспроизвести окружающее героев пространство. Уже сама форма эпистолярного романа и изображение «не действительности героя, а его самосознания как действительности второго порядка» [9. С. 59] заставляет Достоевского причудливо налагать друг на друга изобразительность и повествовательность, добиваясь формирования нового качества словесного искусства – изобразительности повествовательного слова.

В кружке Майковых во второй половине 1840-х гг. существовала традиция обсуждения написанных произведений [10. С. 376–377]. Творческие эксперименты Достоевского, Гончарова, А. и Е.П. Майковых получали там всестороннее осмысление, корректировались в результате высказанных друг другу замечаний. Именно в это время и в этом контексте складываются концептуальные установки молодого критика. В связи с этим критическое наследие А.Н. Майкова представляет уникальный материал, который воспроизводит этот процесс взаимообогащения двух искусств изнутри и позволяет увидеть, как шло становление новых приемов литературного творчества. Написанные поэтом-художником, статьи объединяют теоретическую рефлексию на тему и поэтический эксперимент.

Особое место в майковских обзорах выставок занимают описания картин, привлекших внимание посетителей и ставших событием в развитии русской школы живописи. Именно эти фрагменты имеют особую ценность в рамках данной темы. Восходящие по своей жанровой природе к экфрасису, они становятся полем прямого взаимодействия пластического и поэтического, зоной эксперимента, жанрового и стилистического поиска, репрезентативного как для художественной словесности, так и для художественной критики, формирующей в те годы свои статуальные признаки [11. С. 10]. В европейской литературе XIX в. традиционные жанры нормативной поэтики и риторики получали новое осмысление, встраиваясь в синтетические формы художественной словесности эпохи. Одной из таких активно используемых жанровых форм, в силу специфики своего содержания отвечающей потребностям развития современной культуры, становится экфрасис.

В творчестве Майкова интерес к экфрасису обнаруживается уже в ранних произведениях («Барельеф», 1842) [12. С. 117–122]. Эта жанровая форма активно используется в путевом дневнике поэта 1842–1843 гг. [13]. Значительная часть сделанных в нем записей посвящена описанию осмотренных памятников искусства Франции и Италии. Под воздействием особенностей авторской задачи традиционная форма экфрасиса [14. С. 259–260; 15. С. 31, 36–37] приобретает здесь специфические черты, обогащаясь возможностями жанров нехудожественной словесности.

В обзорах выставок в Императорской Академии художеств, опубликованных Майковым в 1847–1853 гг., экфрасис становится одним из основных жанрово-стилевых типов текста, функционально востребованным в силу специфики избранной жанровой формы.

Исходя из жанрового определения «обзор картин, представленных на выставке», можно предположить, что статьи представляют собой своего рода цепь экфрасисов, организованных в определенную структуру логикой движения от одного жанра к другому. Однако это не так. Статьи Майкова существенно отличаются от публикаций подобного рода, ежегодно появлявшихся в ноябрьских номерах петербургских газет и журналов в 1830–1840-х гг. По мнению искусствоведов, они открывают новый этап в развитии русской художественной критики [16. С. 74; 17. С. 59–60]. Отличительной особенностью обзоров Майкова становится не описательный, а принципиально проблемный характер, служащий задаче эстетического просвещения русского общества, преодоления «шаткости суждений» и создания у публики адекватных представлений об истории изобразительного искусства [18. С. 87, 89–93]. Молодой критик начинает свою деятельность, сформировав четкое представление о том, как этого добиться. Основой его концепции оказывается утверждение историзма во взгляде на явления художественной культуры. Любое произведение должно восприниматься в контексте породившей его культурной эпохи, в соотношении с произведениями предшественников, современников и последователей [19]. Утверждение господства принципа историзма в трактовке фактов культуры приводит Майкова к постановке проблемы современного содержания произведения искусства [20]. Этому по большей части посвящена статья, опубликованная в одиннадцатом номере журнала «Отечественные записки» за 1849 г. Вводя понятие «дух века», критик показывает, как под воздействием развития научного знания и изменений содержания духовной жизни человека каждой эпохи формируется уникальное историческое содержание искусства, как оно связано с самобытными особенностями национального бытия, приобретая свои уникальные формы в Италии, Испании, Франции, Голландии [21. С. 25–32].

Позиция критика глубоко продуманна и обоснованна: невозможно адекватно судить о произведениях современной русской живописи, не уяснив себе то, какие требования предъявляет к искусству современная жизнь. Осмысление этой проблемы заставляет Майкова признать ретроградность позиций европейских академий живописи и убеждений большинства современных критиков, которые усматривают в эклектизме содержания живописи последних десятилетий безусловное падение этого вида искусства ([21. С. 24–25] и др.).

Установка на эстетическое просвещение русского общества обусловливает существенные изменения, вносимые Майковым в традиционный формат обзорной статьи о выставке. Каждый раз критик останавливается на определенной историко-теоретической проблеме, дающей основу для разговора о живописи вообще или подсказанной представленными на выставке произведениями. В этом контексте он дает общую характеристику картин разных жанров и на этом фоне подробно анализирует лишь наиболее яркие явления, ставшие, с его точки зрения, фактом развития современного искусства или, в

крайнем случае, удачной попыткой молодого художника ответить на запросы современной жизни. Эти немногочисленные развернутые экфрасисы становятся эстетическим центром статей. С одной стороны, они иллюстрируют теоретические выкладки критика, а с другой – сами становятся формой творческой рефлексии на заданную тему.

Таких описаний достаточно много. Каждое из них представляет интерес и имеет «лица необщее выраженье» (Е.А. Баратынский), так как решает целый комплекс эстетических и, подспудно, дидактических задач, обусловленных не только общими установками жанра, но и спецификой предмета анализа. Чаще всего внимание критика обращено к произведениям жанровой живописи, обращающейся к изображению обыденной жизни и близкой поискам реалистической литературы того времени, а также пейзажной, портретной и исторической. Интерес к последней имеет двойную обусловленность. С одной стороны, историческая живопись была признанным европейскими академиями каноническим высоким жанром и противопоставлялась пейзажу и жанру, интерес к которым, по мнению теоретиков и критиков, свидетельствовал о глубоком кризисе современного искусства [21. С. 24–25, 31–33]. Картины исторического жанра постоянно представлялись на выставках, так как являлись квалификационными работами учеников Академии, позволяли получить им определенный статус и возможность обучения за границей. С другой стороны, в творчестве ряда художников исторический жанр начал претерпевать существенные изменения, отвечавшие потребностям современной культуры: он лишался формализованной трактовки сюжета, патетики и театральности и наполнялся глубоким психологическим содержанием, поднимавшим картину исторического жанра на новый уровень, делающим ее диалектически многогранным, емким осмыслением предмета изображения. Следы нового подхода к трактовке исторического жанра Майков обнаруживает в творчестве ряда живописцев XVII–XIX вв., в том числе и в произведениях воспитанников академии[1].

Важным событием на академической выставке 1847 г. становится для Майкова появление картины П.А. Риццони «Толкучий рынок». Ей посвящен первый объемный экфрасис, отличающийся заметной оригинальностью в ряду подобных опытов критика. Приведем его фрагменты:

> Впрочем, почтенный читатель, вместо того, чтобы прислушиваться к говору валов, дробящихся в пустынном беге на картинах наших художников, вместо того, чтобы странствовать по залам Академии, не угодно ли вам выслушать маленькую повесть,.. извините, об одном маленьком чиновнике. <…> Бывало, в неприсутственный день выйдет он из дома в Садовую <…> С Садовой повернет он на самый Щукин двор, и там, в виде праздного наблюдателя чего-чего он не насмотрится! <…> И так себе незаметно наблюдал

[1] Об отсутствии четких границ между исторической и жанровой живописью Майков начинает размышлять уже в первом обзоре ежегодных выставок в императорской академии художеств [22. С. 64]. В статье о выставке 1850 г. он вновь обращается к этому вопросу в связи с ироническим упоминанием недоумения «знатоков-дилетантов», вызванного картиной П. Сорокина, а затем в связи с произведениями Мореншильда, Тимашеввского, Шопена, Брюллова [23. С. 61–67, 69].

Иван Петрович; и никто не знал его; только раз случилась с ним одна история… <…>

Во-первых, поругался мужик с бабой; мужик уже под хмельком и с луковицей за пазухой для закуски; баба, тоже не трезвая, сидела себе и продавала «молодцам» и «кавалерам» вареный картофель. От картофеля пар так и подымался во все стороны. Слово за слово, кончилось тем, что мужик расходился и дал тумака бабе, отчего баба погнулась, упала на чугун, где был картофель; картофель рассыпался, баба принялась выть и ругаться пуще прежнего. На подмогу ей сунулась торговка-кумушка, просто целый ходячий модный магазин для известного рода модниц: навьючена тряпьем всяким, старым платьем, ситцевыми капотами, юбками, перекинутыми у нее через плечо; на голове, сверх обыкновенного ее платочка, накинута продажная женская шляпка, на которую бы позарились не только горничные девушки и писарши, но и кое-какие чиновницы. Курносая кумушка стала подымать бабу, как откуда ни возьмись городовой; подчасток привязал уже тоненькой веревочкой и за руку мужика-обидчика, который после минуты разгула смиренно, сколько позволяет худо поворачивающийся язык, старается изъяснить свою невинность: «я, мол, дескать, непричастен…», но городовой не внемлет, и, схватясь за тесак, в справедливом негодовании то и знай кричит: «Вам здесь быть не показано». «Не показано», – рассуждает себе осанистый сбитенщик, проходящий мимо.

Наш маленький чиновник все это видит и, может быть, так про себя кое-какие философические рассуждения о том, кто истинно-то виноват, мужик или баба. Но вот подле же за самой спиной подчастка, который связал мужика, сидит за столом, накинув на плечи армяк, в шляпе наподобие опрокинутого цветочного горшка, другой мужик; а там и третий; <…> Никому и нуждишки нет, что будет с бабой и с мужиком, хотя все, может быть, и слушали ссору и науськивали на драку; все присмирели и обратились каждый к своему делу: <…> В питейном доме, что направо, явление полицейских, очевидно, произвело впечатление: один мужик прислонился было тихонько к окну поглядеть стороной, куда норовит «его благородие», но от тяжести в ногах и в голове его так и тянуло в окно, шапка валится с головы на улицу, а он так и остался у окна. Да еще другой, земляк его, что ли, выскочил без всякой бережи на крыльцо, с косушкой в руке, и кричит что-то Ванюхе. И *все-то это замечал наш Иван Петрович, и что-то грустное, похожее на улыбку сострадания, мелькнуло на лице его*… Воля ваша, это не совсем обыкновенный маленький чиновник; только одно и пропустил он, отчего с ним и случилась история, которую мы хотим рассказать, что тут же по близости был еще человек, похитрее его – г. Риццони, художник, которого сцену в «заведении» вы еще помните в прошлогодней выставке; он подсмотрел всю эту сцену, не пропустил даже и Ивана Петровича, и перенес ее искусною кистью на полотно» [22. С. 76–78].

Позиция критика, проявившаяся в выборе стратегии описания картины, свидетельствует о том, что живопись становится для Майкова не только объектом критического анализа, но и репрезентативным материалом, позволяющим осмыслить проблемы, актуальные для современной литературы. Очерк о картине Риццони начинается как «повесть о чиновнике», лишая тем самым читателя прямого понимания того, что перед ним описание одной из пред-

ставленных на выставке картин. Автор намеренно исключает черты вторичности, традиционно присущие экфрасису. Опираясь на опыт изобразительного искусства, Майков-поэт экспериментирует, воссоздавая образы визуального ряда при помощи художественного слова. Редукции подвергается не только оформляющая экфрасис риторическая рамка, но и сама опосредующая очерковое описание позиция наблюдателя. Автор создает визуальные образы, пытается максимально приблизиться к объекту, обеспечив иллюзию подлинности, и передать при этом содержательную глубину зримого, все то, что находится за визуальным в сфере нравственно-психологического и философского содержания предмета изображения. Вследствие этого описание картины превращается в словесную зарисовку сцены из русского простонародного быта. Традиции экфрасиса получают здесь существенное переосмысление под воздействием актуальных эстетических тенденций времени. Внешнее, визуальное становится ценным не само по себе, а как отражение внутренней жизни, указание на скрытые от глаз процессы.

Майков создает словесный эквивалент картины Риццони, выявляя все ее содержательные особенности, верно подмеченные внимательным взглядом живописца. Основные причины такого подхода критика кроются в безусловной уникальности «Толкучего рынка» для русской живописной школы того времени. Не случайно в конце отрывка, расставив точки над «i» и назвав читателю автора, Майков подчеркивает неоспоримые достоинства описанного произведения: знание русской простонародной жизни, точность изображения подробностей, тщательность отделки – все то, что позволяет картине рассказать, «*как в самом интересном романе*, этот случай на Толкучем рынке»:

«*Такую живопись русских нравов вы привыкли встречать только у Гоголя; порадуйтесь же теперь, что явился у нас Гоголь-живописец* – г. Риццони (курсив мой. – *О.С.*)» [22. С. 79].

Бросается в глаза тонкая стилистическая обработка этого отрывка, поднимающая описание «Толкучего рынка» Риццони до уровня самостоятельного художественного произведения. Любопытны композиция и аранжировка этого фрагмента: в начале Майков лаконично и очень выразительно воспроизводит центральную сцену картины, организующую ее сюжет, затем также лаконично и емко выписывает фон сцены, уделяя внимание всем наблюдающим за происходящим и превращая их в персонажей, значимых для реализации общей идеи произведения. В результате в небольшом фрагменте перед нами возникает подробное, глубокое, психологически емкое изображение обыденной бытовой ситуации, которое разрастается до обобщенной характеристики русских простонародных нравов в целом.

Очевидно, что особое значение в этом фрагменте имеет образ очевидца, маленького чиновника, наблюдающего за происходящим и согревающего его своим человеческим чувством. Это позволяет Майкову сделать описание не обезличенным, но эмоционально выразительным, заряженным мощным сочувствием к происходящему с человеком, проиллюстрировав, таким образом, свои собственные размышления о важности воображения и «субъективно-

сти» при художественном воспроизведении обыденной жизни[1]. Такое сочувствие, позволяющее Гоголю и Хогарту овладеть «глубиной взгляда, проницающего далеко в жизнь человеческую» [22. С. 36], делает оправданным обращение художника к изображению пороков и недостатков современной жизни и отличает подлинного художника от дагерротиписта, превращает его, по словам критика, в заботливую мать, которая с любовью и состраданием указывает на недостатки своему любимому чаду и побуждает его к нравственному усовершенствованию, а не любуется пороком [24. С. 35].

Интерес критика к изобразительной силе слова связан с его собственной творческой практикой. Ощущая переходность эстетической ситуации, в собственном творчестве Майков искал новые способы нериторического, опосредованного художественного исследования жизни, позволяющих воссоздать пластическое богатство формы и передать сложность и глубину внутреннего содержания. Эти тенденции определяют художественное своеобразие его поэтических и прозаических произведений 1840-х гг. Поэтому в живописи, так же как и в литературе, резкое неприятие Майкова вызывают риторика и театральность (например, картины Давида и его последователей) [13. С. 38–39, 45; 21. С. 31–32]. Им критик противопоставляет картины, изображающие моменты повседневной жизни во всем ее многообразии, полные жизни, мысли, чувства. Именно живое содержание привлекает Майкова в картине Риццони и обусловливает существенное переосмысление традиционной риторической фигуры описания картины. Потеряв опосредующие жанровые рамки, созданное критиком словесное изображение приобретает большую содержательную емкость, так как заставляет читателя вслед за критиком идти от внешнего к внутреннему содержанию сцены, подключая привычную технику восприятия иконических знаков.

Создаваемые автором обзоров экфрасисы раскрывают изнутри механизм освоения приемов словесного рисования в литературе. К описанию картин Майков подходит не столько как критик, сколько как поэт: он предпринимает попытку межсемиотического перевода, воспроизводя содержание произведения изобразительного искусства при помощи художественного слова. Критику важно не только описать картину, выполнив риторическое упражнение, но осмыслить опыт изобразительного искусства в воспроизведении внешних обстоятельств и внутреннего содержания любой жизненной сцены и по возможности практически освоить этот опыт. Вследствие этого описание картины в статьях Майкова становится своего рода творческим экспериментом, отражающим основные тенденции развития современного словесного искусства. В процессе создания экфрасисов внимание критика сосредоточено на сюжете картин и использованных художником способах передачи особенностей содержания: композиции, системе образов, детальной проработке про-

[1] Переосмысливая эстетические идеи А.Н. Майкова, подобным образом поступает Ф.М. Достоевский. Например, в первой части романа «Преступление и наказание» он вводит изображение обыденной петербуржской жизни глазами Раскольникова, благодаря чему достигает двойного эффекта – воспроизводит реальность как соучастницу преступления героя и одновременно демонстрирует тонкий психологический анализ, раскрывающий без риторических объяснений человеческую сущность своего «убийцы». Сходный комплекс идей обусловливает позицию Достоевского-критика в статье «Рассказы Н.В. Успенского» (1861) [26. С. 98–100].

странства, колорите, свете. Очевидно, однако, что критик здесь уступает место художнику. Все описания сюжетов картин практически лишены средств проявления риторической позиции автора, благодаря чему традиционное очерковое описание преобразуется здесь в изображение, словесное рисование. Риторическое начало, отражающее движение взгляда критика и логику его мыслей, оказывается существенно редуцированным или исчезает совсем, как в разобранном экфрасисе картины Риццони. Майков не описывает, а рисует словом. Важно, что при всем интересе к визуальному, к внешней форме основной интерес Майкова вызывает не внешняя оболочка, а скрытое за ней внутреннее содержание, интерес к сущности сцены. В приведенном выше описании картины Риццони это специально отмечено в самом начале: критик предлагает читателю не физиологический очерк, а «повесть о чиновнике».

Подмеченное критиком авторское сочувствие происходящему обусловливает еще одно важное изменение, вносимое Майковым в традиционную форму экфрасиса: он теряет статичность, характерную для произведений изобразительного искусства, всегда передающих одно мгновение жизни. Такой подход был характерен уже для ранних стихотворений поэта, как оригинальных, так и имеющих античные источники («Барельеф», Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает») [12. С. 119–121]. Интерес к психологическому содержанию сцены лишает фрагмент статики и вносит заметную процессуальность. Все созданные Майковым описания картин сюжетны. Особенно это становится заметным в экфрасисах, посвященных картинам, передающим глубокое психологическое содержание выбранного сюжета. Заметим, что это не вымысел критика, развивающего содержание увиденного. С точки зрения Майкова, задачей современного художника является психологическая проработка выбранной темы. Именно таким глубоко современным качеством отличались все картины, ставшие предметом описания в статьях критика. Таким образом, под воздействием особой авторской задачи риторическая форма экфрасиса претерпевает существенные изменения: внося процессуальность, Майков не столько отвечал жанровой традиции, заложенной в сочинениях Филостратов, но выражал то, что присутствует в самой картине, раскрыто художником при помощи доступных ему средств визуального ряда. Любопытно, что таким богатством психологического содержания в понимании Майкова могут отличаться картины любого жанра, даже на мифологические сюжеты, как знаменитый рисунок К.П. Брюллова «Диана и Эндимион» [25. С. 136], поскольку смыслообразующим началом будут обладать не сам сюжет, а его трактовка художником и мастерство передачи психологического содержания.

Выполняя просветительскую задачу, в конце очерка о картине Риццони Майков дает риторическое обобщение сказанному выше:

> …это первая удачная попытка живописи наших простонародных сцен: в этой картине, отличающейся между прочим тщательностью отделки подробностей, достойной Миериса, решительно все русское – от характеров лиц и проявлений этих характеров до последнего лаптя и лыка. <…> Ни одного голоса не возвысилось против картины: толпа с жадностью теснилась около нее и с любопытством рассматривала на полотне художественное воспроизведе-

ние того, к чему она привыкла и на что равнодушно смотрит каждый день в своей мелкой, будничной жизни. Даже на многих картина эта подействовала как-то особенно: один господин долго смотрел на нее, потом отошел в недоумении: «Вот она, натуральная школа!» – произнес он и задумался – о чем, неизвестно… [22. С. 79].

Подчеркивая важность усвоения опыта современной литературы в контексте развития изобразительного искусства и насущную необходимость обращения художников к изображению сцен повседневной жизни, Майков использует в конце фразы название актуального литературного направления, утверждающего принципы реалистической эстетики. Критик также указывает на необходимость содержательной полноты произведения искусства, глубокого понимания художником избранного сюжета. Это становится залогом того, что информацию, закодированную средствами визуального ряда, можно будет прочитать. Он видит, как подлинные художники (подобные Брюллову художники-мыслители, по определению Майкова) оказываются способными преодолеть такое имманентное свойство изобразительного искусства, как статичность изображаемого момента, о котором он неоднократно писал в своих статьях [27. С. 122]. Продуманное до мельчайших подробностей содержание картины, авторское сочувствие, выраженное в предмете изображения и преобразившее копирование реальности в подлинное художественное произведение, приводит к тому, «что мы станем смотреть на картину с любопытством, с любовью, станем *читать* в ней» [22. С. 75].

Вследствие этого, давая какой-либо картине положительную оценку, для точной передачи своих впечатлений Майков прибегает к литературной аналогии и использует названия литературных жанров. Например, реалистическую живопись Фландрии и Голландии критик называет «эпопеей средних веков» [21. С. 30–31]. Картина А.Ф. Шопена «Саул и Давид», разбираемая столь же подробно, как и «Толкучий рынок» Риццони, в его восприятии становится «прекрасной элегией, пленительной еврейской мелодией Байрона или Томаса Мура» [23. С. 67]; картину Мейера, изображающую девочку, лукаво смотрящую на зрителя из-за раскрытой книги, Майков сравнивает с «целым антологическим стихотворением или хорошим сонетом, одним из таких, какие, по выражению Вольтера, стоят доброй эпической поэмы» [23. С. 69]. Величайшим художником-мыслителем, подлинным мастером такого глубокого прочтения сюжета, адекватного задачам современного искусства, Майков считает К. Брюллова, который сумел внести «во все сюжеты, достигшие в эпоху академического классицизма крайней степени сухости и надутости, жизнь и всю прелесть ее случайностей и грации» [23. С. 69]. Именно глубокая мысль художника, воплощенная средствами визуального ряда, позволяет увидеть за одним изображенным моментом целую историю, полное многообразие проявлений жизни.

Использование экфрасиса как одного из основных жанрово-стилевых типов текста в структуре майковских обзоров выставок обусловлено не только объективным обстоятельством: самим предметом статей, диктующим необходимость введения описаний картин, но и важнейшими тенденциями развития культуры середины XIX в., подготовившими поиски новых средств диа-

лектически многогранного изображения в искусстве живой и подвижной реальности во всем многообразии ее проявлений. В творческом сознании Майкова разговор о живописи соотносится с собственными творческими поисками, с рефлексией о современной литературе, о новизне вопросов, которые поставило перед писателем время, об адекватных художественных способах их осмысления. Особенности культурной ситуации эпохи ставят перед литературой и живописью задачи, для решения которых оказывается актуальным опыт взаимообогащения двух искусств. Живопись становится для Майкова репрезентативным материалом, позволяющим нагляднее осмыслить проблемы, значимые для развития литературы, открывает новые возможности самой словесности, обогащая ее ранее недоступными приемами визуализации изображаемого. Встроенный в обзорную статью, экфрсис становится адекватной формой воплощения этих новых возможностей и одновременно подспудным продолжением их теоретического осмысления. Этот опыт принципиально важен в контексте проблемы становления стилевого многообразия русской реалистической прозы XIX в., соединяющей широту охвата жизненных явлений и диалектичность их осмысления, емкость очеркового описания с глубоким психологическим исследованием сцены. Продуктивность предпринятого Майковым опыта творческого осмысления потенциала визуализации в контексте художественной словесности продемонстрируют в своем творчестве друзья-единомышленники Майкова Ф.М. Достоевский [26. С. 99] и И.А. Гончаров (яркий пример в этом плане – первая часть романа «Обломов», ранний вариант которой обсуждался в кружке Майковых при участии Вал.Н. Майкова).

Таким образом, словосочетания «живопись поэзии» и «поэзия живописи» становятся в середине XIX в. не только метафорической номинацией, характеризующей ассоциативно воспринимаемые содержательные особенности произведений искусства, но оказываются сущностными признаками новой литературы и живописи, объединяющихся как наиболее конкретные искусства. Поэзия и шире, художественное слово, встав перед задачей объективного изображения жизни, обратились к опыту изобразительного искусства и как будто пошли вслед за ним. Живопись же, ощутив эпохальную задачу воспроизведения внутреннего содержания изображаемых лиц, предметов и явлений, проникновения в суть вещей, воссоздания всей информативной полноты содержания, стоящего за внешними формами, напротив, обратилась к опыту художественной литературы и через доступные ей изобразительные средства стала выражать в опосредованной нериторизированной форме глубину внутренних переживаний персонажей, напряженный драматизм ситуаций или, напротив, безмятежность и беззаботность. Примером этого служат произведения писателей и художников и живой интерес, который они проявляли к творчеству друг друга.

В статьях Майкова разворачивается процесс формирования нового типа культурного мышления, предваряющего открытия гуманитарных наук второй половины XX в., прежде всего структурализма, семиотики, дескриптивных практик. Уже в путевом дневнике Майкова формируется попытка восприятия города или артефакта как текста. Благодаря этому в дневнике и письмах появляются любопытные прочтения парижских соборов и дворцово-парковых

ансамблей как объектов истории культуры [13. С. 22–26, 46–48]. В статьях Майков развивает этот подход: описывая картины, он прочитывает живописные тексты, переводя их в систему словесной кодировки. Это – начало долгого процесса становления новых методологических принципов гуманитарных наук, получивших развитие в XX в., обнаружение внутренних механизмов культуры, их экспликация. Такой подход оказывается возможным в силу особой экспериментальной природы статей и особенностей сознания их автора.

Литература

1. *Гродецкая А. Г.* Майкова Евгения Петровна // Русские писатели. 1800–1917: биогр. словарь. М., 1994. Т. 3.

2. *Седельникова О.В.* Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. Статья первая // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 380. С. 34–40.

3. *Седельникова О.В.* Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. Статья вторая // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 381. С. 52–57.

4. *Седельникова О. В.* Литература и живопись в художественной критике А.Н. Майкова. *Статья первая.* Основы сближения словесного и изобразительного искусств в критическом наследии А. Н. Майкова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 3 С. 156–169. .

5. *Михайлов А.В.* Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX веков // *Михайлов А.В.* Языки культуры: учеб. пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 509–521.

6. *Дмитриева Н.А.* Изображение и слово. М.: Искусство, 1962.

7. *Пирсон Х.* Диккенс. М.: Молодая гвардия, 1963.

8. *Анненков П. В*. Литературные воспоминания. М., 1987.

9. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: в 6 т. М., 2002. Т. 6.

10. *Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов: (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 374–386.

11. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX в. // Егоров Б.Ф. Избранное: Эстетические идеи в России середины XIX в. М., 2009. С. 7–290.

12. *Седельникова О.В.* Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. Томск: Изд-во ТПУ, 2006.

13. *Майков А.Н.* Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза. СПб.: Пушкинский дом, 2013.

14. *Брагинская Н.В.* Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточно-славянские параллели: Структура текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.

15. *Аверинцев С.С.* Древнегреческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 13–38.

16. *Кауфман Р.С.* Очерки истории русской художественной критики: От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М.: Искусство, 1990.

17. *Нарышкина Н.А.* Художественная критика пушкинской поры. Л.: Художник РСФСР, 1987.

18. *Седельникова О.В.* Статьи А.Н. Майкова о выставках в Академии художеств и их значение в развитии эстетического сознания 1840–1850-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 3 (11). С. 81–96.

19. *Седельникова О.В.* Проблема историзма в статьях А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 346. С. 36–39.

20. *Седельникова О.В.* Проблема современного содержания произведения искусства в статьях А.Н. Майкова о выставках в академии художеств // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2009. № 43 (181). С. 123–128.

21. *Майков А.Н.* Выставка в Императорской Академии художеств в 1849 году // Отечественные записки. 1849. Т. 67, № 11. Отд. 2. С. 19–40.

22. *Майков А.Н.* Годичная выставка в Императорской Академии художеств // Современник. 1847. № 11. С. 57–80.

23. *Майков А.Н.* Выставка в Императорской Академии художеств // Отечественные записки. 1850. Т. 73, № 11, отд. 2. С. 57–74.

24. *Майков А.Н.* Годичная выставка в Императорской Академии художеств // Отечественные записки. 1853. Т. 91, № 11, отд. 2. С. 21–48.

25. *Майков А.Н.* Художественная выставка редких вещей, принадлежащих частным лицам, учрежденная в залах Императорской Академии художеств, в пользу бедных (статья первая) // Отечественные записки. 1851. Т. 75, № 4, отд. 8. С. 129–145.

26. *Седельникова О.В.* В дополнение комментария к письмам Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову: (Письмо о «поэме» Достоевского и события русской истории в творческом осмыслении Майкова) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 95–103.

27. *Майков А.Н.* Выставка в Императорской Академии художеств в 1851-м году // Отечественные записки. 1851. Т. 79, № 11, отд. 2. С. 115–138.

LITERATURE AND PICTORIAL ART IN A.N. MAIKOV'S ARTISTIC CRITICISM. *ARTICLE TWO*: "POETRY OF PICTORIAL ART" AND "PICTORIAL ART OF POETRY" IN A.N. MAIKOV'S ARTISTIC CRITICISM: ON THE ISSUE OF THE POETIC AND THE PLASTIC IN ART

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 132–146. DOI: 10.17223/19986645/43/10

Olga V. Sedelnikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Keywords: A.N. Maikov, artistic criticism, literature, pictorial art, Imperial Academy of Arts exhibitions, the poetic, the plastic, ekphrasis.

The article regards A.N. Maikov's artistic criticism as a unique document of the lore culture of the mid-19th century, which reproduces the process of mutual enrichment of poetic and plastic arts and allows us to see the new patterns of literary creativity establishment. The articles about the Academy of Arts exhibitions written by the poet and artist unite the theoretic reflection of the author and his poetic experiment. The texts demonstrate the critic's distinct view that helped him to feel and understand the tendencies that started shaping in the art of the mid-19th century, to interpret them in his reviews, and raise this rather formal genre to the level of artistic criticism.

In the center of Maikov's reviews is one or several extended ekphrases describing the works of art that attracted particular attention of the audience, or pictures giving a reason for posing historical and theoretical questions. On the one hand, ekphrases illustrate Maikov's theoretical views; on the other hand, they are a form of his creative reflection on the issue. Maikov approaches the description of pictures not as a critic, but as a poet: he makes an attempt of intersemiotic translation, reproducing the content and idea of the work of visual art by means of the art of declamation. For the critic it is important not only to describe the picture, doing a rhetoric exercise, but to understand the experience of visual art in reproducing external circumstances and inner content of any scene of life and to absorb this experience. For this reason, the description of pictures in Maikov's articles turns into a kind of a creative experiment, reflecting the basic tendencies of modern lore art development.

The use of ekphrasis as one of the basic genre and stylistic types of text in the structure of Maikov's exhibition reviews is caused not only by the objective condition: the subject of the articles dictating the necessity to introduce picture descriptions, but also by the most important tendencies in the development of culture in the mid-19th century. For Maikov, pictorial art becomes a representative material which helps to understand the problems of literature development, discovers new opportunities of the lore itself, enriching it with formerly unavailable patterns of visualization of the depicted. Ekphrasis, built in the review, turns into a form of new opportunities implementation and at the same time into the continuation of their theoretic interpretation. This experience is significant in the context of the establishment of the diversity of the 19th-century Russian realistic prose which united the breadth of life phenomena and the dialectism of their interpretation, succinctness of the essayistic description and the deep psychological analysis of the scene.

References

1. Grodetskaya, A.G. (1994) Maykova Evgeniya Petrovna. In: Nikolaev, A.P. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

2. Sedel'nikova, O.V. (2014) Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 380. pp. 34–40. (In Russian).

3. Sedel'nikova, O.V. (2014) Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article Two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 52–57. (In Russian).

4. Sedel'nikova, O.V. (2016) Literature and pictorial art in A.N. Maikov's artistic criticism. Article One: The ground for oral lore and pictorial art rapprochement in A.N. Maikov's critical legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 156–169. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/41/13

5. Mikhaylov, A.V. (1997) Antichnost' kak ideal i kul'turnaya real'nost' XVIII-XIX vekov [Antiquity as an ideal and cultural reality of the 18th–19th centuries]. In: Mikhaylov, A.V. *Yazyki kul'tury: Uchebnoe posobie po kul'turologii* [Culture Languages: Tutorial for cultural studies]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

6. Dmitrieva, N.A. (1962) *Izobrazhenie i slovo* [Image and word]. Moscow: Iskusstvo.

7. Pearson, H. (1963) *Dikkens* [Dickens]. Translated from English. Moscow: Molodaya gvardiya.

8. Annenkov, P.V. (1987) *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow: Goslitizdat.

9. Bakhtin, M.M. (2002) Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

10. Starchevskiy, A.V. (1886) Odin iz zabytykh zhurnalistov (Iz vospominaniy starogo literatora) [One of the neglected journalists (from an old literary worker's memories)]. *Istoricheskiy vestnik*. 2. pp. 374–386.

11. Egorov, B.F. (2009) Bor'ba esteticheskikh idey v Rossii serediny XIX v. [The struggle of aesthetic ideas in Russia in the middle of the 19th century]. In: Egorov, B.F. *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii serediny XIX* v. [Selected works. Aesthetic ideas in Russia in the middle of the 19th century]. Moscow: Letniy sad.

12. Sedel'nikova, O.V. (2006) *F.M. Dostoevskiy i kruzhok Maykovykh* [Dostoevsky and the Maikovs' circle]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

13. Maikov, A.N. (2013) *Putevoy dnevnik 1842-43 gg. Ital'yanskaya proza* [A travel diary of 1842–43. Italian prose]. St. Petersburg: Pushkinskiy dom.

14. Braginskaya, N.V. (1977) Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoy klassifikatsii) [Ekphrasis as the type of text (to the problem of structural classification)]. In: Sudnik, T.M. & Tsiv'yan, T.V. (eds) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochno-slavyanskie paralleli. Struktura teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpatho-Eastern Slavic parallels. The structure of the text]. Vol. 4. Moscow: Nauka.

15. Averintsev, S.S. (1996) Drevnegrecheskaya "literatura" i blizhnevostochnaya "slovesnost'" [Ancient Greek "literature" and Middle East "lore"]. In: Averintsev, S.S. *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

16. Kaufman, R.S. (1990) *Ocherki istorii russkoy khudozhestvennoy kritiki. Ot Konstantina Batyushkova do Aleksandra Benua* [Essays on the history of Russian art criticism. From Konstantin Batyushkov to Alexandre Benois]. Moscow: Iskusstvo.

17. Naryshkina, N.A. (1987) *Khudozhestvennaya kritika pushkinskoy pory* [Art criticism of Pushkin's time]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.

18. Sedel'nikova, O.V. (2010) Apollon Maikov's articles about exhibitions in the Academy of Arts and their role in the development of aesthetic awareness of 1840-1850s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (11). pp. 81–96. (In Russian).

19. Sedel'nikova, O.V. (2011) Historical method in Apollon Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 346. pp. 36–39. (In Russian).

20. Sedel'nikova, O.V. (2009) Problema sovremennogo soderzhaniya proizvedeniya iskusstva v

stat'yakh A. N. Maykova o vystavkakh v akademii khudozhestv [The problem of contemporary art content in A.N. Maikov's articles on exhibitions at the Academy of Fine Arts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie*. 43 (181). pp. 123–128.

21. Maikov, A.N. (1849) Vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv v 1849 godu [The exhibition at the Imperial Academy of Arts in 1849]. *Otechestvennye zapiski*. LXVII:11:II. pp. 19–40.

22. Maikov, A.N. (1847) Godichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv [The year-long exhibition at the Imperial Academy of Arts]. *Sovremennik*. 11. pp. 57–80.

23. Maikov, A.N. (1850) Vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv [The exhibition at the Imperial Academy of Arts]. *Otechestvennye zapiski*. VXXIII:11:II. pp. 57–74.

24. Maikov, A.N. (1853) Godichnaya vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv [The year-long exhibition at the Imperial Academy of Arts]. *Otechestvennye zapiski*. XCI:11:II. pp. 21–48.

25. Maikov, A.N. (1851) Khudozhestvennaya vystavka redkikh veshchey, prinadlezhashchikh chastnym litsam, uchrezhdennaya v zalakh Imperatorskoy Akademii khudozhestv, v pol'zu bednykh (stat'ya pervaya) [Art exhibition of rare items belonging to private individuals established in the halls of the Imperial Academy of Arts, to the benefit of the poor (Article One)]. *Otechestvennye zapiski*. LXXV.4:VIII. pp. 129–145.

26. Sedel'nikova, O.V. (2012) V dopolnenie kommentariya k pis'mam F. M. Dostoevskogo A. N. Maykovu (Pis'mo o "poeme" Dostoevskogo i sobytiya russkoy istoriya v tvorcheskom osmyslenii Maykova) [In addition to the commentary to letters of F.M. Dostoevsky to A.N. Maikov (Letter on the "poem" of Dostoevsky and events of Russian history in the creative interpretation of Maikov)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 95–103.

27. Maikov, A.N. (1851) Vystavka v Imperatorskoy Akademii khudozhestv v 1851-m godu [Exhibition in the Imperial Academy of Arts in 1851]. *Otechestvennye zapiski*. LXXIX:II. pp. 115–138.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(571)(908)
DOI: 10.17223/19986645/43/11

В.А. Есипова, В.В. Шевцов

ТОМСКИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ В ПРОЦЕССАХ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ[1]

Статья посвящена неизвестному исследователям журналу «Родная Сибирь», выпускавшемуся учащимися средних учебных заведений города Томска в 1918–1919 гг. В контексте процессов развития провинциальной самодеятельной журналистики и регионального самосознания проанализированы тематика, жанры, состав редколлегии и авторов журнала, методы его тиражирования и распространения. «Родная Сибирь» рассмотрена как опыт творческого самовыражения, консолидации и коммуникации широкого круга учащихся, их общественно полезной деятельности в интересах сибирского края.
Ключевые слова: *школьные журналы, Сибирь, сибирское областничество, гектограф, литография.*

Среди разнообразия журналов и газет России начала XX в. особую группу составляют самодеятельные неподцензурные издания, носившие общественно-политический, как правило оппозиционный, или литературно-художественный характер. Рукописный или печатный выпуск таких изданий организовывался силами провинциальной интеллигенции, учащимися средней и высшей школы. В настоящее время данный источник привлекает внимание как один из видов реализации гражданской и творческой активности, способ самовыражения школьников и студентов. Исследование неподцензурной школьной и студенческой периодики может помочь в анализе современной самодеятельной журналистики (в частности, в сети Интернет), в понимании актуальных поведенческих стратегий сегодняшней молодежи.

Журнал «Родная Сибирь» не учтен ни в одном сводном каталоге и в указателе отечественной периодики Российской национальной библиотеки; не упоминается он и в специальных исследованиях, посвященных томской молодежной журналистике [1. С. 139–141]. К настоящему моменту удалось обнаружить два номера: № 3 за 1918 г. и № 5 за 1919 г. Один из гектографированных номеров журнала хранится в фонде отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета в составе коллекции «Литография и машинопись» [2]. Издание поступило в Научную библиотеку Томского государственного университета в 1922 г. в составе библиотеки и архива Сибирского кружка томских студентов, образованного в 1907 г. под руководством профессоров Томского университета с

[1] Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009) и при финансовой поддержке исследовательского центра Национального исследовательского Томского государственного университета «Транссибирский научный путь».

целью научного исследования Сибири [3. С. 60; 4]. Библиотека кружка была довольно обширна: в 1914 г. в ней насчитывалось более 225 названий в 300 томах [5. С. 55–65]. Второй дошедший до нашего времени номер, напечатанный литографическим способом, хранится в Томском областном краеведческом музее [6]. На обложке читается: «Родная Сибирь. Литературно-научный ежемесячный журнал группы учащихся средних учебных заведений». Также на обложке указан адрес редакции: «Болото. Ново-Карповская, № 12, кв. 2. Рукописи принимаются ежедневно кроме праздников с 4–5 часов вечера. По почте туда же, Г. Леонову. В редакции же можно почитать номера журнала».

О мотивах создания журнала редакционная коллегия сообщала во вводном разделе к № 3 1918 г.: «Небольшая группа учащихся, всматриваясь в пассивную жизнь учеников школы, в их безучастное отношение ко всяким ученическим организациям, которые мы, учащиеся, должны поддерживать всеми силами, задумали хоть чем-нибудь заинтересовать их. Зная, что такие журналы, как “Звенья”, “Путь юношества” с широкими рамками, едва влачат свое жалкое существование, мы решили заинтересовать новым направлением – Сибирью» [6. С. 2]. Отметим, что журналов «Звенья» известно несколько – один из них выходил в Петербурге в 1906–1907 гг., другой в 1914 г. в Вильно. В данном случае, вероятнее всего, имеется в виду внепартийный молодежный журнал литературного и научного содержания, выпускавшийся в Томске в 1918 г. Известен журнал «Путь юношества», выпускавшийся союзом учащихся средних учебных заведений Ставрополя в 1917–1918 гг. Библиографические описания этих изданий содержатся в электронном каталоге «Периодические и продолжающиеся издания на русском, украинском и белорусском языках» Российской национальной библиотеки.

В № 5 за 1919 г. содержится отчет о деятельности журнала за 1918–1919 гг., датированный маем 1919 г. [2. С. 1–4]. Из него узнаем, что в сентябре 1918 г. группа учащихся томского Алексеевского реального училища и частной женской гимназии О.В. Миркович решила основать ученический журнал, посвященный Сибири. Журнал был ориентирован исключительно на учащуюся аудиторию и целью своей ставил привитие учащимся интереса к истории родного края. Для этой же цели при издании была открыта небольшая библиотека, читателями которой значились 30 человек. Количество книг в ней на протяжении 1918–1919 гг. увеличилось со 100 до 225.

Основу редколлегии журнала составили пять человек – М. Абрамова и Е. Шалопаева, учащиеся женской гимназии О.В. Миркович; Г. Леонов и Н. Воронин, учащиеся Алексеевского реального училища. О. Купрессова, входившая первоначально в редколлегию, к моменту публикации № 5 уже вышедшая из ее состава. Кроме того, коллектив издания образовывали постоянные и непостоянные авторы, распространители и переписчики журнала набело, технические сотрудники, которых к маю 1919 г. насчитывалось до 40 человек. Большая часть из них – также учащиеся Алексеевского реального училища и гимназии Миркович. Руководителями журнала составители отчета называют П. Леонова (возможно, брат Г. Леонова) и А. Баландина (можно предположить, что это будущий известный ученый-химик А.А. Баландин, учившийся в 1917–1920 гг. в Томском университете) [7. С. 182–193]. Редкол-

легией были проведены два собрания лиц, причастных к журналу, – на первом было около 20 человек, на втором – 30.

Журнал существовал за счет самофинансирования – его бюджет образовывали взносы членов редколлегии. «Оборот кассы журнала достиг к концу операционного года 3 000 рублей; благодаря одной финансовой операции журнал сейчас имеет собственных денег около 400 рублей» [2. С. 2–3]. Суть удачной финансовой операции в отчете не раскрывалась. Согласно отчету первый номер журнала вышел в виде рукописи, в трех экземплярах, и содержал в себе 11 произведений. Второй номер, также рукописный, вышел в ноябре 1918 г. в пяти экземплярах и «был более богат материалом». К сожалению, первые два номера журнала пока не обнаружены, поэтому судить об их действительном содержании затруднительно. Третий, сохранившийся, номер журнала был литографирован в количестве 300 экземпляров, из которых было распространено 280 – «разошлись бы все, но мы ограничили распространение только среди учащихся» [2. С. 3]. Как отмечено в предисловии от редакции к № 3, выпустить его в печатном виде удалось «благодаря деятельности В. Круповича, учащегося политехнического училища». В составе номера были уже не только произведения членов редколлегии, но и сторонних авторов. Однако № 4 вновь вышел в рукописном виде: авторы отчета обосновывали это тем, что задержки с печатанием были очень велики: «…мы терпеливо ждали очереди у литографии 2 месяца» [2. С. 3]. При этом коллектив журнала разросся, стало поступать много материала и «можно было даже выбирать, о чем мы не мечтали в начале» [2. С. 3]. Пятый номер, сохранившийся в НБ ТГУ, был выпущен в количестве 50 экземпляров при помощи гектографа. Редакция выражала благодарность «сотруднику Колосову», который принимал активное участие в «организации тиража».

Характеризуя содержание всех номеров в целом, авторы отчета отмечали, что принимали статьи по трем разделам: «научный отдел», «беллетристика» и «стихотворения», но если в материале для первого и последнего раздела недостатка не было, то с наполнением «беллетристики» были затруднения. Оформление журнала было скромным: в составе обоих номеров имелось только несколько рисунков, сопровождавших тексты, – иногда это только заставка, иногда рисунок в половину листа. Часть из рисунков подписана, очевидно псевдонимом, «Таганай». Этот псевдоним дает отсылку к названию группы горных хребтов на Южном Урале, где в настоящее время расположен одноименный национальный парк. Также Таганай – село в современном Болотненском районе Новосибирской области, которое в начале XX в. относилось к Ояшенской волости. Заканчивая отчет, авторы выразили «искреннее желание, чтобы журнал “Родная Сибирь”, отдохнув летом, набравшись сил, вновь пробудился к жизни осенью этого года и шел верный своим заветам, чтобы никогда с ним не случилось того, что часто бывает: от журнала остается одно сибирское название» [2. С. 6].

Оба сохранившихся номера «Родной Сибири» открывались оглавлением, однако фактическое содержание не совсем соответствовало заявленным статьям. Так, в № 3 за 1918 г. отсутствовало заключительное слово от редакции. Журнал стал площадкой для публикации незамысловатых, но искренних стихотворных опытов местных авторов – «По Абаканской степи» (Н. С-в),

«Сибирь» («Женя»), «Перед праздником» (Иностранка), «Кто рожден среди вечно шумящих лесов…» (О.К.). Только один текст принадлежал известному поэту – «Неизданное стихотворение Некрасова», напечатанное с благодарностью редактору томской газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианову, «при содействии которого удалось достать это стихотворение». Фактически приводилось единственное четверостишие из него: «Вестминстерское аббатство Родины моей, Край великого богатства, Пышных соболей»; стихотворение было написано 23 января 1877 г. [8. С. 321]. Этнографическая тематика представлена рассказом «У бурят», содержащим описание жизни и быта одного из бурятских улусов (подписан инициалами В.О.), очерком «Праздничные обычаи урянхайцев» (предоставлен «инородцем-сойотом» Гадыром-Кизи и напечатан в авторской редакции). Статья «Характеристика крестьян-старожилов Сибири» (автор – А. Арсин) содержала разбор понятия «сибирский характер» в произведениях А.П. Щапова, Н.М. Астырева, А. Благовещенского и др. Красотам сибирской природы посвящались рассказы «Тайга» М. Югорской и прозаическая зарисовка «На Оби» М. Самойлова. В жанре биографического очерка написана статья, подписанная «В. Б-а» – «Иннокентий Васильевич Омулевский. К 35-летию со дня смерти. 1883–1918». Текст снабжен двумя примечаниями редакции: в одном выражалась просьба не обращать внимания на описки и ошибки, поскольку номер спешно готовился к печати, в другом – редакция обращала внимание читателя на то, что стихотворение, посвященное этому сибирскому поэту и писателю, можно прочесть в № 2 журнала «Родная Сибирь». В рассматриваемом номере был помещен библиографический обзор «Что читать о Сибири» П. Кедровского, отдел III – «Областничество», в котором читателям рекомендовалось обратить внимание на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», работы А.П. Щапова, С.А. Корфа, П.Г. Мижуева. Особо рекомендовались «Сборник к 80-летию рождения Г.Н. Потанина», «Письма Ядринцева к Потанину» и «Воспоминания Потанина», публиковавшиеся в 1913–1915 гг. в «Сибирской жизни». Из периодических изданий отдельного упоминания был удостоен старший литературно-художественный собрат, областнического направления – «Сибирские записки» В.М. Крутовского. Кроме того, П. Кедровский рекомендовал читателям изучать материалы текущих конференций и съездов: труды и отчеты Томской конференции (август 1917 г.), Первого Сибирского съезда (октябрь 1917 г.), Чрезвычайного Сибирского съезда (декабрь 1917 г.).

Второй сохранившийся номер «Родной Сибири» – № 5 за 1919 г., кроме подробного «Отчета о деятельности журнала за 1918–1919 гг.», он содержал отдел, приуроченный к 25-летию со дня кончины редактора-издателя «Восточного обозрения» и идеолога сибирского областничества Н.М. Ядринцева. В состав этого отдела входили: стихи Е.Ш. «Памяти Н.М. Ядринцева», статья П. Кедровского «Н.М. Ядринцев как сибиряк. К 25-летию со дня смерти», биографический очерк А. Арсина «Николай Михайлович Ядринцев (биографические данные)».

Стихотворение «Памяти Н.М. Ядринцева» представляет собой неумелую, но искреннюю оду «славному сыну Сибири»; текст невелик и насчитывает всего четыре четверостишия. Завершается он следующим пассажем:

Но смерть не пощадила, срезала косою.
Тебя не стало, но труды твои живы.
В сердцах сибиряков твой образ не тускнеет.
Привет вам, славные, великие сыны.

В статье П. Кедровского Ядринцев характеризуется как один из тех «областных интеллигентов», чья жизнь и деятельность являлась «предвестником свободы страны» в «нашей обыденной, убогой провинциальной жизни». Идея сибирского областничества противопоставлена идее служения России, «извращенной руками союза Михаила Архангела». Текст содержит целый ряд типичных для областничества характеристик: местная жизнь описывается как «мрачное провинциальное болото», в котором имеются отдельные «культурные уголки» городов, в которых, впрочем, также процветают «нажива, пьянство и разврат». Борцом за лучшее будущее представляется местная сибирская интеллигенция, выделявшаяся «одиноким гранитным островком среди наносов порока». Одним из представителей этой интеллигенции и являлся, по мнению автора, Н.М. Ядринцев. Далее в статье излагается краткая творческая биография Николая Михайловича, в которой делается акцент на его любви к родному краю. Завершается статья цитатой из работы самого Ядринцева: «Что тут было преступного, что было преступного в горячей любви к своей родине?».

Если работа Кедровского практически не содержит конкретных дат, описывая творческий путь Ядринцева лишь как пример сибирского патриотизма, то работа А. Арсина является именно классическим биографическим очерком. Здесь излагаются основные этапы биографии Н.М. Ядринцева; в отличие от предыдущего текста, здесь отсутствует эмоциональная составляющая. Арсин, очевидно, ставил своей целью ознакомить читателя с главными датами жизненного пути своего персонажа, не давая при этом оценочных характеристик.

Далее помещены тексты, посвященные коренному и русскому населению Сибири: публицистический очерк «Сибиряка» «Угасание» – о судьбах коренного населения Сибири; этот небольшой по объему текст содержит эмоционально окрашенную характеристику бесправного положения коренных жителей Сибири и призыв к учащейся молодежи «отозваться на этот стон беззащитного инородца».

Исторический очерк М. Югорской «Заселение Алтая раскольниками» повествует о появлении старообрядцев на Алтае, в частности в долине р. Бухтармы. Автор противопоставляет «полную угнетения» жизнь в европейской части России и относительно «вольную» – на территории Сибири, где «раскольники быстро становились зажиточными». Очерк «Яргай», подписанный псевдонимом «Тутал», снабжен уже знакомым примечанием от редакции о сохранении стиля автора-«инородца». В основе очерка лежал краткий пересказ легенды о племени туталов и его хане – Яргае, жену которого пленили калмаки. Псевдоним «Тутал» отсылает к названию «Тутальские скалы» – скальные выходы на правом берегу р. Томи на территории современного Яшкинского района Кемеровской области, напротив Юрги. Название связывают со станцией Тутальской Кемеровской железной дороги. Неподалеку расположен музей-заповедник «Томская писаница». Историческая миниатюра

«Югорская земля» Р. Скаловой осталась неоконченной; в рассматриваемом номере опубликовано лишь начало текста.

Стихотворные опыты принадлежали «А.Б.» – «У Сибири моей», «Е.Ш.» – «К Алтаю», Нине З. – «Поезд», Галине Л. «Месть Кара-немэ (предание)», К. Кандыкову – «Таежная сказка. Посвящается одной сибирячке», «Ж.Ш.» – «Таганаю» (возможно, адресовано художнику «Родной Сибири», который подписывал свои рисунки этим псевдонимом). Литературная проза была представлена лирической пейзажной зарисовкой «Из летних впечатлений (отрывок)» за подписью «Борис В.», где автор описывал красоты летней сибирской природы. На последней странице номера размещалось объявление от редакции: «Этот очерк [«Югорская земля»], а также «Схема сибирской кооперации», рассказ «Шаман Цырен», очерк «Суд у сойот», «…ночь» и «Почтовый ящик», к нашему глубокому сожалению, не могут быть напечатаны ввиду недостатка гектографических чернил и полного отсутствия их на рынке». Отметим, что в оглавлении номера на обороте обложки также сделаны исправления: вычеркнут ряд заглавий.

Изучение самодеятельных школьных журналов как орудия революционной пропаганды [9. С. 222–239; 10; 11. С. 197–203] в настоящее время расширилось до характеристики с их помощью особенностей мировоззрения провинциального образованного общества, восприятия им общероссийских и местных проблем общественно-политической жизни, процессов формирования регионального самосознания [12; 13. С. 199–205; 14; 15. С. 96–100; 16. С. 18–42; 17. С. 179–196; 18. С. 101–113]. Школьная периодика привлекается в качестве источника для изучения самых разных проблем: истории педагогики, журналистики и самиздата, неполитических общественных объединений, субкультуры российских гимназистов, мира детства. Это указывает на обширный и не до конца использованный потенциал данного источника.

Практически во всех работах, посвященных самодеятельным школьным журналам, отмечаются два аспекта их существования:

– жанровый – исследователями выявлен и проанализирован ряд малоизвестных или совсем неизвестных литературно-художественных, общественно-политических, научных изданий. Рассмотрены журналы или одного жанра [16. С. 18–42; 15. С. 96–100], или внимание уделено всем периодическим изданиям независимо от жанра [14, 12];

– технический – указание на рукописный или типографский способ тиражирования школьных журналов. Иногда исследователи выбирают в качестве объекта рассмотрения только рукописные [16. С. 18–42] или только печатные журналы [12]; в других случаях рассматриваются все известные автору издания независимо от способа тиражирования [14; 17. С. 179–196; 13. С. 199–205]. Однако нами не обнаружено работ, где эти аспекты вопроса анализировались бы в их связи. В то же время аспект материального воплощения источника представляется существенным. Так, О.М. Медушевская предлагала дополнить теоретическое источниковедение концептом «эмпирической реальности исторического мира», предполагающим введение понятия «вещь», под которым подразумевается «реализованный продукт целенаправленной человеческой деятельности» [19. С. 419]. Как отмечал известный историк книги Роже Шартье, «дискурсы всегда материальны: они записаны на стра-

ницах книги, их произносит чей-то голос, их можно услышать со сцены; и каждая из этих форм подчиняется собственным правилам и ограничениям. А значит, нет такого "порядка дискурса" (если воспользоваться выражением Фуко), который можно было бы отделить от современного ему порядка книг» [20. С. 17].

Материалы, размещенные в обоих сохранившихся номерах журнала, имеют ряд общих черт. Во-первых, как в стихотворных, так и в прозаических текстах постоянно подчеркивались красота и богатство Сибири, ее природы: «Мои поля родные хороши…» [6. С. 4] или «Люблю тебя, Сибирь родная…» [2. С. 7]. Во-вторых, авторы акцентировали свое внимание на бедственном положении коренного населения Сибири; в этом отношении один из текстов назван предельно ясно – «Угасание». Предоставление страниц журнала для авторов из числа коренного населения, очевидно, продиктовано стремлением позволить им говорить «от первого лица», рассказать о своих проблемах и нуждах. Однако в текстах нет никаких конкретных призывов, кроме пожелания изучать и любить родной край.

Авторы журнала отчетливо понимали непростой характер текущей социально-политической ситуации и по-своему это формулировали. Например, очерк «Н.М. Ядринцев как сибиряк» начинался словами: «В минуту тяжких сомнений нашей интеллигенции, в минуту крушения ее идеалов и расхождения с прежним своим кумиром – народом…» [2. С. 9]. Выход журнала действительно происходил в условиях динамичных политических событий. В декабре 1917 г. в Томске была провозглашена советская власть, практически одновременно с этим областниками был созван Чрезвычайный общесибирский областной съезд, который сформировал Временный Сибирский областной Совет во главе с Г.Н. Потаниным. На январь 1918 г. было назначено открытие Сибирской областной думы, которая, однако, была распущена большевиками. 31 мая 1918 г. в результате мятежа чехословацкого корпуса советская власть в Томске была низложена и окончательно установилась в городе лишь в декабре 1919 г.

Таким образом, рассмотрение содержания двух сохранившихся номеров «Родной Сибири» показывает, что в целом это издание может быть отнесено к литературно-художественному, с элементами научного журнала – о последнем свидетельствует наличие этнографических, биографических и библиографических текстов. Тематически он был близок областническим периодическим изданиям, однако не поддерживал их обличительного антисоветского пафоса. Например, редактор «Сибирской жизни» А.В. Адрианов в статье «К вопросу об организации власти» обращался к читателям: «На плечи сибирского правительства легли две огромных задачи – борьба с анархией и восстановление нормальной жизни в собственной стране, Сибири, воссоединение ее с другими, оторванными частями России» [21. С. 2].

На настоящий момент невозможно точно определить авторство всех статей журнала. Так, известно, что псевдоним «Сибиряк» использовали 14 авторов, включая таких известных сибиряков, как А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев и Д.И. Мамин-Сибиряк [22. С. 111]. Отметим, что три подписи повторялись в обоих номерах: это М. Югорская, А. Арсин и П. Кедровский. Кроме того, ряд стихотворений подписаны как «Е.Ш.», «Ж.Ш.», «Женя». Поскольку авторами

большинства материалов в журнале были члены редколлегии, можно предположить, что за этими инициалами скрывалась Е. Шалопаева, а псевдоним М. Югорская мог принадлежать М. Абрамовой. Входившие с состав редакции Г. Леонов и Н. Воронин, а также руководители журнала П. Леонов и А. Баландин могли избрать псевдоним А. Арсин (А. Баландин? возможно, ему же принадлежал псевдоним «А.Б.») и П. Кедровский (П. Леонов?). Входившая некоторое время в состав редколлегии О. Купрессова, возможно, публиковалась под псевдонимом «О.К.», которым подписано стихотворение в № 3 за 1918 г.; тексты под этим псевдонимом отсутствовали в № 5 за 1919 г.

Характеризуя коллектив редколлегии в целом, необходимо отметить довольно специфический его состав: в частной гимназии О.В. Миркович (первой частной гимназии в Западной Сибири) учились дети университетской профессуры и богатых горожан: плата за обучение составляла 120 руб. в год, что в два раза превышало среднюю оплату в казенных гимназиях. Алексеевское реальное училище – первое реальное училище на территории Западной Сибири – как и другие учебные заведения подобного профиля, предполагало углубленное изучение математики, физики и прикладных дисциплин. Таким образом, редколлегия представляла собой коллектив, включавший девочек из богатых образованных семей, городской элиты, и мальчиков-«реалистов», занимавшихся, очевидно, помимо написания текстов, технической стороной издания.

Среди авторов имела место выраженная специализация. Как уже отмечалось, «Е.Ш.», «Ж.Ш.» или «Женя» писала стихи. М. Югорская специализировалась на прозе: из-под ее пера вышли рассказ «Тайга» и «Заселение Алтая раскольниками. Исторический очерк». П. Кедровский отвечал за библиографический раздел, а также подготовил статью «Н.М. Ядринцев как сибиряк. К 25-летию со дня смерти». А. Арсин написал «Характеристику крестьян-старожилов Сибири», а также биографический очерк о Н.М. Ядринцеве. Традицией журнала являлось и размещение материалов, написанных представителями коренных народов Сибири: «Праздничные обычаи урянхайцев» за подписью Гадыр-Кизи и очерк «Яргай» за подписью «Тутал». Традиционной была рубрика, посвященная юбилеям известных сибирских деятелей: очерк, посвященный И.В. Омулевскому и серия материалов, связанных с именем Н.М. Ядринцева.

Избрание того или иного способа тиражирования журнала может являться индикатором намерений его редколлегии в отношении дальнейшей судьбы издания и оценок ею размеров потенциальной аудитории журнала. «Родная Сибирь» первоначально тиражировалась рукописным способом. Такое начало характерно для большинства школьных журналов и обусловлено рядом факторов: отсутствием издательского опыта, ограниченным бюджетом, небольшим кругом авторов, неопределенностью дальнейших планов и сложностью определения размеров потенциальной аудитории. Множество ученических журналов заканчивали свое существование на этой стадии, другие продолжали выходить в рамках рукописной версии. Это существенно ограничивало возможности к распространению журнала. Однако «Родная Сибирь» продолжила свою работу и смогла существенно увеличить тираж, перейдя на

литографический способ тиражирования уже в рамках третьего номера. Избрание литографии, а позже – гектографа в качестве способа тиражирования вполне закономерно по ряду причин. Во-первых, технически литография и гектограф, безнаборные способы тиражирования, имели в своей основе рукописный оригинал. Для членов редколлегии технически почти ничего не изменилось: они подготавливали рукописный оригинал номера, но отдавали его не переписчикам, а в литографию. Во-вторых, широкое распространение литографии и гектографа в конце XIX – начале XX в. и их относительная дешевизна делали возможным обращение к ним даже для школьников. Очевидно, третий номер «Родной Сибири», вышедший тиражом 300 экземпляров, следует признать пиком популярности издания. Последовавшие за этим финансовые проблемы вынудили редакцию вернуться к рукописному способу. Но члены редколлегии не оставили своих усилий, и пятый номер вновь был напечатан, хотя уже тиражом лишь 50 экземпляров и не в литографии, а на гектографе. Качество печати здесь оказалось существенно ниже: на гектографе в принципе невозможно получить более 100 оттисков. Кроме того, сказались и проблемы технического плана (отсутствие необходимой краски).

Члены редколлегии сознательно и целенаправленно стремились расширить свою аудиторию. Помимо избрания нового способа тиражирования об этом свидетельствовали шаги по обретению финансовой независимости журнала (сбор членских взносов, проведение «удачной финансовой операции»), бесплатная раздача номеров, создание кружка по изучению «сибирской» литературы. Эта модель поведения существенно отличается от описанной, в частности, А.И. Ереминым: проанализированные им «Школьные досуги» так и не вышли за пределы рукописного тиражирования, приняли в общении с читателями менторский тон, дистанцировались от обсуждения ряда злободневных тем, что в итоге и вызвало закрытие журнала. С другой стороны, наблюдается общность поведенческих стратегий редколлегии «Родной Сибири» и сибирских кружков всероссийской организации «Светоч», издававшей свои журналы, а также политических и других кружков учащихся, выпускавших неподцензурные листовки и газеты [23. С. 103–110; 24. С. 84–91].

Отметим, что гимназическое начальство, как правило, было осведомлено о журналистских опытах учащихся и так или иначе эту деятельность пыталось направлять в приемлемое русло. Издавались и соответствующие распоряжения и рекомендации, как, например, следующая: «Школьный журнал должен быть (в младших классах – непременно) рукописный. Печататься на типографском станке он ни в коем случае не должен. Равным образом, не место в школьном журнале и вообще всему, что не носит в себе личного труда учащихся <…> Школьный журнал должен издаваться только в одном экземпляре – множение журнала (два-три экземпляра) не имеет педагогической ценности и, скорее, вредно, нежели полезно» [14. С. 61]. Как видно, тиражирование школьных журналов гимназическим начальством не приветствовалось, а тиражи в несколько десятков и тем более сотен экземпляров даже не мыслились. Причины этого (не только педагогические) очевидны; тем более значимыми следует признать те случаи, когда ученические журналы выходили за указанные рамки. При этом такие случаи не были связаны исключи-

тельно с политической пропагандой, к каковой невозможно отнести «Родную Сибирь».

К сожалению, по Сибири, как и по Российской империи пока не собраны материалы, позволяющие оценить журналистскую деятельность учащихся в целом. Однако подобная работа проведена на материалах Уральского региона [14. С. 21–48]; учитывая географическую близость Урала и Западной Сибири, можно предполагать, что процессы в этих регионах были типологически близки. По Уральскому региону можно выделить следующие группы ученических журналов: общественно-политические рукописные, общественно-политические гектографированные, литературно-научные рукописные и литературно-научные гектографированные (литографированные). Первоначально, в 1859–1895 гг., преобладал рукописный способ тиражирования для всех групп, единственным гектографированным журналом был нелегальный общественно-политический журнал «Уралец» (Екатеринбург, 1892–1897 гг.). В период 1896–1904 гг. наиболее многочисленна группа общественно-политических гектографированных изданий (4 из 14 учтенных («Товарищ», «Пробуждение», «Проблеск» и др.). В 1905–1907 гг. среди гектографированных изданий преобладали общественно-политические (6 против 1 научно-литературного – «Отражение»). В 1907–1917 гг. количество общественно-политических журналов уменьшилось (2 рукописных и 3 гектографированных), но возникло много литературно-научных, большинство из которых – рукописные (7 против 3 гектографированных и 1, издававшегося типографским способом, – «Мозаика», г. Уфа).

Таким образом, к увеличению тиражей и, следовательно, расширению читательской аудитории стремились преимущественно ученические журналы общественно-политического характера. Журналы литературные и научные (к которым относится «Родная Сибирь» исходя из анализа содержания издания) чаще выходили в рукописном виде. Тиражирование таких журналов литографическим, гектографическим или типографским способом происходило под руководством учителей либо при наличии активного ученического ядра в составе редколлегии, у которого хватало упорства и энергии на подобный шаг. Переход литературных и научных ученических журналов на новые способы тиражирования становился все более широко распространенным с течением времени, т.е. с увеличением доступности и снижением цены на услуги литографий и гектографов. Однако при этом продолжали оставаться и издания, тиражировавшиеся рукописным способом, что связано не только с доступностью средств тиражирования, но и с поведенческими установками членов редколлегии и их представлениями о своих читателях. Поэтому при анализе отечественной ученической периодики XIX – начала XX в. представляется важным учитывать не только жанровые характеристики, но и избираемый способ тиражирования издания.

Итак, журнал «Родная Сибирь» был учрежден и выпускался молодыми юношами и девушками с активной жизненной позицией, не ограничившими себя рамками школьной повседневности. Это был опыт не только творческого самовыражения (подражательного, несовершенного и в то же время оригинального), редакторской и издательской деятельности, но и социальной консолидации и коммуникации широкого круга учащихся (принадлежавших

к тому же учебным заведениям с раздельным обучением), нахождения и расширения круга единомышленников, общественно полезной (в понимании авторов) деятельности в интересах сибирского края. Устойчивое воспроизводство заявленной в программе «Родной Сибири» структуры («научный отдел», «беллетристика» и «стихотворения»), жанровое и тематическое развитие содержания этих разделов свидетельствуют о том, что редакционная коллегия мыслила издание как долговременный проект. Однако неизвестно, продолжил ли свое существование журнал после «летних каникул» 1919 г. или № 5 был последним в условиях происходивших в стране и в городе политических изменений. Областническая «Сибирская жизнь» для новой власти стала «черносотенно-провокаторской» [25. С. 198] и в декабре 1919 г. была закрыта. Ее редактор А.В. Адрианов, которому выражала благодарность «Родная Сибирь», в марте 1920 г. был расстрелян по приговору Томской ЧК [26. С. 88]. Относительно судьбы сотрудников «Родной Сибири» никаких данных на настоящий момент не обнаружено, но принимая во внимание их возраст, можно надеяться не на столь трагичный финал. Глорификация Сибири в литературных формах, сосредоточение на этнографических и исторических сюжетах ее прошлого и настоящего, информационный (а отнюдь не проблемно-драматический как в областнических изданиях) характер публикаций о местной общественно-политической жизни могут свидетельствовать о некой защитой реакции на политизацию общества, попытке отстранения от актуальной нестабильной ситуации гражданского противостояния и нахождения себя в «мирных» текстах прошлого и утраченного благополучного времени.

Литература

1. *Косых Е.Н.* Молодежная печать Сибири (март 1917 – май 1918 года) // VII Макушинские чтения: материалы науч. конф., 16–17 мая 2006 г., Красноярск. Новосибирск, 2006.

2. *Отдел* рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. В–5479. Родная Сибирь. Литературно-научный ежемесячный журнал группы учащихся средних учебных заведений. Томск. 1919. № 5. 40 с.

3. *Эйнштейн И.* Сибирский кружок // Сибирский студент. 1914. № 1.

4. *Васенькин Н.В.* Архивный фонд ОРКП НБ ТГУ. Вып. 5. Сибирский научный кружок. Опись архива. Томск, 2006. 14 с.

5. *Карташова Т.П.* К вопросу об обеспеченности студентов учебными пособиями (по материалам томской прессы начала XX в.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 2 (4).

6. *Томский* областной краеведческий музей. 8520/5355. Родная Сибирь. Литературно-научный ежемесячный журнал группы учащихся средних учебных заведений. Томск. 1918. Дек. № 3. 36 с.

7. *Соловьев Ю.И.* Алексей Александрович Баландин // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 182–193.

8. *Некрасов Н.А.* Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. Т. 3.

9. *Крайнева Н.И.* Рукописные журналы и газеты учебных заведений дореволюционной России // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (малоисследованные проблемы и источники). М., 1980.

10. *Паликова А.К.* Рукописные журналы Сибири 900-х годов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 70 с.

11. *Рукописная* книга. Нелегальные издания // Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1.

12. *Балашова Ю.Б.* Школьная журналистика Серебряного века. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2007. 114 с.

13. *Халиуллина М.С.* История развития и условия функционирования детско-юношеских самодеятельных изданий Оренбургского края (1878–2011 гг.) // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2012.

14. *Рушанин В.Я.* Печатные и рукописные издания уральской учащейся молодежи в 1859–1917 гг. Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2011. 164 с.

15. *Бондаренко М.А.* Кадетские и юнкерские журналы начала XX в.: педагогическая составляющая // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3.

16. *Еремин А.И.* Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер. Исторические науки. История России. 2013. № 10 (111).

17. *Лярский А.Б.* «Мы сами создали себе свой мир…»: школьные рукописные газеты и журналы начала XX века как фактор социализации // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 179–196.

18. *Возилов В.В.* Проблема интеллигенции на страницах рукописных журналов начала XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2.

19. *Медушевская О.М.* Теория исторического познания: избр. произв. СПб.: Университетская книга, 2010. 572 с.

20. *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.

21. *Адрианов А.В.* К вопросу об организации власти // Сибирская жизнь. 1918. 27 авг. № 95.

22. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1958. Т. 3. 415 с.

23. Ищенко О.В. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2008. № 4/3.

24. Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся Урала в дореволюционный период // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2008. № 4/3.

25. *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Потанин: Последний энциклопедист Сибири. Томск: НТЛ, 2004. 230 с.

26. *Ларьков Н.С.* Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 367.

TOMSK AMATEUR JOURNALS IN THE PROCESS OF STUDENTS' CULTURAL IDENTIFICATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 147–160. DOI: 10.17223/19986645/43/11

Valeriya A. Esipova, Vyacheslav V. Shevtsov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru / totleben@yandex.ru

Keywords: school journals, Siberia, Siberian regionalism, hectograph, lithography

The article is devoted to the problem of amateur school journals in the periphery of the Russian Empire in 1917–1918. The journal *Rodnaya Sibir'* [Native Siberia], which was published in Tomsk and was not previously known to researchers, was studied. Two issues of the journal have been found by now; one of them in the collections of the Tomsk State University Research Library, the other in the collection of the Tomsk Museum of Local Lore. The composition of the journal, main themes and genre structure were identified. It was shown that a substantial portion of papers was devoted to the Siberian topic; headlines, which may be conventional, were identified. The list of members of the editorial board was reconstructed, as well as the approximate number of authors; the institutions where the authors studied were specified. Pseudonyms the authors of the journal used were identified. Specializations of authors were established (poets, writers, bibliographers). It was shown that representatives of the native population of Siberia were among the authors of the journal. Techniques of the journal replication were studied (lithography, hectograph, handwritten replication). It was proved that the members of the editorial board knowingly and intentionally sought to expand the journal audience; the way of this expansion was shown (selection of the ways of journal replication, gaining financial independence, creation of a circle for the study of literature about Siberia).

The journal *Rodnaya Sibir'* was established and published by young men and women with an active life stance who did not limit themselves by the frames of school routine. The literary glorification of Siberia, the focus of ethnography and history plots from Siberia's past and present, informational

(rather than topical and dramatic as it was in oblastniks' journals) way of publications about local socio-political events can be viewed as a defense reaction to the politicization of the society, an attempt to shelter from the contemporary non-stable state of civil confrontation and as a way to find one's own self in the "peaceful" texts of the past and lost trouble-free time. The consistent journal structure, genre and thematic variety of the journal sections suggests that the editorial board thought *Rodnaya Sibir'* to be a long-term project.

For the young and active men and women the journal *Rodnaya Sibir'* was an experience of creative expression, of editorial and publishing activities, of social cohesion and communication of wide range of students, an experience of finding and expanding the circle of associates, experience in community service for the benefit of the Siberian region.

References

1. Kosykh, E.N. (2006) [Youth print in Siberia (March 1917 – May 1918)]. *VII Makushinskie chteniya* [VII Makushinskie readings]. Proceedings of the conference. 16–17 May 2006. Krasnoyarsk. Novosibirsk: GPNTB SO RAN. (In Russian).

2. Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research library of Tomsk State University. V–5479. *Rodnaya Sibir'. Literaturno-nauchnyi ezhemesyachnyi zhurnal gruppy uchashchikhsya srednikh uchebnykh zavedenii* [Native Siberia. Literary and scientific monthly journal of group of secondary school students]. (1919) 5. Tomsk.

3. Einshtein, I. (1914) Sibirskii kruzhok [Siberian circle]. *Sibirskii student.* 1.

4. Vasen'kin, N.V. (2006) Sibirskii nauchnyi kruzhok. Opis' arkhiva. [Siberian scientific circle. Inventory of archive]. *Arkhivnyi fond ORKP NB TGU.* 5.

5. Kartashova, T.P. (2013) On textbook availability for students (by materials of Tomsk newspapers and periodicals of the early 20th century). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2 (4). pp. 55–65. (In Russian).

6. Tomsk Regional Museum of Local Lore. 8520/5355. *Rodnaya Sibir'. Literaturno-nauchnyi ezhemesyachnyi zhurnal gruppy uchashchikhsya srednikh uchebnykh zavedenii* [Native Siberia. Literary and scientific monthly journal of group of secondary school students]. (1918) 3 (December). Tomsk.

7. Solov'ev, Yu.I. (1995) Aleksei Aleksandrovich Balandin [Alexey A. Balandin]. In: Aref'eva, I.G. *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR* [Tragic fate: the repressed scientists of Soviet Academy of Science]. Moscow: Nauka.

8. Nekrasov, N.A. (1967) *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Vol. 3. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

9. Kraineva, N.I. (1980) Rukopisnye zhurnaly i gazety uchebnykh zavedenii dorevolyutsionnoi Rossii [Handwritten journals and newspapers in educational institutions of pre-revolutionary Russia]. In: Dneprov, E.D. (ed.) *Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (maloissledovannye problemy i istochniki)* [Educational and pedagogical thought in Russia on the eve of the imperialism (scantily explored problems and sources)]. Moscow: USSR APS.

10. Palikova, A.K. (1974) *Rukopisnye zhurnaly Sibiri 900-kh godov* [Handwritten journals of Siberia of the 900s]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.

11. Volkova, V.N. (ed.) (2000) *Rukopisnaya kniga. Nelegal'nye izdaniya* [Handwritten book. Illegal publications]. In: *Ocherki istorii knizhnoi kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the history of Book Culture of Siberia and the Far East]. Vol. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.

12. Balashova, Yu.B. (2007) *Shkol'naya zhurnalistika serebryanogo veka* [School journalism of the Silver Age]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

13. Khaliullina, M.S. (2012) Istoriya razvitiya i usloviya funktsionirovaniya detsko-yunosheskikh samodeyatel'nykh izdanii Orenburgskogo kraya (1878–2011 gg.) [History of the development and functioning conditions of youth independent editions in Orenburg region (1878–2011)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism.* 2. pp. 199–205.

14. Rushanin, V.Ya. (2011) *Pechatnye i rukopisnye izdaniya ural'skoi uchashcheisya molodezhi v 1859–1917 gg.* [Printed and handwritten editions of the Ural students in 1859–1917]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo ChGAKI.

15. Bondarenko, M.A. (2013) Cadet Magazines of the Beginning of the XX Century: Pedagogical Component. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 13:3. pp. 96–100. (In Russian).

16. Eremin, A.I. (2013) The Mentality of Provincial Gymnasium Students in early XX century (On the Basis of the Hand-written Journal "School Leisure Activities"). *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii" – RSUH/RGGU Bulletin. Series: Historical Studies, History of Russia*. 10 (111). pp. 18–42. (In Russian).

17. Lyarskiy, A.B. (2014) "We created Our Own World by Ourselves . . .": Early 20th Century School Handwritten Press as a Factor of Socialization. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 179–196. (In Russian).

18. Vozilov, V.V. (2014) The problem of intelligentsia on the pages of hand-written magazines in the beginning of the 20th century. *Intelligentsiya i mir*. 2. pp. 101–113. (In Russian).

19. Medushevskaya, O.M. (2010) *Teoriya istoricheskogo poznaniya: Izbrannye proizvedeniya* [The theory of historical knowledge. Selected works]. St. Peterburg: Universitetskaya kniga.

20. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Translated from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

21. Adrianov, A.V. (1918) K voprosu ob organizatsii vlasti [On the question of regime organization]. *Sibirskaja zhizn'*. 95. 27 Aug.

22. Masanov, I.F. (1958) *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scholars and public figures]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

23. Ishchenko, O.V. (2008) Organization of Pupil's Circles of Siberia in the Beginning of the XX Century. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya. Politologiya" – Izvestiya of Altai State University. Series: History, Political Economy*. 4-3(60). pp. 103–110. (In Russian).

24. Egorova, M.V. (2008) Ural Students' Daily Life in the Before-Revolution Period. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya. Politologiya" – Izvestiya of Altai State University. Series: History, Political Economy*. 4-3(60). pp. 84–91. (In Russian).

25. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin: Poslednii entsiklopedist Sibiri* [Potanin: the last person of encyclopedic learning in Siberia]. Tomsk: NTL.

26. Lar'kov, N.S. (2013) Political activity of A. Adrianov during Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 367. pp. 74–80. (In Russian).

УДК 070.15
DOI: 10.17223/19986645/43/12

О.В. Кубышко

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

В статье представлен обзор кинологической тематики в периодических изданиях стран с развитой культурой собаководства, таких как Великобритания, Германия, Франция и США, в XIX – начале XX в., в период зарождения специализированных журналов по кинологии. Выявлено, что во всех этих странах кинологическая журналистика развивается по сходным схемам, отслежены тенденции развития мировой кинологической журналистики.

Ключевые слова: *кинологическая журналистика, периодические издания по кинологии, журналы «по интересам», европейские журналы о собаках, история специализированной журналистики.*

Специализированные издания в российской теории журналистики – явление сравнительно малоизученное, особенно те издания, которые охватывают сферу увлечений. Между тем именно эти СМИ являются достаточно многочисленным и жизнеспособным сегментом журналистики и, по мнению Е.В. Ахмадулина, меньше всего испытывают влияние политических и идеологических изменений в обществе [1. С. 272].

Собаководство – это большой и древнейший пласт человеческой культуры, вызывающий интерес и переживающий подъем как минимум с середины XIX в., когда урбанизация и развитие техники все больше начали отделять человека от природы. Комнатные животные – и особенно наиболее популярные из них собака и кошка – практически идеально встраиваются в изменяющийся быт человека, начиная выполнять новые функции, в настоящее время наиболее востребованной среди которых является функция компаньона. В современном обществе вокруг любой потребности человека быстро выстраивается определенная инфраструктура, в которую входит также информационное сопровождение в виде создания книг, периодических изданий, информационных сайтов и форумов. Информационный продукт в области кинологии создан, развивается, но остается практически неизученным, хотя исследования в области специализированной журналистики, конечно, проводились. Вопросы типологии периодических изданий изложены в работах А.И. Акопова, Е.В. Ахмадулина, Е.В. Корнилова, А.В. Западова, Б.Я. Мисонжникова, М.В. Шкондина и др. Наиболее близкой теме для данного исследования – истории русских журналов об охоте – посвящены статьи М.В. Поддубного [2] и Ф.Р. Штильмарка [3]. Однако работ по кинологической периодике ни в отечественной, ни в зарубежной истории и теории журналистики найти не удалось, этот обзор является совершенно новым и оригинальным.

Если придерживаться схемы типологической системы, предложенной петербургской школой журналистики [4. С. 281], то кинологические СМИ можно отнести к изданиям аналитическим, специализированным, тематически относящимся к категории изданий «по интересам», т.е. обслуживающим сферу увлечений, хобби. Изучение кинологической периодики дает представление о динамике развития специализированных изданий этого типа, являясь одним из показательных примеров по ряду причин. История кинологических журналов достаточно продолжительная – она началась в 80-х гг. XIX в.; начиная с середины XIX в. собаководство предоставляет достаточное количество актуальной информации – выставок, испытаний рабочих качеств, спортивных состязаний; кинологическая тематика четко разделяется на служебное, охотничье, выставочное и спортивное направления, что влияет на быстрое формирование типологической системы кинологических СМИ.

XIX в. явился периодом бурного развития периодических изданий в странах Европы и Америки. По мнению Г. Онуфриенко, «в XIX в. целый ряд изменений (технологических, собственно журналистских и социально-политических) положил начало качественно новому этапу в развитии мировой журналистики, сформировав и вплотную приблизив газетно-журнальную индустрию к сегодняшнему пониманию и виду» [5]. Этот расцвет журналистики характеризовался не в последнюю очередь ростом численности газет и журналов, в том числе за счет предоставления информации «по интересам», т.е. углублением специализации изданий. Например, в Англии, по словам В. Соколова, «периодика второй половины Х1Х в. была достаточно специализированной. О приключениях и путешествиях писал «Уайлд Уорлд Мэгэзин» («Журнал всего мира», 1898), существовали религиозные, профессиональные, технические, спортивные и другие издания» [6].

В то же время в XIX в. началась настоящая эра собаководства, в первую очередь в Великобритании, а затем в других европейских странах и США. Этому способствовал ряд факторов. В середине XIX в. началось использование собак в полицейской и военной службе. К XIX в. было усовершенствовано и повсеместно распространилось дробовое охотничье оружие и сложились основные породы охотничьих собак. Начали проводить официальные испытания полевых качеств собак и выставки: первые организованные полевые испытания прошли в Саутхилле в 1865 г., первая выставка собак – в Норфольке в 1859 г. Началось спортивное использование собак – в 1876 г. впервые прошли бега борзых за искусственным зайцем [7]. Таким образом, значительно расширилась сфера использования собак – не только изначальные охотничье, сторожевое, пастушье и декоративное, о которых писал еще Гомер, появились такие направления в развитии собаководства как выставочное, служебное и спортивное. И наконец, впервые в истории собаководство стало приобретать официальный статус: первый Кеннел-клуб появился в 1873 г. в Англии, а в 1874 г. была опубликована первая племенная книга, в 1878 г. появился первый клуб собаководства в Германии. Это был важнейший этап окончательного формирования не только основных европейских пород собак, но и всей системы собаководства [8].

Интерес к теме собак и собаководства не мог не затронуть и периодические издания стран Западной Европы, стран с наиболее развитой журнали-

стикой и – одновременно – кинологией. Представляется совершенно логичным, что журналы о собаках впервые появились и начали активно развиваться именно в этих странах – Англии, Германии, Франции и США.

В Англии, где интерес к собаководству является общенациональным, кинологическая тематика широко использовалась в самых различных изданиях, в особенности охотничьих и так называемых «журналах для джентльменов». Известный ученый, классик русской охотничьей литературы Л.П. Сабанеев в своих книгах «Собаки охотничьи…» часто ссылается на зарубежные источники по охотничьему собаководству своего времени. Среди английских авторов он называет Блюма, опубликовавшего подробное описание породы бигль в журнале «Gentleman Magazine» еще в 1650 г. Эта дата – 1650 г. – в книге «Собаки охотничьи… борзые и гончие» встречается дважды - на с. 264 и с. 458 [9. С. 264, 458]. Однако современные исследователи датируют период издания журнала несколько поле поздним временем: 1731–1922 гг. [10]. Упоминает Сабанеев также авторов, публиковавших свои статьи о различных породах охотничьих собак и в других «мужских» журналах – Джон Скотт писал о сеттерах в журнале “Sportsmen’s Repository” («Наперсник спортсмена»), Таплин опубликовал серию статей о гончих, Рейнегл – о борзых и спаниелях в журнале «Sportsmen Cabinet» («Кабинет спортсмена»). Надо отметить, что это статьи, профессионально написанные и имеющие ценность для исследователей охотничьего собаководства.

Кинологическая тема в английской журналистике XIX в. достаточно популярна. Объявления и отчеты о выставках, истории из жизни и гравюры чемпионов регулярно появляются в самых разных изданиях. «Weekly Journal» («Еженедельный журнал») размещает объявления о травле бульдогами быка в 1721 г., о бульдогах пишет “Sporting Magazine” («Спортивный журнал»), нам известно о публикациях об этой породе в 1802 и 1824 гг., в 1897 г. журналы публиковали гравюры с портретами бульдогов-чемпионов: это «Stock-Keeper» («Хранитель») и «British Fancier» («Британский мечтатель») [11. С. 112, 132]. Журналы, рассчитанные на фермеров и сельских жителей, такие как «Country life» («Сельская жизнь») размещали статьи о пастушьих собаках. Об охоте с собаками писали журналы «по интересам», как «The Sportsmen» («Спортсмен»), общественно-политические, как «Norwich Mercury» («Вестник Нориджа»), и «Chester Courant» («Куранты Честера»). Писали о собаках и охотничьи журналы. Журнал «The Field» («Поле») – известное издание, которое упоминается в художественной (Дафна дю Морье «Ребекка») и, конечно, кинологической литературе (Э. Лаверак «Сеттер» [12. С. 68], Л.П. Сабанеев «Собаки охотничьи…» и др.). Журнал этот выходит с 1853 г., одним из первых его редакторов был известный английский кинолог, автор книг и статей о породах охотничьих собак Дж. Г. Уэлш, писавший под

псевдонимом Стоунхедж. Издается журнал и сегодня. Рубрика «Gundog» («Охотничьи собаки») является в журнале постоянной.

В конце XIX в. в Англии возникло сразу несколько кинологических изданий. Первый номер известного и цитируемого многими историками кинологии издания «The Kennel Gazette» («Вестник Кеннел-клуба»), выпустил Британский клуб собаководов в 1880 г., в нем были перечислены клички собак, зарегистрированных в Кеннел-клубе. В издании публиковались серьезные аналитические статьи, касающиеся деятельности самого клуба: Э. Джокет. «Кеннел-клуб: история и достижения с портретами и многочисленными иллюстрациями», 1905 г. [13. С. 99], особенности полевых испытаний собак: Ч. Алингтон. «Судейство полевых испытаний», 1929 г. [13. С. 144], статьи исторического содержания: Е. Оливер «Мастиф в XVIII веке», 1936 г. [13. С. 269]. Среди авторов журнала были известные кинологи, такие как Аркрайт, Е.Г. Оливер. Вестник «Кеннел-газетт» выходил вплоть до 2013 г. [8].

Следующим английским изданием, появившимся в 90-е гг. XIX в., о котором удалось найти сведения, был журнал «Ladies Kennel» («Питомник леди»), издаваемый женской кинологической организацией Ladies Kennel, являющейся частью Кеннел-клуба Британии и возглавляемой герцогиней Ньюкасл. В журнале публиковались новости выставочной жизни, портреты победителей выставок и другая информация [14].

В начале XX в. начал издаваться журнал «The Illustrated Kennel News» («Иллюстрированные новости клуба собаководов»), публиковавший обширные материалы, посвященные породам собак и тонкостям их судейства, такие как работа Дж. Хатчисона «Идеальный бульдог, текст и картинки: руководство для заводчиков и судей», 1910–1911 гг. [13. С. 231] или Х. Бекли «Скотч-терьер», 1913 г. [13. С. 284] и др. Журнал был предназначен для людей, профессионально занимающихся кинологией.

Несколько позже – с января 1916 г. – стал выходить журнал «The Dog World» («Мир собак»), предназначенный для всех любителей собак и в особенности тех, кто занимается разведением. В своей программе журнал планировал освещать все аспекты собаководства и быть интересным всем любителям собак. Журнал с таким названием выходит и сегодня [15].

В начале XX в. стал издаваться журнал, предназначенный для владельцев спортивных собак, «Sporting Dog». («Спортивные собаки»), посвященный в первую очередь борзым собакам, их разведению и совершенствованию пород [16. С. 65, 73].

Страной с богатой кинологической культурой по праву считается Германия. Из-за тесных династических отношений Ганноверского дома с Великобританией последняя оказывала большое влияние на многие аспекты жизни Германии, в том числе и на кинологию. Первая выставка собак в Германии состоялась в 1863 г. в Гамбурге и собрала 453 собаки, вторая – в Альтоне в 1869 г. при участии уже 1353 собак, далее выставки проходили более или менее регулярно. Первый журнал о собаководстве – «Der Hund» («Собака») – был основан в Германии в 1876 г. Его участие в кинологической жизни Германии было значительным. Уже начиная со второго номера редактор журнала фон Шмидеберг начал проводить, правда без успеха, идею создания всеобщей кинологической организации Германии наподобие английского Кеннел-клуба. Позднее журнал «Der Hund» использовали для проведения реорганизации кинологической системы национал-социалисты. В 1933 г. барону фон Дюрнгерну были поручены унификация всей кинологической системы немецкого собаководства и создание головной организации – «Государственного союза немецкой кинологии». Его заместителем стал шеф-редактор «Der Hund» А. Шлей. Из старейших авторов журнала, писавших о собаках, до нас дошло имя Людвига Бекмана – постоянного автора журнала, ученого-кинолога. Надо отметить, что журнал «Der Hund» является не только влиятельным, но и весьма жизнеспособным изданием, старейшим во всем мире журналом, посвященным собакам, которое выходит по сей день, хотя в его издании были перерывы.

Активную позицию в становлении германского собаководства играл также издатель журнала «Hundesport und Jagd» («Спортивное собаководство и охота»), председатель клуба борзых Эрнст фон Отто, который возглавил борьбу против коммерциализации собаководства вместе с бароном фон Гингисом в 1906 г. Э. фон Отто возглавлял журнал с 1885 по 1914 г.

В 90-е гг. в Германии начал выходить целый ряд изданий, посвященных спортивному собаководству, и имеющих похожие названия. Помимо уже названного «Hundesport und Jagd» («Спортивное собаководство и охота») издавались также «Der Hundesport» («Спортивное собаководство») – журнал вышел не позднее 1892 г., его издателем был Отто фон Креквиц, основной темой публикаций которого были породы охотничьих собак. Также известен журнал «Der Hund-Sport. Organ für Züchter und Liebhaber reiner Rassen» («Спортивное собаководство. Орган для заводчиков и любителей чистокровного собаководства»): ссылки на него датированы не позднее чем 1886 г. В начале XX в. вышло также издание под названием «Sportblatt – Hundesport» («Спортивная газета – Спортивное собаководство») [17, 18].

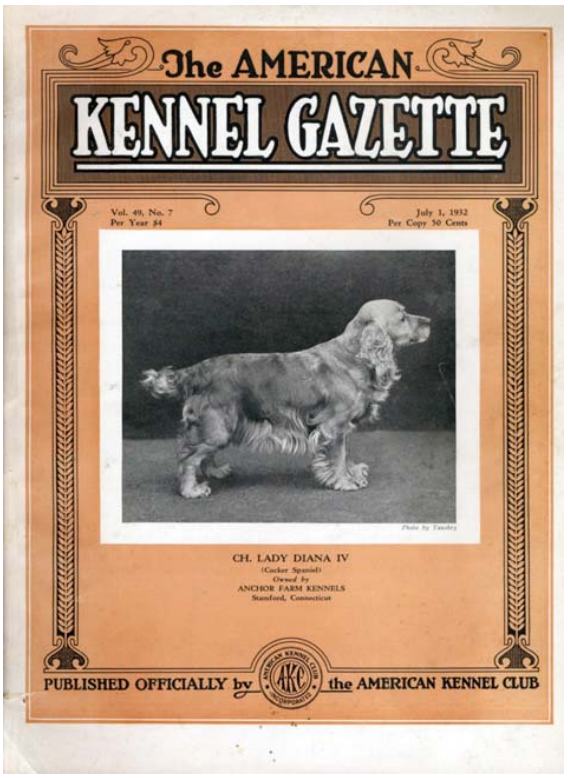
В 1895 г. вышел журнал, посвященный охоте с собаками, – «Wild und Hund» («Дикие животные и собаки“), учредитель и издатель журнала – Поль Парей. Журнал выходит по сей день и является самым старым журналом об охоте в Германии с самым большим тиражом: 66 751 экз., из них по подписке – 51 230, число читателей редакция оценивает в 350 тыс. человек [19]. В начале XX в. появились издания, посвященные отдельным породам собак. В 1895 г. был создан Немецкий боксер-клуб, т.е. клуб любителей и владельцев собак породы боксер, с 1904 г. эта организация начала издавать журнал «Boxer Blätter» («Журнал о боксере»), который выходил, по всей видимости,

до 2005 г. [20. С. 18]. Позднее, в 30-е гг. XX в. (с 1931 по 1939 г.), выходила газета «Deutsche Doggenzeitung» («Газета «Немецкий дог») [21. С. 220].

Во Франции в конце XIX в. издавался ряд журналов об охоте, где традиционно поднимались вопросы, посвященные кинологии, – о породах охотничьих собак, об особенностях подготовки и охотничьего использования различных пород. Это «Journal des Chasseurs» («Журнал охотников»), «Chasse illustree» («Иллюстрированный журнал об охоте»), «Chasse et Peche» («Охота и рыбалка»). Среди авторов журнала «Chasse et Peche» («Охота и рыбалка») интересна личность Э. Кортальса, писавшего о породе гриффонов и фактически ставшего создателем этой породы охотничьих собак. Сегодня порода носит название гриффон Кортальса [22. С. 286]. Но самым интересным явлением французской кинологической журналистики является издание в 90-х гг. XIX в. журнала “L’Eveleur” («Заводчик»). Журнал не просто кинологический, а узкоспециализированный, предполагающий в качестве своей целевой аудитории людей, профессионально занимающихся разведением собак, – заводчиков. О чем писал этот журнал? О породах собак, нередко поднимались полемические вопросы, касающиеся становления пород и особенностей их экстерьера. Показателен следующий случай. Для создания наиболее точного представления об экстерьере породы бордоский дог журнал обратился в комитет Центрального общества собаководов Франции. Однако там не смогли дать авторитетного ответа. Тогда издание обратилось к профессору анатомии г-ну Кюнстлеру с просьбой сделать подробный анализ состояния породы. Исследование «Критический этюд о бордоском доге» было опубликовано на восьми полосах журнала «L’Eveleur», здесь же был приведен проект стандарта этой породы. Издатель журнала – Пьер Меньер (ученый и ветеринар, пользующийся большим авторитетом среди французских собаководов), редактор – его сын Пьер Меньер. Журнал выходил как минимум до 10-х гг. XX столетия [23].

Кинологические издания активно развивались и в США. В XIX в. об использовании собак в сельском хозяйстве писали журналы сельскохозяйственной направленности как «American Agrikulturalist» («Американский земледелец») и “American stock keepers“ («Американский хранитель»), в которых удалось найти материалы о породе шотландская овчарка за 1884 и 1893 гг.

Американский клуб собаководства American Kennel Club (АКС) – главная кинологическая организация Америки – был основан в 1884 г. С 1888 г. АКС выпускал «American Kennel Gazette» («Вестник Американского клуба собаководства»). Первым редактором журнала был председатель клуба г-н Бельмонт. Для обеспечения регулярного выхода издания он гарантировал финансовую поддержку в размере 5000 долларов в год из своих личных средств. Спустя пять лет редакция могла с удовлетворением заявить, что журнал выходил все это время бесперебойно, не обращаясь за помощью к средствам г-на Бельмонта [24]. Журнал выходил регулярно более 100 лет – до конца XX в., став одним из самых авторитетных кинологических изданий в Америке. Кроме этого, в США издавались такие журналы по собаководству как «Kennel News» («Новости кинологии»), издание выходило в Вашингтоне, с 1908 г., «Kennel Review» («Кинологическое обозрение») и «Popular Dogs» («Популярные собаки») издававшиеся с 30-х гг. XX в. А дальше кинологическая периодика пошла по пути специализации. В XX в. возникло довольно большое количество журналов, посвященных отдельным породам, мало того, породам, переживающим рост популярности, иногда не хватало одного издания. Так, по породе такса издавалось как минимум два журнала – «The American Dachshund» («Американская такса») и «News of miniature dachshund association» («Новости американской ассоциации миниатюрных такс») [25. С. 8]. Порода немецкий боксер сначала имела издание «Boxer Briefs» («Записки о боксере»), журнал выходил с 1944 по 1957 г., впоследствии стал коллекционной редкостью. А с 1957 г. стал выходить журнал «Boxer Review», который называют «лучшим ежемесячным изданием, посвященным породе» [20. С. 35]. Борзые Америки имели как минимум два журнала: Американский клуб афганской борзой издавал журнал «Afgan-news» («Новости породы афганская борзая»), а Американская ассоциация по бегам борзых издавала оперативный листок новостей «FAN (Field Advisory News)» – «Новости полевых испытаний» [16. С. 394]. Очевидно, были свои издания и у других клубов пород.



Итак, кинологические журналы – это периодические издания, основными темами которых являются различные аспекты собаководства, деятельность

кинологических организаций и пользовательские качества различных пород собак.

В 80-х гг. XIX в. появились первые издания по собаководству, а к 20-м гг. XX в. в Европе и Америке сложилась система кинологических журналов. Кинологическая тематика активизируется в периодических изданиях с возникновением интереса общества к мероприятиям, в которых задействованы собаки, таким как выставки, испытания, бега, а собственно кинологические журналы появляются с возникновением кеннел-клубов, издания принимают активное участие в развитии собаководства.

На примере развития европейских и американских журналов мы можем проследить общий сценарий становления кинологический журналистики. Сначала это отдельные темы в изданиях общественно-политической направленности и тематические разделы в специальных журналах «по интересам» – для джентльменов, для охотников, по сельскому хозяйству. Затем появляются кинологические журналы, освещающие все темы, связанные с собаководством. Далее журналистика начинает идти по пути все большей специализации – появляются журналы для заводчиков, для поклонников спортивного или охотничьего собаководства, для владельцев отдельных пород.

Такую динамику развития изданий о собаководстве можно проследить и на российской системе кинологических СМИ, которая именно как система начала развиваться значительно позже – с 90-х гг. XX в. Очень быстро первые журналы «для всех», такие как «Друг для любителей собак» (выходит с 1990 г.) [26], «Кот и пес» (с 1990 г.) [27], были дополнены многочисленными журналами для «породников» – «Шнауцер сегодня» (с 1993 г.) [28], «Доберман» (с 1994 г.) [29], «Таксапарк» (с 1996 г.) [30], «Немецкий дог» (с 1997 г.) [31] и др., а также журналами для дрессировщиков – «Дрессировка и спорт» (с 2000 г.) [32], охотников – «Охотничьи собаки» (с 1998 г.) [33], любителей выставок – «Если у вас есть собака» (с 2004 г.) [34] и др.

Надо отметить, что появление специализированных журналов по собаководству не означает, что темы в общественно-политических изданиях или тематические разделы в специальных журналах исчезают, они и сегодня продолжают удовлетворять запросы на кинологическую информацию у различных групп населения. Например, работу крупнейшей выставки собак США «Вестминстер-2015» освещали такие издания, как USA Today, ABC Radio, Fox News, Wall St. Journal, NY Daily News, CBS, Associated Press и др. [35]. Точно так же и появление более специализированных изданий не означает прекращения издания кинологических журналов широкого профиля, многие из которых успешно издаются в течение десятилетий и выходят по сей день.

Литература

1. *Ахмадулин Е.В.* Основы теории журналистики. Ростов н/Д, 2009, 350 с.

2. *Поддубный М.В.* «Охотничьи журналы 20-х годов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_ content&task=category&sectionid= 6&id=17& Itemid=66 (дата обращения: 10.10.2015).

3. *Штильмарк Ф.М.* «Охота в газетных строках» [Электронный ресурс]. URL: http:// www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=6&id= 17& Itemid= 66 (дата обращения: 03.11.2015).

4. *Массмедиа* российского мегаполиса: типология печатных СМИ / под общ. ред. М.А. Шишкиной. СПб.: Роза мира, 2009, 324 с.

5. *Онуфриенко Г.* Корни четвертой власти. История журналистики XIX века. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2015/03/18/jurnalistika-rodina.html (дата обращения: 29.09.2015).

6. *Соколов В.С., Виноградова С.М.* Периодическая печать Великобритании. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evartist.narod.ru/ text16/070.htm (дата обращения: 15.11.2015).

7. *Википедия*^ Свободная энциклопедия. Собачьи бега [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0% B0%D1%87%D1% 8C% D0% B8_%D0%B1%D0%B5%D0%B3%D0%B0 (дата обращения: 30.09.2015).

8. *The Kennel* Club. History of The Kennel Club [Электронный ресурс]. URL: http://www. thekennelclub.org.uk/our-resources/about-the-kennel-club/history-of-the-kennel-club/

9. *Сабанеев Л.П.* Собаки охотничьи… Борзые и гончие. М.: Физкультура и спорт, 1987. 571 с.

10. *Wikipedia*. The free enciklopedia. The Gentleman Magazine [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Gentleman%27s_Magazine (дата обращения: 10.11.2015).

11. *Бейли С. Хейнс.* Английский бульдог. М.: Центрполиграф, 2000, 343 с.

12. *Лаверак Э*. Сеттер. М.: ООО Аквариум-Принт, 2003, 224 с.

13. *Jones E.G.* A Bibliografy of the Dog. London: The Library Association, 1971, 431 с.

14. *Collietree*.info [Электронный ресурс]. URL: http://www.collietree.info/1891-1900_2.html (дата обращения: 10.12.2015).

15. *Dog* Channel. Dog Channel Information [Электронный ресурс]. URL: http://www. dog-channel.com/dog-history/historical-dog-information-topiclist.aspx (дата обращения: 25.10.2015).

16. *Миллер К.О., Гилберт Э.М.* Афганская борзая. М.: Центрполиграф, 1999, 406 с.

17. *VDH*. Chronik des deutschen Hundewesen. Eckdaten zur Geschichte des VDH [Электронный ресурс]. URL: http://www.vdh.de/fileadmin/media/ ueber/wir_ueber_uns/ vdh_chronik.pdf (дата обращения: 08.11.2015).

18. *Pelzl I.* Spezialisierung als Marktstrategie. Die Hundebilder des Münchner Tiermalers Richard Strebel (1861–1940) [Электронный ресурс]. URL: http://d-nb.info/1065617372/04 (дата обращения: 12.12.2015).

19. *Wild* und hund. Das Jagdmagazin seit 1894 [Электронный ресурс]. URL: http:// www. wildundhund.de/. (дата обращения: 11.12.2015).

20. *Макфадден Б*. Боксер. М.: Центрполиграф, 2000. 269 с.

21. *Краутвюрст Ф*. Немецкий дог, М.: ООО «Аквариум-Принт», 2006. 224 с.

22. *Сабанеев Л.П.* Собаки охотничьи… Легавые. М.: Терра, 1992. 492 с.

23. *Donnerkraft* [Электронный ресурс]. URL: http://donnerkraft.jimdo.com/ (дата обращения: 20.12.2015).

24. *American* Kennel Club. History of the American Kennel Club [Электронный ресурс]. URL: http://www.akc.org/about/history/ (дата обращения: 03.12.2015).

25. *Мистрелл Л*. Такса. М.: Центрполиграф, 1999. 358 с.

26. *Друг* для любителей собак. 2016. № 4.

27. *Кот* и пес. 2010. № 3.

28. *Шнауцер* сегодня [Электронный ресурс]. URL: http: // www. schnauzertoday.ru/ (дата обращения: 05.05.2016).

29. *Зооклуб*: Энциклопедия о животных. Журнал «Доберман» [Электронный ресурс]. URL: http://www.zooclub.ru/dogs/doberman/index.shtml (дата обращения: 05.05.2016).

30. *Таксапарк*. 2001. № 6.

31. *Аланоштадт.* Журнал «Немецкий дог» [Электронный ресурс]. URL: http:// alanoshtat.ru/Page61_zhyrnal.html (дата обращения: 05.05.2016).

32. *Дрессировка* и спорт [Электронный ресурс]. URL: http:// www.sportdog.ru/ (дата обращения: 05.05.2016).

33. *Охотничьи* собаки. 2001. № 2.

34. *Если* у вас есть собака. 2010. № 3.

35. *The Westminster* Kennel Club. Buzz [Электронный ресурс]. URL: http:// www. westminsterkennelclub.org/buzz/ (дата обращения: 15.12.2015).

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF CYNOLOGICAL JOURNALISM IN WESTERN EUROPE AND AMERICA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 161–171. DOI: 10.17223/19986645/43/12

Olga V. Kubyshko, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: hiteckel@gmail.com

Keywords: cynological journalism, periodicals on cynology, interest journals, European journals about dogs, history of specialized journalism**.**

The relevance of this study is that the matter of cynological journalism in the Russian theory of journalism has almost never been covered. At the same time, dog breeding is a significant ancient layer of human culture, which provokes interest and has been on rise since the nineteenth century. Information product in the sphere of cynology has been created and is developing. However, it remains practically unstudied, though some research in the sphere of specialized journalism has undoubtedly been done. The history of Russian journals on hunting, which are dedicated to M.V. Poddubniy and F.R. Stillmark, are the closest topic to this research. However, it was impossible to find any works on cynological journalism.

The aim of this article is to observe cynological press of Western Europe and America from its origin to development.

Cynological subject matter can be found in West European periodicals such as social, political, agricultural journals and, in particular, journals on hunting since the eighteenth century. In the 1880s first publications on dog breeding appeared, and in the 1920s a system of cynological journals was formed. Cynological subject matter is activated in periodicals due to the rising social interest in events where dogs take part, such as dog shows, check studies, dog racing; and cynological journals in their turn appear with the foundation of kennel clubs. Periodicals take an active part in the development of dog breeding.

Thus, cynological journals are periodicals the main topics of which are different aspects of dog breeding, the activity of cynological organizations and user qualities of different dog breeds.

The general scenario of the development of cynological journalism can be traced using the examples of European and American journals.

At first, they appeared as separate topics in social and political publications and theme sections in special interest journals. Then, cynological journals of broad background appeared. Further on, journalism followed the path of a deeper specialization, it was reflected in the journals for breeders, fans of sporting and hunting dog breeding, owners of particular breeds.

It should be stressed that in spite of the introduction of journals on dog breeding the themes in social and political publications and theme sections in specialized journals still exist and continue to satisfy the want of cynological information for different groups of population.

The introduction of more specialized publications does not stop the publication of cynological journals of a broader background, many of which are published up to the present moment.

References

1. Akhmadulin, E.V. (2009) *Osnovy teorii zhurnalistiki* [Fundamentals of the theory of journalism]. Rostov-on-Don: Feniks.

2. Poddubnyy, M.V. (2009) *Okhotnich'i zhurnaly 20-kh godov* [Magazines on hunting of the '20s]. [Online] Available from: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=6&id=17&Itemid=66. (Accessed: 10th October 2015).

3. Shtil'mark, F.M. (2009) *Okhota v gazetnykh strokakh* [Hunting in the newspaper lines]. [Online] Available from: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_ content&task=category&sectionid=6&id=17&Itemid=66. (Accessed: 03.11.2015).

4. Shishkina, M.A. (ed.) (2009) *Massmedia rossiyskogo megapolisa: tipologiya pechatnykh SMI* [Mass Media of the Russian metropolis: the typology of the print media]. St. Petersburg: Roza mira.

5. Onufrienko, G. (2015) *Korni chetvertoy vlasti. Istoriya zhurnalistiki XIX veka* [Roots of the fourth power. History of journalism of the 19th century]. [Online] Available from: http://www.rg.ru/2015/03/18/jurnalistika-rodina.html. (Accessed: 29th September 2015).

6. Sokolov, V.S. & Vinogradova, S.M. (2000) Periodicheskaya pechat' Velikobritanii [Periodicals of the UK]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. [Online] Available from:http://www.evartist.narod.ru/text16/070.htm. (Accessed: 15th November 2015).

7. Wikipedia. (n.d.) *Sobach'i bega* [Dog race]. [Online] Available from: https:// ru.wikipedia.org/ wiki/%D0% A1%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%87%D1%8C%D0%B8_%D0%B1%D0%B5% D0% B3% D0%B0. (Accessed: 30th September 2015).

8. The Kennel Club. (n.d.) *History of The Kennel Club*. [Online] Available from: http://www. thekennelclub.org.uk/our-resources/about-the-kennel-club/history-of-the-kennel-club/.

9. Sabaneev, L.P. (1987) *Sobaki okhotnich'i… Borzye i gonchie* [Hunting dogs . . . Greyhounds and hounds]. Moscow: Fizkul'tura i sport.

10. Wikipedia. (n.d.) *The Gentleman Magazine*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/ wiki/The_Gentleman%27s_Magazine. (Accessed: 10th November 2015).

11. Hanes, B.S. (2000) *Angliyskiy bul'dog* [English Bulldog]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.

12. Laverack, E. (2003) *Setter* [Setter]. Translated from English. Moscow: Akvarium-Print.

13. Jones, E.G. (1971) *A Bibliografy of the Dog*. London: The Library Association.

14. Collietree.info. (n.d.) *The End of an Era.* [Online] Available from: http://www.collietree.info/ 1891-1900_2.html. (Accessed: 10th December 2015).

15. Dog Channel. (n.d.) *Dog Channel Information*. [Online] Available from: http://www. dogchannel.com/ dog-history/ historical-dog-information-topiclist.aspx. (Accessed: 25th October 2015).

16. Miller, C.O. & Gilbert, E.M. (1999) *Afganskaya borzaya* [Afghan Hound]. Moscow: Tsentrpoligraf.

17. VDH. (2006) *Chronik des deutschen Hundewesen. Eckdaten zur Geschichte des VDH* [Chronicle of the German dog industry. Key facts on the history of the VDH]. [Online] Available from: http://www.vdh.de/fileadmin/media/ueber/wir_ueber_uns/vdh_chronik.pdf. (Accessed: 08th November 2015).

18. Pelzl, I. (2013) *Spezialisierung als Marktstrategie. Die Hundebilder des Münchner Tiermalers Richard Strebel (1861–1940)* [Specialization as a market strategy. The dog pictures of the Munich animal painter Richard Strebel (1861–1940)]. [Online] Available from: http://d-nb.info/ 1065617372/ 04. (Accessed: 12th December 2015).

19. *Wild und hund.* Das Jagdmagazin seit 1894 [The hunting magazine since 1894]. [Online] Available from: http://www.wildundhund.de/. (Accessed: 11th December 2015).

20. McFadden, B. (2000) *Bokser* [Boxer]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.

21. Krautwurst, F. (2000) *Nemetskiy dog* [The Great Dane]. Moscow: Akvarium-Print.

22. Sabaneev, L.P. (1992) *Sobaki okhotnich'i… Legavye* [Hunting dogs . . . Pointers]. Moscow: Terra.

23. Donnerkraft. (n.d.) *Donnerkraft*. [Online] Available from: http://donnerkraft.jimdo.com/. (Accessed: 20th December 2015).

24. American Kennel Club. (n.d.) *History of the American Kennel Club*. [Online] Available from: http://www.akc.org/about/history/. (Accessed: 03rd December 2015).

25. Mistrell, L. (1999) *Taksa* [Dachshund]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.

26. *Drug dlya lyubiteley sobak*. (2016) 4.

27. *Kot i pes*. (2010) 3.

28. Schnauzertoday.ru. (n.d.) *Shnautser segodnya* [Schnauzer today]. [Online] Available from: http://www.schnauzertoday.ru/. (Accessed: 05th May 2016).

29. Zooklub. (n.d.) *Entsiklopediya o zhivotnykh. Zhurnal "Doberman"* [Encyclopedia of Animals. "Doberman" magazine]. [Online] Available from: http://www.zooclub.ru/dogs/doberman/index.shtml. (Accessed: 05th May 2016).

30. *Taksapark*. (2001) 6.

31. Alanoshtadt. (n.d.) *Zhurnal "Nemetskiy dog"* ["The Great Dane" magazine]. [Online] Available from: http://alanoshtat.ru/Page61_zhyrnal.html. (Accessed: 05th May 2016).

32. Sportdog.ru. (n.d.) *Zhurnal "Dressirovka i sport"* ["Training and Sports" magazine]. [Online] Available from: http://www.sportdog.ru/. (Accessed: 05th May 2016).

33. *Okhotnich'i sobaki*. (2001) 2.

34. *Esli u vas est' sobaka.* (2010) 3.

35. The Westminster Kennel Club. (n.d.) *Buzz*. [Online] Available from: http:// www.westminsterkennelclub.org/ buzz/. (Accessed: 15th December 2015).

УДК 373.167.1:316/070
DOI: 10.17223/19986645/43/13

В.А. Сидоров

ЦЕННОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ XXI в.

В статье рассматривается природа ценностного понимания мира журналистом как аспект одного из важнейших теоретических вопросов изучения медиа. В рамках исследуемой проблемы актуализируется философская теория ценностей, сопоставляются нормативный и аксиологический подходы к изучению журналистики, ценностное начало и динамика конфликтных медийных дискурсов и их социокультурные основания.

Ключевые слова: *журналистика, ценности, медиадискурс, ценностный конфликт, ценностный диссонанс.*

«Слово *ценности* – одно из самых престижных и респектабельных в современной культурной лексике и одновременно одно из самых расхожих и популярных» [1]. Политики рассуждают о реализации национальных ценностей. Литературные критики – о значении либеральных или традиционных ценностей. Культурологи и философы пишут об исторически сложившемся корпусе ценностных суждений, их трансформации в условиях глобализации современного мира, о том, как отстаивать подлинные социальные, эстетические, культурные ценности. Банкиры, представители бизнеса не прочь порассуждать о том, что такое «истинные ценности». Свое понимание ценностей готов выразить любой индивид, даже очень далекий от сфер науки и искусства. Он может полагать, что есть материальные ценности. В лучшем случае смутно подозревать наличие ценностей духовных. Таким образом, в понимании ценностей переплелись политические, общекультурные, бытовые и научные представления.

Научное представление о ценности гораздо глубже иных – не сегодня возникло, за его плечами долгая история, которая чем дальше, тем актуальнее. О ценностях на протяжении веков размышляли величайшие умы человечества – философы, ученые, писатели, политики. Впрочем, не в тиши кабинетов и не на страницах многотомных научных трудов живут ценности. Они – сама суть истории, ее ткань, внутренний смысл. Идеалы и ценности определяют поступки людей, вершат судьбы обществ. Полководцы и революционеры выносят их на знамена, общественные мыслители – на страницы политических программ. Из них строятся тексты конституций и священных религиозных книг. Однако и сегодня на элементарный вопрос «Что есть ценность?» ответить непросто, даже подходы ученых к вопросу о ценностях неоднозначны. Не станем перечислять все, а выделим наиболее приемлемый, приведенный в «Философском словаре» под редакцией И.Т. Фролова: «Ценности – это специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и обще-

ства (благо, добро, зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы)» [2. С. 646].

Носителем ценностей может стать практически любой объект культуры – будь то материальные блага или благородные идеи о переустройстве мира. Однако лишь человек – и только он является творцом ценностей. Творя ценности, индивид создает смысловое пространство своего существования и сам определяет те высшие ориентиры, по которым проходит жизненный путь. Ценности одних людей ведут их на плаху или в пекло смертельных битв, как это было с легендарными историческими персонажами – от Жанны д'Арк до Юлиуса Фучика и Зои Космодемьянской. (Наиболее глубоко этот аспект проявления героизма в человеческой культуре проанализировал замечательный петербургский философ В.Д. Плахов [3].) Ценности других помогают прожить в покое, достатке и даже роскоши. Посредством акта выбора ценностей мы создаем сценарий своего бытия. Сегодня ясно, что вопрос о ценностях может быть решен исключительно в рамках гуманистической проблематики. В этом смысле «лучшему пониманию ценностного мира способствуют хрестоматийный тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей» или насыщенное невероятной аксиологической мудростью высказывание А. Эйнштейна: «Жизнь отдельного человека имеет смысл лишь в той степени, насколько она помогает сделать жизни других людей красивее и благороднее. Жизнь священна; это, так сказать, верховная ценность, которой подчинены все прочие ценности». Жизнь потому ценна, что она самый редкий и не возобновляемый ресурс, ее никогда никому не хватает. Поэтому она стоит дороже всех мирских благ. Если бы жизнь не была так коротка и бесценна, человек, возможно, так не ценил бы ее и так не цеплялся бы за нее. Если бы человек был бессмертен, возможно, дело обстояло бы совершенно иначе» [4. С. 15].

«Ценности по-своему аналогичны цветности, звуку, которые не стали результатом внутренних взаимодействий в предмете, а явились в качестве его взаимодействий с внешним миром. Поэтому «добро», «счастье», «свобода» и «красота» актуализируются лишь в системе взаимоотношений объекта и субъекта. В этом смысле ценности существуют объективно… Главное – не *что* для человека является значимым, а как это *нечто* становится для него значимым» [5. С. 54–69].

«Ценности нет необходимости утверждать или навязывать» [6. С. 54–69]. Ценности общества и человека более или менее устойчивы, а вот оценивание человеком происходящего вокруг него – процесс спонтанный. «Именно поэтому в первую очередь обратим внимание на *ценностную обусловленность* восприятия человеком информации, на *ценностные основания* информационного выбора. Человек выступает не только как объект воздействия, он еще и субъект информационного выбора, т.е. выбора той или иной ценности. Информационная сфера оказывается посредником между человеком и предметным миром. Основой ориентации человека в каналах информации является ценностный фактор» [5. С. 70–72].

На первый взгляд утверждается очевидное: погруженному в мир информации индивиду некогда анализировать, отделяя важное от несущественного, полезное – от вредного, но ориентироваться все равно надо, нужны некие подсказки. В качестве таких подсказок используются стереоти-

пы, которые, – посмотрим на них более внимательно, – необыкновенно многообразны – от тиражируемой банальности до высказывания мудреца. Стереотип наделяется индивидом важным для него значением, становится индивидуальной ценностью. Истинная она или мнимая – в данном случае не суть дела, важно, что она выступает как ценностный ориентир в медиасфере. Конечно, есть подсказки во благо, а есть – в никуда, здесь важно знать, кто подсказывает.

Расстановка указателей в мире информации началась задолго до нас. В глубокой древности были поставлены вопросы, не потерявшие своей актуальности и поныне: *«Что есть истина?»*, *«Что есть добро?»* и *«Что есть красота?»*. Оказалось, что «эти три вопроса тесно связаны между собой и решение каждого из них влияет на решение остальных. Истина тесно связана с добром, а красота – с добром и истиной… Исследуя тончайшие диалектические взаимоотношения между истиной, добром и красотой, философия нашла для них общий знаменатель – “ценность”. Добро – это нравственная ценность, красота – эстетическая, истина – ценность познавательная. Понятие “ценность” – одно из наиболее употребляемых не только в современной сфере гуманитарного знания, но и в политической публицистике» [7. С. 6].

Эффективная, творческая деятельность в современных условиях немыслима без СМИ. Журналистика впитала в себя новейшие способы передачи информации и трансляции культурных ценностей, стала заметным феноменом культуры, отвечающим на социально-исторический запрос эпохи. «Этот феномен в высшей степени сложен и мозаичен, потому что в его производстве принимают участие наука, культура, эстетика, этика. Область его отображения – вся наша действительность. И сегодня уже судьбы мира – культурные, экономические, политические, социальные – неотделимы от СМИ, поскольку они обеспечивают приобщение личности к экономическим, культурным, политическим, социальным ценностям» [8]. Естественно, не могло не измениться отношение к массмедиа со стороны общества, которое круглосуточно погружено в активную / агрессивную информационную среду, а поведение человека, его ценностные установки, идеалы детерминированы средствами массовой информации, и воздействие на человека со стороны медиа все более интенсифицируется.

В этих условиях анализ медиасреды и последствий ее влияния на общество все более усложняется, что объяснимо рядом причин:

1. Сегодня очевидны угрозы цивилизационных потрясений; духовная сфера человечества раздираема неугасимыми противоречиями прошлого; наука вплотную подошла к практике клонирования человека, а религиозное сознание, подкрепленное наступательной политикой церкви, все активнее штурмует командные высоты.

2. Современная медиасфера стала столь всеобъемлющей, что вобрала в себя все сколько бы то ни было значимые проявления политики, культуры, досуга, при этом с новой, даже особенной силой в журналистику и практику СМИ входит ценностное мировосприятие, становится инструментом медиа.

3. Новая социокультурная ситуация еще не описана, еще не разработана соответствующая методология ее изучения. Именно поэтому можно предпо-

ложить, что для сложившейся новой информационной реальности оказались востребованными – в дополнение к уже испытанным – новые методы анализа. И здесь мы солидарны с предостережением английского политолога о «возникающем искушении истолковать новую динамику коммуникационного изобилия в терминах, унаследованных от наших предков. Этому желанию надо сопротивляться... Нужны смелые новые заходы, свежие взгляды» [9. С. 32].

Новые подходы, разумеется, должны быть органичными по отношению к наблюдаемым медийным процессам. И в данном случае хочется подчеркнуть, что многие исследователи замечают, насколько «современные научные представления о средствах массовой коммуникации дают возможность рассматривать информационное послание как передачу некой ценности» [10. С. 14]. Действительно, ученым, политикам, писателям и журналистам в их оценках событий, фактов, явлений стал свойственным ценностный подход. Так, социологи регулярно замеряют параметры ценностного мировосприятия российского общества, а в западной социологии это направление исследований еще более давнее – широко известен глобальный проект по изучению духовных ценностей народов мира, более четверти века осуществляемый американским социологом Р. Инглхартом. Так что не случайно ценностное измерение журналистики, как и в целом медиасферы, становится важным показателем ее соответствия коммуникативным запросам общества. В этом видится объективная предпосылка основания *аксиологии журналистики*.

Аксиология журналистики – научная дисциплина, изучающая журналистику как источник и ретранслятор ценностей общества во всем их предметно-смысловом многообразии, а также собственно журналистику как социальную ценность; исследующая принципы и способы освоения журналистами социокультурных ценностей, эффективность и методы их репрезентации в аудитории средств массовой информации [11. С. 10]. К сказанному сделаем три примечания.

1. Журналистика функционирует в динамичном социальном пространстве, и каждая историческая эпоха накладывает на нее свой особенный отпечаток. Однако не меняет ее сущностных черт. В то же время технологические перемены исподволь подтачивают прежние представления о журналистике. Техногенный фактор формации новой среды встал в один ряд с экономическим, политическим и культурным. Новая среда, едва сформировавшись, начала оказывать значительное воздействие на породившие ее институты. Впитав в себя прежние ценностные представления, она подвергает их переработке, что происходит при активном участии журналистики, в том числе и с самой журналистикой.

2. От своего зарождения журналистика была и остается источником и ретранслятором ценностей:

– выступая в качестве носителя, она вбирает в себя ценности своего времени и своего общества и репрезентирует их в этом обществе и за его пределами;

– будучи частью духовной жизни общества, в которой рождаются новые идеи, смыслы, понимания, образы, научные истины и пр., она генерирует и

распространяет определенные ценности, которые могут быть созвучны времени их создания, опережать / отставать от него.

3. Журналистика в качестве закономерно возникшего в обществе института сама по себе является для него социальной ценностью. По мере укрепления демократических институтов ценность журналистики, как и медийных факторов в целом, должна возрастать.

Мы рассматриваем аксиологию журналистики в качестве одного из разделов теоретического знания о журналистике, для которого в настоящее время следует определить два основных подхода к изучению медиа – нормативный и аксиологический. И если первый надежно фундирован в трудах зарубежных и отечественных исследователей – С.Г. Корконосенко [12], Г.П. Бакулева [13] и др., то второй только еще проходит стадию институализации. Главным своим содержанием новая дисциплина обращена к вопросам ценностного освоения мира человеком и ценностного взаимодействия людей в публичной сфере, что и предопределяет повышенное внимание к ценностным аспектам творчества журналиста и функционирования медиа в целом.

В пределах аксиологии журналистики рассматриваются актуальные аспекты функционирования медиа. Актуальные в том главном смысле, который предопределяет духовная ситуация XXI в., для одних выступающая «коммуникационным изобилием», для других – «информационным обществом». Не присоединяясь ни к тем, ни к другим теориям, скажем, что современная эпоха, конечно, отличается от предыдущих, но не столько в технологических аспектах, хотя и очень существенных, сколько в определениях и выражениях ценностных начал жизни человека. Именно это обстоятельство и позволяет рассматривать аксиологическое изучение медиа как актуально соответствующее новому столетию.

«Смысл [чего-либо в бытии] представляет собой взаимосвязь актуализированных и неактуализированных возможностей, потенциализируя то, что не было в данный момент актуализировано» [14. С. 119]. Актуализация смыслов по преимуществу происходит в каналах массовой коммуникации, причем журналистская практика непрерывно меняет смысловые ландшафты социума, поскольку, утверждают философы, «смыслы в природе вычитывает человек» [15. С. 251]. Непрерывно видоизменять смысловые ландшафты – объективное свойство журналистики, подчас независящее от того, осознают ли сами авторы публикаций и телевизионных репортажей всю глубину производимых ими перемен коммуникативной реальности. Конечно, динамику перемен смысловых ландшафтов социума немедленно увидеть невозможно. Перемены накапливаются постепенно, исподволь, отчего ни те, кто их готовит, ни те, кто следует им, решительно ничего не замечают – ни перестановок в ценностных приоритетах, ни новых значений привычных понятий, так как «ценность фиксируется и обозначается через определенные жизненные представления» [15. С. 217], а новые представления осознаются позднее, чем они сложились. Их вчерашняя основа для нового поколения подобна свету давно угасшей звезды – звезды физически давно уже нет, а ее свет почему-то тревожит живущих. И нельзя назвать случайностью наши бесконечные споры о персонажах давней и недавней отечественной истории, потому что, «преломляясь в массовом сознании, образы исторических персон становятся социо-

образующими символами. С их помощью ведется трансляция связанных с ними ценностей и идей» [16. С. 2].

Однако временами устоявшиеся ценностно образующие символы подвергаются сомнению / радикальному переосмыслению, что связано с их амбивалентностью, когда один и тот же символ истории в равной мере символизирует даже противостоящие политические силы. Именно этим объяснима предпринятая историком А.В. Ермаковым попытка развенчать, как полагает он, «миф о декабристах» [17. С. 157], чтобы снизить ценностный статус их образа. В связи с чем отрицанию подвергнуты популярные произведения искусства: «…в эпоху советского диссидентства 60–70-х годов декабристский культ продвигали научно-популярные работы Эйдельмана и Лотмана, стихи А. Галича, Б. Окуджавы, Д. Самойлова, А. Городницкого, фильм В. Мотыля». Особенно беспокоит автора статьи возможное в обществе восприятие декабристов «как лучших людей старой России», как «эталон» благородства, чести, нравственности. Ермаков пытается доказать, насколько все это не соответствует исторической правде, что широко известный «миф о декабристах» – лишь продолжение пристрастной публицистики А.И. Герцена. И отмечает очень важную подробность наших дней: «…либералы-западники, левые революционеры и даже часть национал-радикалов, расходясь между собой практически по всем вопросам развития России, проявляют трогательное единство в почитании вклада декабристов в политическую историю страны» [17. С. 158]. В своей антитезе декабристскому пантеону ее автор не заметил примечательной подробности: оказывается, даже в гетерогенном обществе находятся объективные основания для формирования общей ценностной системы! Выходит, что пантеон декабристов способен объединить всех, кто почитает историю России, кто считает себя ее патриотом, а «сами ценности существуют объективно как *возможность* ценностного воздействия» [18. С. 92], меняющего смыслы окружающего. Воздействие происходит опосредованно, по медийным каналам: сначала изменяется коммуникативная реальность, затем – сознание человека и общества.

Способность человека «вычитывать смыслы» задана всей общественной историей, историей межличностных и межсоциальных коммуникаций. История медиа обнаруживает способность журналистики тревожить мысль, переворачивать когда-то устоявшиеся представления, находить новые понимания мира. Буквально вся медийная практика основана на диссонансе – когнитивном, эстетическом, этическом. Диссонанс вызывает любое несовпадение социального опыта человека с тем, что он читает в газете, слышит в эфире, в результате побуждая индивида корректировать понимание мира и его ценностей. В этом один из залогов поступательного развития культуры общества. Так что не со всеми выводами из критического анализа современного российского телевидения, предпринятого известным журналистом и руководителем Высшей школы телевидения МГУ В. Третьяковым, следует соглашаться. Отмечая очевидные многим болезни телевидения (смешение правды и вымысла, уравнивание прекрасного и безобразного, допущение аморализма), он находит телезрителя обделенным. «Телезритель пребывает в состоянии трех диссонансов [когнитивного, эстетического, этического]: все, что транслируется телевидением, противоречит друг другу и всем устоявшимся пред-

ставлениям о реальности, научном знании, здравом смысле, прекрасном и моральном» [19. С. 10]. В выраженном В. Третьяковым сочувствии телезрителю не учтена конструктивная сторона ценностного диссонанса, тогда как на деле именно она решающая, выражающая способность индивида и социума в целом оценить динамично меняющиеся условия жизнедеятельности. Диссонанс открывает глаза на ранее невидимые изменения в целях и ценностях, идеалах и жизненных ориентирах. Вне контекста обнаружения перемен – «это пустые и опасные в своей обманчивости символы» [20. С. 97].

Интуитивно мы догадываемся о природе и механизмах ценностного воздействия – оно и целенаправленное, иными словами, волей власти и могущества порождаемое, и спонтанное, возникающее в мучительных поисках публичного разума, который с обретением людьми нового опыта придает окружающему и происходящему в нем самом всё более отточенные смыслы, отчего демократизм мышления обеспечивает повседневный общественный прогресс. В то же время нельзя думать, что диссонирующее содержание медиа легко и стремительно меняет ценностную структуру сознания индивида и общества. На самом деле ценностная природа мышления и бытия неподатлива и не спешит навстречу нашим ожиданиям перемен, в ней нет добра без зла, а истины без заблуждения. Только наличие противостояния ценностных начал не позволяет обессмыслить само представление о ценности, которые обладают особыми свойствами и «включают в себя не только должное, но и желаемое» [21. С. 59–61]. В медийной практике ценности можно превратить в феномены массового сознания, что подчас и происходит. В подобной трансформации техническая сторона вопроса – способность медиа к расширенному воспроизводству каких-либо идей – приобретает решающее значение, т.е. из фактора количественного превращается в фактор качественный. «Ценностное измерение мира, *деление культуры на “верх” и “низ” открывает саму возможность духовной жизни человека*» [22. С. 95].

Аксиологический анализ прессы ведет к противоречивым суждениям. Видимо, такова природа журналистики – нести в себе «верх» и «низ» культуры общества. Конечно, мы не говорим о фактах сознательного пренебрежения нормами общепринятой морали, о намеренном извращении идеалов и ценностей, как это бывает в практике французского сатирического журнала Charlie Hebdo. Мы помним недавний (06.11.2015) нарушающий этические нормы рисунок в этом журнале, связанный с трагической гибелью российского пассажирского самолета в небе Египта. Помним, как в сентябре 2015 г., в разгар массовой миграции в Западную Европу беженцев из стран Ближнего Востока журнал опубликовал карикатуру с утонувшим трехлетним сирийским мальчиком: рядом с выброшенным на берег телом ребенка Христос, который вещает: «Христиане ходят по воде. Мусульманские дети тонут» [23]. Мы говорим о социальной стратификации культуры в журналистике, отображающей разные состояния культуры социума – «вверху» и «внизу», но в пределах одной ценностной системы. Конечно, в ее существовании сомневаются многие, уж очень непохожи ценностные представления в разных стратах одного и того же социума. И все же поиск единой для нации ценностной системы не прекращается, потому что, как однажды выразился знаменитый ведущий телевизионной программы «Очевидное – невероятное» профессор

С.П. Капица, «ранее… табу точно регулировали жизнь. Некоторые ограничения трактуются как нечто врожденное. Я думаю, что самые простые из них “запаяны” в нашей памяти» [24. С. 4]. Это и есть общая система ценностей, характерная и для «верха», и для «низа» социума, она представлена кодами нашего поведения и понимания мира, ее отражает нормативная в ценностном плане журналистика, тем самым сохраняя и поддерживая культурную идентичность общества.

Утверждая всю противоречивость значения медиа для формирования ценностного мира современного человека, мы должны подчеркнуть, что ценностное воздействие со стороны журналистики нацелено не на смыслы мира вообще, а на отдельные сегменты миропонимания в общественном сознании, маркируемые как добро, зло, благо, истина, заблуждение и т.д., которые исторически складываются в медиасфере в качестве ценностно обособленных смысловых пространств. Эти пространства не существуют обособленно и в статике. В своем развитии они то выделяются особенными значениями, то налагаются один на другой, вплоть до подмены. «Добро и зло в наше время поменялись ролями, – уверяет публицист Св. Замлелова. – Добро стало смешным и немодным. Зло преподносится как нечто естественное и необходимое. Добро теряет доверие. Зло обретает несокрушимое алиби. Кому-то удалось вывернуть мир наизнанку и убедить остальных, что так и должно быть» [25. С. 4].

Однако доминирование одних ценностных начал не означает утрату значимости других. Тому свидетельством шумные обсуждения публичных скандалов. Скажем, снятие из репертуара Новосибирского театра оперы и балета (2015) постановки оперы Р. Вагнера «Тангейзер», в которой, по мнению части общественности, наблюдается кощунственное отношение к почитаемым в обществе святыням. Культурные коды коммуникации оказались непригодными для «расшифровки» послания постановщиков оперы, выделилось медийное отторжение ее художественного замысла.

Ценностный анализ медиа уже не первый год проводит группа ученых СПбГУ. Эмпирические объекты исследования разделены по кейсам, в которых зафиксированы конфликтные ситуации общественно-политической жизни, нашедшие заметное отражение в публичной сфере и медиа. Эти кейсы условно обозначены следующим образом: «Второе пришествие РПЦ», «Pussy Riot», «Крым», «Тангейзер». В частности, результаты анализа последнего кейса [исследование проведено в соавторстве с доцентом СПбГУ К.Р. Нигматуллиной] позволили выявить сущностные характеристики медийного дискурса по поводу ценностных конфликтов:

– стирание границ между основаниями оценки событий (политико-правовая, светская, религиозная);

– актуализация ценностной биполярности общественного сознания и архетипов ценностных категорий;

– нарастание языковой экспрессии в соединении с предсказуемостью лексического выражения этой экспрессии;

– превращение ценностных категорий в инструмент политической поляризации общества.

Ценностная поляризация в прессе порождает ценностный диссонанс в

восприятии журналистских произведений. Французский историк Робер Дюшембле в фундаментальных «Очерках по истории дьявола» сделал любопытное замечание о том, «как соотносится Зло с движением по пути Добра и Прогресса… Вопрос неизбежен, ибо образ дьявола… олицетворяет собой темную часть нашей культуры» [26. С. 8]. Не менее важно суждение писателя и философа-постмодерниста Умберто Эко: «Существует Безобразное, вызывающее у нас отвращение в природе, но становящееся приемлемым и даже приятным в искусстве, которое “прекрасно” передает и обличает безобразие Безобразного, понимаемого в физическом и духовном смысле. Но где тот предел, после которого прекрасное изображение Безобразного (и чудовищного) в какой-то мере наделяет его притягательной силой? Уже в Средние века возникла проблема прекрасного изображения дьявола…» [27. С. 133].

Замечание о темной стороне культуры по-своему примечательно: названо то, о чем в наших традициях говорить не принято. Тем не менее «темная сторона культуры» вошла в теоретико-философский и публицистический анализ общей культурной ситуации в качестве ценностного полюса вечных дихотомий «добро – зло», «прекрасное – безобразное», «культура – антикультура». Составляющие проблематики вошли в медийную практику и оказали на нее глубокое влияние.

Причастность журналистики к ценностным переменам в общественном сознании – факт, понимаемый самими журналистами. Но в данном случае вопрос не в этом. Вопрос в осознании ответственности всех причастных к журналистике за адекватную прорисовку картины мира. Объективной, а не той, которая в соответствии с постулатом постмодернизма о «копиях с несуществующего оригинала» сформирована в одних медиа, скопирована другими, отражена третьими, что иной раз кокетливо выдается за некий «виртуальный мир».

Подведя некоторые итоги сказанному, выделим важнейшие функции / назначение аксиологии журналистики в качестве теоретической и практико-ориентированной дисциплины.

Во-первых, это потенции аксиологии журналистики как строить свое понимание медийной сферы, так и прибавлять новое знание в смежные дисциплины, и, прежде всего, в теорию журналистики и философскую теорию ценностей. В аксиологии журналистики формируется методология ценностного анализа медиа – новый инструмент познания журналистики и массовых коммуникаций. Следовательно, нами выделяется *теоретико-методологическая* функция новой дисциплины.

Во-вторых, вернемся к вопросу о важнейших направлениях изучения массмедиа – нормативном и аксиологическом. Уточним, что эти направления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, нормативные основания жизнедеятельности медиа согласуются с ценностным обоснованием функционирования журналистики в обществе – какие социально значимые ценности должны быть репрезентированы в медиасфере и какие в связи с этим ценности становятся доминирующими в журналистике. Таким образом, нормативные теории журналистики углубляются аксиологическими. На этом основании следует выделить *ценностно-ориентирующую* функцию аксиологии журналистики.

В-третьих, аксиология журналистики не безучастна по отношению к лич-

ности журналиста. Она обладает *воспитательной* функцией, которая указывает на взаимодействие с этикой журналистики. Но этим связи аксиологии журналистики с другими разделами гуманитарного знания не ограничиваются. Кроме этики, уже назывались философская теория ценностей, теория журналистики и массовых коммуникаций. В этот перечень также должны быть включены:

– политическая философия (политические идеалы и ценности в числе важнейших в журналистике и определяют состояние медиасферы. Именно журналистика в лице публицистов занимается сложнейшими политическими вопросами соответствия цели и средств ее достижения);

– эстетика (ценности прекрасного отражаются журналистикой, пропагандируются в медиа; эстетически оцениваемый облик имеют как журналистские произведения, так и сами средства массовой информации);

– гносеология (новая дисциплина через ценностный анализ медиа вносит свою лепту в изучение мира и потому объективно сопричастна философской теории знания).

Сложное взаимодействие аксиологии журналистики с другими разделами науки предопределяет еще одно назначение этой дисциплины – функцию *интеграции*. Ее наличие позволяет, с одной стороны, передавать результаты ценностного анализа медиа в смежные гуманитарные науки, с другой – адаптировать их достижения к актуальным вопросам функционирования медиа.

Литература

1. *Шохин В.* Классическая теория ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альфа и Омега : альм. 1998. № 17–18 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravmir.ru/ klassicheskaya-filosofiya-tsennostey/

2. *Философский* словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001.

3. *Плахов В.Д.* Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб.: КАРО, 2008.

4. *Гаджиев, К.С.* Этюды о тоске человека по вечности // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 3–18.

5. *Барышков В.П.* Аксиология личностного бытия. М.: Логос, 2005.

6. *Докучаев И.И.* Ценность и экзистенция: Основоположения истории аксиологии культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.

7. *Столович Л.Н.* Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994.

8. *Поликарпова Е.* Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/ bibliotek_Buks/ Gurn/Polikarp/01.php

9. *Кин Дж*. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

10. *Хочунская Л.В.* Медийные «лидеры мнений» как выражение ценностей аудитории // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012.

11. *Сидоров В.А., Ильченко С.С., Нигматуллина К.Р.* Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины. СПб.: Роза мира, 2009.

12. *Корконосенко С.Г.* Нормативные теории журналистики // Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2014. С. 62–81.

13. *Бакулев Г.П.* Массовая коммуникация: западные теории и концепции: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2010.

14. *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

15. *Гуревич П.С., Палеева Н.Н.* Философия культуры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

16. *Багдасарян Вардан.* Символ идей и ценностей // Лит. газ. 2015. № 28.

17. *Ермаков А.В.* Миф о декабристах // Москва. 2013. № 6.

18. *Столович Л.* Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту, 1999.

19. *Благо* или зло? [Аннотация учебного пособия: Виталий Третьяков. ТВ как неоязычество и как карнавал: курс лекций. М.: Ладомир, 2015] // Лит. газ. 2015. № 29. С. 10.

20. *Кузнецов Н.В.* Культура и мораль: к вопросу о характере взаимосвязи // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. № 4.

21. *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996.

22. *Мирошников Ю.И.* Аксиологическая структура социокультурной коммуникации. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.

23. *Дивеева Юлия.* На Charlie Hebdo подадут в суд за карикатуру с утонувшим сирийским мальчиком // Комс. правда. 2015. 14 сент. [Электронный ресурс]. URL: http://www. kp.ru/ online/news/ 2163649?geoid= 1&geoid=1&geoid=1&geoid=1&cp=2

24. *Совесть*: бесполезное свойство души?: Фрагмент стенограммы «круглого стола» по проблемам нравственности и духовности (Гостиница «Амбассодор», 30–31 янв. 2009 г.) [Подготовил к публикации А.Н. Бузулукский] // С.-Петерб. ведомости. 2009. 14 мая. С. 4.

25. *Замлелова Светлана.* Не предай! // Лит. газ. 2008. № 10. С. 4.

26. *Мюшембле Робер*. Очерки по истории дьявола: XII–XX вв. / пер. с фр. М.: Новое лит. обозрение, 2005.

27. *Эко У.* Красота чудовищ // История красоты / пер. с ит.; под ред. Умберто Эко. Изд-во СЛОВО/SLOVO, 2010.

VALUE ORIENTED UNDERSTANDING OF THE WORLD IN THE JOURNALISM AND HUMANITIES OF THE 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 5 (43). 172–184. DOI: 10.17223/19986645/43/13

Viktor A. Sidorov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.sidorov@spbu.ru

Keywords: journalism, values, media discourse, conflict of values, values dissonance.

The article focuses on the nature of value-oriented understanding of the world by a journalist as one of the main aspects of the most important theoretical questions in media studies in conjunction with a modern humanitarian cognition. In this regard, the author refers to the philosophical theory of values, highlighting the unfading value of the ideals and values of human life and humanity. Identification of the person has a value-oriented character, which determines the value basis of the perception of information in the channels of mass communication. Information sphere in its value expression turns to be the connecting link between the individual and the objective world. Value orientations of the person in the information environment are associated with the eternal questions “What is truth?”, “What is good?”, “What is beauty?” Journalism does respond these questions. The journalistic cognition of the world is inseparable from the fate of nations and the modern era as a whole; a person is submerged in the aggressive media environment 24 hours. In these circumstances, new approaches to the analysis of the functioning of modern media are in demand. One of such approaches was value-oriented analysis of the media, which got its theoretical justification in the axiology of journalism – a new scientific discipline, born at the intersection of the research fields of philosophical value theory and the theory of journalism. The study of the value nature of understanding of the world in journalism is also connected with the analysis of the intuitive comprehension of the meaning of life by a journalist and the cognitive dissonance in the perception of journalistic texts by the media audience. Conflicts in the fields of politics and culture, which are expressed primarily in the media environment, actualized the axiological analysis of press. As part of the research problem, the author compared axiological and normative approaches to the study of journalism, the value starting point and the dynamics of conflict media discourses and their socio-cultural foundations.

References

1. Shokhin, V. (1998) Klassicheskaya teoriya tsennostey: predystoriya, problemy, rezul’taty

[Classical theory of value: background, problems, results]. *Al'fa i Omega: Al'manakh*. 17–18. [Online] Available from: http://www.pravmir.ru/klassicheskaya-filosofiya-tsennostey/.

2. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Respublika.

3. Plakhov, V.D. (2008) *Geroi i geroizm: opyt sovremennogo osmysleniya vekovoy problemy* [Heroes and heroism: the experience of the modern understanding of the age-old problem]. St. Petersburg: KARO.

4. Gadzhiev, K.S. (2009) Etyudy o toske cheloveka po vechnosti [Studies of human longing for eternity]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–18.

5. Baryshkov, V.P. (2005) *Aksiologiya lichnostnogo bytiya* [Axiology of personal being]. Moscow: Logos.

6. Dokuchaev, I.I. (2009) *Tsennost' i ekzistentsiya. Osnovopolozheniya istorii aksiologii kul'tury* [Value and existence. Basic principles of the history of culture axiology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

7. Stolovich, L.N. (1994) *Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth: Essay on the history of aesthetic axiology]. Moscow: Respublika.

8. Polikarpova, E. (2002) *Aksiologicheskie funktsii mass-media v sovremennom obshchestve* [Axiological functions of mass media in modern society]. Rostov-on-Don: Feniks. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/01.php.

9. Keane, J. (2015) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Decadence of Media]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.

10. Khochunskaya, L.V. (2012) [Media "opinion leaders" as an expression of the audience values]. *Zhurnalistika v 2011 godu: Tsennosti sovremennogo obshchestva i sredstva massovoy informatsii* [Journalism 2011: Values of modern society and the media]. Proceedings of the international conference. Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University. (In Russian).

11. Sidorov, V. A., Il'chenko. S.S. & Nigmatullina, K.R. (2009) *Aksiologiya zhurnalistiki: opyt stanovleniya novoy distsipliny* [Axiology of journalism: the experience of the development of a new discipline]. St. Petersburg: Roza mira.

12. Korkonosenko, S.G. (2014) Normativnye teorii zhurnalistiki [Normative theories of journalism]. In: Korkonosenko, S.G. (ed.) *Teorii zhurnalistiki v Rossii: zarozhdenie i razvitie* [Theories of journalism in Russia: origin and development]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

13. Bakulev, G.P. (2010) *Massovaya kommunikatsiya: zapadnye teorii i kontseptsii* [Mass communication: Western theories and concepts]. Moscow: Aspekt Press.

14. Nazarchuk, A.V. (2009) *Teoriya kommunikatsii v sovremennoy filosofii* [Communication theory in modern philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya.

15. Gurevich, P.S. & Paleeva, N.N. (2014) *Filosofiya kul'tury* [Culture philosophy]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".

16. Bagdasaryan, V. (2015) Simvol idey i tsennostey [Symbol of ideas and values]. *Literaturnaya gazeta*. 28.

17. Ermakov, A.V. (2013) Mif o dekabristakh [Myth of the Decembrists]. *Moskva*. 6.

18. Stolovich, L. (1999) *Filosofiya. Estetika. Smekh* [Philosophy. Aesthetics. Laugh]. St. Petersburg; Tartu.

19. Literaturnaya gazeta. (2015) Blago ili zlo? [Annotatsiya uchebnogo posobiya: Vitaliy Tret'yakov. TV kak neoyazychestvo i kak karnaval. Kurs lektsiy. Moscow: Ladomir, 2015] [The good or evil? [Abstract of textbook: Tretyakov, V. (2015) *TV as neo-paganism and carnival. A lecture course*. Moscow: Ladomir]]. *Literaturnaya gazeta.* 29. p. 10.

20. Kuznetsov, N.V. (2010) Culture and morality: to the question of the nature of the relationship. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4:2. pp. 90–97.

21. Vyzhletsov, G.P. (1996) *Aksiologiya kul'tury* [Axiology of culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

22. Miroshnikov, Yu.I. (1998) *Aksiologicheskaya struktura sotsiokul'turnoy kommunikatsii* [Axiological structure of socio-cultural communication]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.

23. Diveeva, Yu. (2015) Na Charlie Hebdo podadut v sud za karikaturu s utonuvshim siriyskim mal'chikom [Charlie Hebdo will be sued for the caricature with a drowned Syrian boy]. *Komsomol'skaya pravda*. 14 Sept. 22:06. [Online] Available from: http://www.kp.ru/ online/news/ 2163649?geoid=1&geoid=1&geoid=1&geoid=1&cp=2.

24. Buzulukskiy, A.N. (2009) Sovest': bespoleznoe svoystvo dushi? Fragment stenogrammy "kruglogo stola" po problemam nravstvennosti i dukhovnosti (Gostinitsa "Ambassodor", 30-31 yanv.

2009 g.) [Conscience: a useless property of the soul? A fragment of the transcript of the round table on the issues of morality and spirituality (Ambassodor, 30–31 January 2009)]. *Sankt-Peterburgskiye vedomosti* . 14 May. p. 4.

25. Zamlelova, S. (2008) Ne preday! [Do not betray!]. *Literaturnaya gazeta*. 10. p. 4.

26. Muchembled, R. (2005) *Ocherki po istorii d'yavola: XII – XX vv.* [Essays on the history of the Devil: 12th–20th centuries]. Translated from French Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

27. Eco, U. (2010) Krasota chudovishch [Beauty of monsters]. In: Eco, U. (ed.) *Istoriya krasoty* [History of Beauty]. Translated from Italian. Moscow: SLOVO.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВРАМЕНКО Иван Александрович – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: iavramenko@hse.ru

АЙТЕНОВА Ирина Куанышбековна – магистрант кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: irina-aytenova@mail.ru

АНДРОСОВА Светлана Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: androcova_s@mail.ru

БАЛОБАНОВА (ЗОЛОТАРЕВА) Любовь Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: balobanova.la@dvfu.ru

БОГДАНОВА Ольга Алимовна – д-р филол. наук, ст. науч. сотр. отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: olgabogda@yandex.ru

БУТЕНИНА Евгения Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: eve-butenina@yandex.ru

ДОЛГУШИНА Людмила Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры древних языков Новосибирского государственного университета.
E-mail: l.v.dolgushina@mail.ru

ЕСИПОВА Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, зав. сектором изучения фонда Научной библиотеки Томского государственного университета.
E-mail: esipova_val@mail.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: ekivancova@yandex.ru

КАРАВАЕВА Вероника Георгиевна – аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск).
E-mail: Berenices1988@gmail.com

КУБЫШКО Ольга Владимировна – аспирант кафедры теории журналистики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: hiteckel@gmail.com

МЕЛИКЯН Анна Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: Melikyan.anna@mail.ru

МИКЛАШЕВСКИЙ Алексей Алексеевич – ассистент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований языка Томского государственного университета.
E-mail: armanster31@gmail.com

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; зав. лабораторией когнитивных исследований языка Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: rezanovazi@mail.ru

СЕДЕЛЬНИКОВА Ольга Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

СИДОРОВ Виктор Александрович – д-р филос. наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: v.sidorov@spbu.ru

ЧЕРНЫХ Зоя Васильевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: my-love-schumacher@yandex.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета.
E-mail: totleben@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2016. № 5(43)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Кашпур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 20.10.2016 г. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 11,25; усл. печ. л. 15,58; уч.-изд. л. 15,38.
Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 28.10.2016 г. Заказ 2158. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru